

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

въ 12-ти томахъ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. **А. С. Архангельскаго.**

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

II.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе **А. Ф. МАРКСА.**
1902.

<http://rcin.org.pl>

В. А. ЖУКОВСКОЕ

1878

Издательство А. Ф. Маркса

Типография А. Ф. МАРКСА, Измайловский просп., № 29.

1812.

ПѢВЕЦЪ ВО СТАПѢ РУССКИХЪ
ВОИНОВЪ.

ПѢвецъ.

На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровь небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ надшими разлукю.
Кто любить видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро щетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Воины.

Кто любить видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро щетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

ПѢвецъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ дома вихорь разметалъ;
Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ;
Ихъ поприще предъ нами...
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами...

О, Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной.
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»
Гремить передъ дружиной.
И ты, певѣриныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погубельной грозой
На рать иноплемениныхъ.

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды прищельца съѣдъ мечей,
И мѣръ взываетъ: слава!
Давно ль, о, хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ—костей громады;
Бѣги! и стыдъ и страхъ съброй
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ;
Отчизны врагъ сопутникъ твой;
Злудѣи владыкъ братомъ.

Но кто сей рыцарь великанъ,
Сей витязъ полуночи?
Друзья, на спящій вражій сталъ
Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роємъ
На сибирныхъ Альповъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ воємъ;
Влѣднѣтъ галлъ, дрожить сарматъ
Въ шатрахъ отъ гибельныхъ взоровъ...
О горе! горе, суеостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ,
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ вослѣдъ
Вѣжимъ на пиръ кровавый;
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;

Да съѣтъ, намъ предтеча въ бой,
 Погвѣль надъ врагами;
 Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
 Внимай намъ, вѣчный Мститель!
 За гибель—гибель, брань—за брань,
 И казнь тебѣ, губитель!

Воины.

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
 Внимай намъ, вѣчный Мститель!
 За гибель—гибель, брань—за брань,
 И казнь тебѣ, губитель!

Пѣвецъ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
 Страна, гдѣ мы впервые
 Вкусили сладость бытія,
 Поля, холмы родные,
 Родного неба милый свѣтъ,
 Знакомые потоки,
 Златія игры первыхъ лѣтъ
 И первыхъ лѣтъ уроки,
 Что вашу прелесть замѣнить?
 О, родина святая,
 Какое сердце не дрожить,
 Тебя благословляя?

Тамъ все—тамъ родныхъ милый домъ;
 Тамъ наши жены, чада;
 О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
 Мы жизни ихъ ограда;
 Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
 И сонмъ друзей безцѣнный,
 И царскій тронъ, и прахъ царей,
 И предковъ прахъ священный.
 За нихъ, друзья, вею нашу кровь!
 На вражьи грянемъ силы!
 Да въ чадахъ къ роднѣй любовь
 Зажгутъ отцовъ могилы!

Воины.

За нихъ, за нихъ вею нашу кровь!
 На вражьи грянемъ силы!
 Да въ чадахъ къ роднѣй любовь
 Зажгутъ отцовъ могилы!

Пѣвецъ.

Тебѣ сей кубокъ, Русскій ЦАРЬ!
 Цвѣти твоя держава;
 Священный тронъ твой намъ алтарь;
 Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
 Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
 Пріяли вѣрность съ кровью:

О, ЦАРЬ, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
 Къ тебѣ горимъ любовью;
 Нашъ каждый ратникъ славянитъ;
 Всѣ долгу здѣсь послушны;
 Бѣжить предатель сихъ дружинъ
 И чуждъ имъ малодушный.

Воины.

Не измѣнимъ! мы отъ отцовъ
 Пріяли вѣрность съ кровью!
 О ЦАРЬ! здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ!
 Къ тебѣ горимъ любовью!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
 Въ шатрахъ, на полѣ чести,
 И жизнь, и смерть—все пополамъ;
 Тамъ дружество безъ лести,
 Ръшимость, правда, простота,
 И правотъ непритворство,
 И смѣлость—бранныхъ красота,
 И твердость, и покорство.
 Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
 Къ вѣщамъ стезею правой!
 Опасность—твердый нашъ союзъ;
 Одной пылаемъ славой.

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
 На гибель супостата,
 Кто слабость надплаго щадитъ,
 И грозно метитъ за брата;
 Онъ взоромъ жизнь дастъ полкамъ;
 Онъ махомъ мощной длани
 Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
 Въ средину шумной брани;
 Ему веселье битвы гласъ,
 Спокоенъ подъ громами:
 Онъ свой послѣдній видитъ часъ
 Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
 Герой подъ сѣдинами!
 Какъ юный ратникъ, вихрь, и дождь,
 И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
 О, сколь съ парашнымъ челомъ
 Предъ стросмъ онъ прекрасенъ!
 И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
 И сколь врагу ужасенъ!
 О диво! се орелъ пронзиль
 Надъ нимъ небесъ равнины...
 Могучій вождь главу склонилъ;
 Ура! кричатъ дружины

Лети ко праждамъ, орелъ,
 Пророкомъ славной мести!
 Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
 Путь гибели и чести;
 Съ нимъ опытъ, силъ труда и лѣтъ;
 Опъ бодръ и съ сѣдиною;
 Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
 Довѣренность къ герою!..
 Итъ, други, нѣтъ! не предапа
 Москва на расхищене!
 Тамъ стѣны!.. въ россахъ вся опа!
 Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье!

Хвала сподвижникамъ-вождямъ!
 Ермоловъ, витязь юный,
 Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
 И страхъ твой перуны!
 Раевскій, слава нашихъ дней,
 Хвала! передъ рядами
 Опъ первый грудъ противъ мечей
 Съ отважными сынами.
 Нашъ Милорадовичъ, хвала!
 Гдѣ опъ промчался съ бранью,
 Тамъ, мнится, смерть сама прошла
 Съ губительною дланью.

Нашъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
 Петрополя спаситель,
 Хвала!... Опъ щитъ странѣ родной,
 Опъ хищныхъ истребитель.
 О, сколь величественный видъ,
 Когда передъ рядами,
 Одинъ, склоняся на твердый щитъ,
 Опъ грозными очами
 Блюдетъ противящювъ полки,
 Имъ гибель устрояетъ,
 И вдругъ... движеніемъ руки
 Ихъ соимы разсыпаетъ.

Хвала тебѣ, славянтъ любовь,
 Нашъ Коновинцынъ смѣлый!..
 Ничто ему толпы враговъ,
 Ничто мечи и стрѣлы;
 Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
 И пышетъ пламень боя...
 Опъ веселъ, опъ на гибель зрять
 Съ спокойствіемъ героя;
 Себя забылъ... однимъ врагамъ
 Готовить истреблене;

Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
 И смѣлымъ удивлене.

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ;
 Вождь невредимыхъ, Платовъ!
 Твой очарованный арканъ
 Гроза для супостатовъ.
 Орломъ шумяшь по облакамъ,
 По полю волкомъ рыщешь,
 Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
 Бѣдой имъ въ уши свищешь;
 Они лишь къ лѣсу—ожгаль лѣсъ,
 Деревья сыплютъ стрѣлы;
 Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
 Лишь къ селамъ—пышутъ селы.

Хвала, нашъ Неесторъ-Беннигсонъ!
 И вождь и мужъ совѣта,
 Блюдетъ враговъ не дремя опъ,
 Какъ змѣй орелъ съ полета.
 Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
 Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
 И Тормасовъ, летящій въ бой,
 Какъ юноша веселый!
 И Багговутъ, среди громовъ,
 Средь копій безмятежный!
 И Дохтуровъ, гроза враговъ,
 Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
 О, други, сколь смутилась
 Вся рать славянтъ, когда стрѣла
 Въ безстрашнаго вопзпалась;
 Когда полмертвъ, окровавленъ,
 Съ потухшими очами,
 Опъ на щитѣ былъ изнесенъ
 За ратный строй друзьями.
 Смотрите... извои рововой
 Къ постелѣ пригвожденный,
 Опъ страждетъ, братскою толпой
 Увѣчныхъ окруженный.

Ему возглавье бранный щитъ;
 Незыблемый въ мученьѣ,
 Опъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
 «Друзья, бѣдамъ презрѣнне!»
 И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
 Веселье пробуждаетъ,
 И оживаетъ до полы мечъ
 Рука ихъ обнажаетъ.
 Слѣши жъ, о, витязь нашъ, воспрянь!

Ужъ ангель пстрбленье
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.

Хвала, Щербатовъ, вождь младои!

Среди грозы военной,
Друзья, онъ сътуесть душой
О, тратѣ незабвенной.

О витязь, ободрись... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею слыше знамена

Дружинъ твоихъ хранимы.

Любви и скорби—оживить

Твои для мщенья силы:

Рази дерзнувшихъ возмутить

Покой ся могилы!

Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!

Какъ бурю носимый,

Вездѣ впереди своихъ дружинъ

Разить, неотразимый.

Нашъ смѣлый Строгоновъ, хвала!

Онъ жаждетъ чистой славы;

Она изъ мира увлекла

Его на путь кровавый...

О, храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!

Свершайте истребленье,

Отчизна къ вамъ взываетъ: мечь!

Вселенная: спасенье!

Хвала безтронетныхъ вождямъ!

На коняхъ окрыленныхъ

По доламъ скачутъ, по горамъ

Востлѣдъ враговъ смятенныхъ;

Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи

Страшать, какъ привидѣнья;

Блестаютъ смертью ихъ мечи;

Отъ стрѣлъ ихъ вѣтъ спасенья;

По вѣзмъ разыщаны путямъ,

Невидимы и зримы,

Сломли здѣсь, сражаютъ тамъ,

И всюду невредимы.

Нашъ Фиглеръ старцемъ въ станъ вра-

Идетъ во мракъ ночи; [говъ

Какъ тѣнь, прокрадеа вокругъ шатровъ,

Все зрѣли быстры очи...

И станъ еще въ глубокомъ снѣ,

День свѣтлый не проглянулъ—

А онъ ужъ, витязь, на конѣ,

Уже съ дружиной грянулъ.

Ссславить—гдѣ ни пролетитъ

Съ крылатыми полками:

Тамъ брошешь въ прахъ и мечъ, и щить,

И уставишь путь врагами.

Давыдовъ, пламенный боець,

Онъ вихремъ въ бой кровавый;

Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ

Вина, любви и славы.

Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ

И летомъ на стремнину;

Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ

На мечъ и громъ дружины;

Орловъ отважностью орель;

И мчитъ грозу ударовъ,

Сквозь дымъ и огонь, по грудамъ тѣль,

Въ среду враговъ Кайсаровъ.

Воины.

Вожди славиль, хвала и честь!

Свершайте истребленье;

Отчизна къ намъ взываетъ: мечь!

Вселенная: спасенье!

Пѣвецъ.

Друзья, кипящій кубокъ сей

Вождемъ, сраженнымъ въ боѣ!

Уже не придуть въ сонмъ друзей,

Не стануть въ ратномъ строѣ,

Ужъ для врага ихъ грозный ликъ

Не будетъ вѣстникъ мщенья,

И не помчитъ ихъ мощный кликъ

Дружину въ пылъ сраженья;

Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щить,

Ихъ ратники унылы;

И сирѣ могучихъ конь стоить

Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, разрушитель силъ,

Сверѣный пламень брани?

Онъ палъ—главу на щить склонилъ,

И ственулъ мечъ во длани.

Гдѣ жизнь судьба ему дала,

Тамъ браль его сразила;

Гдѣ колыбель его была,

Тамъ днесъ его могила.

И тихъ его послѣдній часъ:

Съ молитвою священной

О милой матери, угасъ

Герой нашъ незабвенной.

А ты, Кутайсовъ, вождь молодой...

Гдѣ прелести? гдѣ младость?

Увы! онъ видомъ и душой

Прекрасенъ былъ, какъ радость!

Въ брѣи лл, грозный, выступалъ —

Бросали смерть перуны;

Во струны ль арфы ударялъ —

Одушевлялись струны...

О, горе! вѣрный конь бѣжить

Окровавленъ изъ боя;

На немъ его разбитый щить...

И иѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?

Какою взята могилой?...

Пойдетъ прекрасная въ слезахъ

Искать, гдѣ пещель милый...

Тамъ чище ранняя роса,

Тамъ зелень ароматнѣй,

И сладостнѣй цвѣтовъ краса,

И свѣтлѣй дѣнь прятнѣй;

И тихій духъ твой прилетитъ

Изъ таинственной сѣни;

И трепеть сердца возвѣститъ

Ей близость дружней тѣни.

И ты... и ты, Багратионъ?

Вотще друзей молитвы,

Вотще ихъ плачъ... во гробъ онъ,

Добыча лютой битвы.

Еще дружинъ падежда въ пемъ;

Все мнѣтъ: съ одра возстаетъ;

И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:

«Увы, памъ! скоро грянетъ.»

А онъ... на вѣки взоръ смежилъ,

Рѣшитель бранихъ споровъ;

Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,

Къ тебѣ, отецъ-Суворовъ.

И честь вамъ, падшіе друзья!

Ликуйте въ горней сѣни!

Тамъ ваша вѣрная семья —

Вождей минувшихъ тѣни.

Хвала вамъ будетъ оживлять

И позднихъ лѣтъ бесѣды.

«Отъ нихъ учитесь умирать!»

Такъ скажутъ внукамъ дѣды!

При вашемъ имени вскричитъ

Въ вождѣ ретивомъ пламя;

Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,

И водрузитъ тамъ знамя.

Воины.

При вашемъ имени вскричитъ

Въ вождѣ ретивомъ пламя;

Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,

И водрузитъ тамъ знамя.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! Други, въ строй!

И къ небу грозны длани!

Сразитъ иль пасть! — нашъ роковой

Обѣтъ предъ Богомъ брани.

Вотще, о врагъ, изъ тьмы племени

Ты зиждешь ополченья:

Они бѣгутъ твоихъ знаменъ,

И жаждутъ низложенья!

Сокровницъ иѣтъ у насъ въ домахъ!

Тамъ стрѣлы и кольчуги;

Мы села въ испелъ! грады въ прахъ!

Въ мечи — серпы и плуги!

Злодѣй! онъ лестью приманилъ

Къ Москвѣ свои дружины;

Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ

Съ Кремлевскія вершины.

«Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!

Пойду... и все восплечетъ!

И въ прахъ падутъ съ своимъ царемъ!»...

Пришелъ... и самъ трепещетъ;

Подвигло мщеніе Москву:

Вспылала предъ врагами,

И грянулась на ихъ главу

Губящими стѣнами.

Веди жъ своихъ царей-рабовъ

Съ ихъ стаей въ область хлада;

Пробей трону среди сѣтвовъ

Во срѣтеніе глада...

Зима, союзникъ нашъ, гряди!

Имъ запертъ путь возвратный;

Пустыни въ пемлѣ позади;

Предъ ними сонмы ратны.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:

Духъ алчности, иль мщенье?

Принасижъ!.. мы въ родниѣ своей;

За правыхъ Провидѣнье!

Воины.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:

Духъ алчности, иль мщенье?

Пришлецъ!.. мы въ родниѣ своей;

За правыхъ Провидѣнъ!

Пѣвецъ.

Святому братству сей фіалъ

Отъ вѣрныхъ братіи круга!

Блаженъ, кому Создатель далъ

Усладу жизни, друга;

Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ

Онъ сердцу утѣшенъ;

Онъ наша совѣсть; онъ для насъ

Второе Провидѣнъ.

О! будь же, други, святость узъ

Закопъ нашъ подъ шатрами;

Написать кровью нашъ союзъ:

И жить и пасть друзьями.

Воины.

О! будь же, други, святость узъ

Закопъ нашъ подъ шатрами!

Написать кровью нашъ союзъ:

И жить и пасть друзьями!

Пѣвецъ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!

Среди борьбы кровавой.

Друзья, святой питайте жаръ:

Любовь одно со славой.

Кому здѣсь жребій удѣленъ

Знать тайну страсти милой,

Его сердцемъ сердцу обрученъ:

Тотъ сѣбло, съ бойрой силой

На все великое летить;

Нѣтъ страха; нѣтъ преграды;

Чего, чего не совершитъ

Для сладостной награды?

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,

Намъ спутникъ неизмѣнный;

Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,

Зримъ образъ незабвенный;

Она на бранныхъ знаменахъ,

Она въ пылу сраженья;

И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ

Веселыхъ словидѣнъ.

Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щить,

Рукою данный милой;

Святой обѣтъ на немъ горитъ:

Твоя и за могилой!

О, сладость тайныя мечты!

Тамъ, тамъ за синей далью

Твой ангелъ, дѣва красоты,

Одна съ своей печалью,

Грустить, о другѣ слезы льеть;

Душа ея въ молитвѣ,

Бонится вѣсти, вѣсти ждеть:

«Увы! не палъ ли въ битвѣ?»

И мыслить: «скоро ль, дружной гласъ,

Твои миѣ слышать звуки?

Лети, лети, свиданья часъ,

Смѣнить тоску разлуки!»

Друзья! блаженнѣйшая часть

Любозныхъ бытъ спасенемъ!

Когда жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть,—

Погибнемъ съ наслажденемъ!

Святое имя призовемъ

Въ минуту смертной муки;

Кѣмъ мы дышали въ мирѣ семъ,

Съ той нѣтъ и тамъ разлуки:

Туда душа перенесетъ

Любовь и образъ милой...

О, други, смерть не все возьметъ:

Есть жизнь и за могилой!

Воины.

Въ тотъ миръ душа перенесетъ

Любовь и образъ милой...

О, други, смерть не все возьметъ:

Есть жизнь и за могилой!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чистымъ музамъ въ даръ!

Друзья, онъ въ героя

Вывають бодрость, славы жаръ,

И мечь, и жажду боя.

Гремятъ ихъ шпы—старъ и младъ

Одѣлись въ бранны латы:

Ничто имъ стрѣль свистящихъ градъ,

Ничто твердынь раскаты.

Пѣвцы сотрудики вождямъ;

Ихъ пѣсни жизнь любѣдамъ,

И вуюки, внемля ихъ струнамъ,

Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О, радость древнихъ лѣтъ, Боянь!

Ты, арфой ополченный,

Леталъ предъ строими славянъ

И гимнъ гремялъ священнъ.

Петру возникъ среди свѣговъ

Пѣвецъ—податель славы;

Честъ Задунайскому Петровъ.

О, Бамскія дубравы,

Гордитесь! вашъ Державинъ сынъ!

Готовь свои перуны,
Суворовъ, чудо-исполянъ—
Державникъ грянетъ въ струны.

О, старецъ! да услышимъ твой
Днесъ голосъ лебединный:
Не тиетной славы предъ тобой,
Но мщелія дружины;
Простерли не къ добычамъ длапъ,
Въгуть не за вѣсками—
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племень порабощенъ;
Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ спасенье.

Такъ, братья, чадамъ музъ хвала!...
Но я, пѣвецъ вашъ юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучныя мнѣ струны?
Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира...
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчий край, и кругъ друзей,
И трудъ удивленный,
И все... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны!

Но буду ль вани пѣть дѣла
И хищныхъ истребленъ?
Быть-можетъ, ждетъ меня стрѣла,
И мнѣ удѣлъ—наденеъ.
Но что жь.. навѣки ль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладитъ въ мирѣ?

Останется привычный гласъ
Въ осиротѣвшей лирѣ.
Пускай губителя во прахъ
Низрипетъ мечь кровава—
Родится жизнь въ ея струнахъ,
И звучно грянутъ: слава!

Воины.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

Пѣвецъ.

Подыметь чашу!... Богу силъ!
О, братья, на колѣна!

Онъ ископн благословилъ
Славянскія знамена.
Безспильнымъ щить Его законъ,
И гнобушимъ спаситель;
Всегда союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ истребитель.
О, братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ жизни сей награда!
Отголь Отецъ незримый намъ
Гласить: мужайтесь, чада!
Безсмертье, тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь—къ нему стремленье.
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, страданники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,
Старикъ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани многою пошу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаеть,
И, бодръ, на молнійныхъ крылахъ
Въ миръ лучшій улетаетъ.

А мы?... Довѣренность къ Творцу!
Что бъ ни было—Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ—простота;
Нежадность—въ наслажденъ;
Въ союзѣ съ ровнымъ—правога;
Въ могуществѣ—смиренье.
Обѣтамъ—вѣчность; чести—честь;
Покорность—правой власти;
Для дружбы—все, что въ мирѣ есть;
Любви—весь пламень страсти;
Утѣха—скорби; просебѣ—дапъ;
Погибели—спасенье;
Могущему пороку—брань;
Безспильному—презрѣнье;
Неправдѣ—грозный правды гласъ;
Заслугѣ—воздаянье;
Спокойствие—въ послѣдній часъ;
При гробѣ—упованье.

О! будь же, Русскій Богъ, намъ щить!

Прострешь Твою десницу—
И метитель-громъ Твой раздробить
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицомъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами...
О, страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речеть пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
И мнилъ: земли ихъ мало;
И взоръ ихъ гибелью горбѣлъ;
Протекъ—враговъ не стало!»

Воины.

Речеть пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
И мнилъ: земли имъ мало;
И взоръ ихъ гибелью горбѣлъ;
Протекъ—враговъ не стало!»

Пѣвецъ.

Но свѣтлыхъ облаковъ грядя
Ужъ утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда
Надъ холмами вграсть;
Рѣдѣтъ сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,
И дальшій лѣсъ, и тихій станъ,
И спящія дружины.
О, други, скоро!... день грядетъ...
Недвижны рати бурны...
Но... рокъ ужъ жребіи беретъ
Изъ таинственной урны.

О, новый день, когда твой свѣтъ
Исчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!...
И онъ блеснулъ!... Чу!... вѣстовой
Церувъ по холмамъ грянулъ;
Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите: станъ воспрянул!
И кони ржутъ, грызя бразды;
И строй сомкнулся съ строемъ;
И вождь летитъ передъ рядами;
И пышетъ ратникъ боемъ.
Друзья, прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавой
Подъ вихорь стрѣль, на рядъ мечей,
За смертью или за славой...
О вы, которыхъ и вдали
Боготворимъ сердцами,
Вамъ, вамъ всѣ блага на землѣ!

Щить Промысла надъ вами!...
Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здесь* вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

Воины.

Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здесь* вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

ВОЖДЮ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

писано послѣ сраженія подъ Краснымъ.

О, вождь славяни, дерзнуть ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцать?
Вездѣ гремятъ отященія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вепять,
И съ росомъ мѣръ тебѣ рукопашекъ!..
Кто ибнью струнъ среди плесковъ сихъ
внимаетъ?

Но какъ молчать? Я сердцемъ славянищу!
Я зрѣлъ, какъ ты, впреди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождѣ, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гитѣвъ, шелъ грозно за врагами!
Со всѣхъ сторонъ дымились небеса;
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась...
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О, старецъ-вождь! я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ рокъ невидимый летѣлъ;
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣчичанной сѣдиною!

Законъ судьбы для насъ неизяснимъ!
Надменный сей не ею ль былъ хранимъ?
Вотще пески Ливійскіе пылали—
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще врати пучину осаждали—
Его промчалъ безвредно легкий чолнъ!
Ступилъ на брегъ—въ рукавъ его корона!
Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю оковалъ!
Ужъ онъ царей-рабовъ своихъ созвалъ!..
И возстаютъ могучіе тевтоны,
Достойные Арминія сыны;
Неаполь, Римъ собираютъ легіоны;
Богемецъ, венгръ, саксонъ ополченъ;
И стали въ строй изиѣнники сарматы!
Имъ пѣтъ числа; дружины ихъ крылаты;

И пордь и югъ потокъ сей наводилъ!
Вождю вослѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Плутъ, летягъ—ужь все подь ихъ стопою,
Ужъ росъ главу подь низкій миръ
склонилъ...

О, замыслы! о, неба судъ ужасной!
О, хищный врагъ!... и трудъ толкихъ лѣтъ,
И трупами устанный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни—все напрасно!
Здѣсь грозная судьба его ждала;
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славный его низринулъ!
Хвала, пашъ вождь! Едва дружины дви-

ужь хищныхъ рать стремглавъ бѣжали
назадъ;

Ихъ гонить страхъ; за ними мчится гладъ;
И щигъ и мечъ бросають съ знаменами;
Вездѣ пути покрыты ихъ костями;
Ихъ волны жрутъ; ихъ губить огонь и хладъ;
Вотще свой взоръ подьземногъ ко спасенью...

Не узрять ихъ отечески поля!
Обречены въ добычу истребленю,
И будетъ гробъ пшъ Русская земля!
И скрылася, пашъ старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ!
Посолъ судьбы явился ты полкамъ—
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ.

Лети, неси за ними смерть и страхъ;
Его ударъ—и всей землѣ свобода!
И нѣтъ слѣдовъ великаго народа!

О, сколь тебѣ завидный жребій дагъ!
Еще вдали трепещеть оттоманъ—
А ты ужь здѣсь! ужь родины спаситель!
Уже погналъ, какъ геній-истребитель,
Кичливия разбойниковъ орды;
И рядъ побѣдъ—полковъ твоихъ слѣды;
И самый врагъ, певолою гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ грома:
Ты жизнь ему побѣдами даришь...
Когда жъ, свершивъ погубельное мщенье,
Свои полки отчищъ возвратишь,
Сколь славное тебѣ успокоенье!...

Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ:
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани;
Во ерѣтенье бѣгутъ и старъ и младъ;
Къ тебѣ ихъ взоръ; къ тебѣ поднимають
длани;

«Вотъ онъ! вотъ онъ! сей грозный вождь,
пашъ щигъ;
Сколь величавъ, грядущій предъ полками!
Убейте путь спасителя цвѣтами!

Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!
Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!»
Когда жъ, сложивъ съ главы своей шеломя
И мечъ съ бедра, ты возвратишь въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье
Предъ славными трофеями побѣдъ—
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ! [лѣтъ
О, дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!
Съ веселиемъ вода окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣтъ ликующія нивы,
И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: мной дана имъ тишина.
И старецъ, въ гробъ ступившій ужь ногою,
Тебя въ семьѣ вспомянувъ съ мольбою,
Въ семействѣ скажетъ: имъ сбережена
Мнѣ мирная въ отечествѣ могила.
И скажетъ мать, любящая на дѣтой:
Его рука мнѣ милыхъ сохранила.
На иришествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ алтаремъ, въ обители царей,
Вездѣ, о вождь, тебѣ благословенье!
Тебя предасть потомству исполненье!

1812, октябрь.

КЪ Н. Н.

при посылкѣ портрета.

Вотъ вамъ стихи, и съ ними мой портретъ!
О, милые, сей бѣдный даръ примите
Въ залогъ любви. Меня ужь съ вами нѣтъ!
Но вы мой путь, друзья, благословите.
Вы скажете: печальнъ образъ мой;
Увы! друзья, въ то самое мгновенье,
Какъ въ пламениомъ Мальяни вдохповеньѣ
Преображалъ искусною рукою
Велепечальнъ листокъ въ лицо поэта,
Я мысленно печальной былъ при васъ,
Я проходилъ мечтами прежни лѣта
И предо мной мелькаль разлуки часъ!
Куда ведетъ меня мой рокъ, не знаю;
И если бъ онъ мнѣ выбрать волю далъ
Мой путь, друзья,—не тотъ бы я избралъ;
Но съ Промысломъ судиться не дерзалъ!
Пусть будетъ то, что свыше суждено!

Готовъ на все!.. Условіе одно:
Чтобъ вы, рукой Всесильнаго хранимы,
Въ сей бурѣ бѣдъ остались невредны.

Э Л И З И У М Ъ.

пѣсія

[изъ маттиссона].

Роца, гдѣ, податель мира,
Добрый геній смерти слить,
Гдѣ румяный блескъ зѣира
Съ тѣнью зыбкихъ сѣней слить,
Гдѣ источника журчанье,
Какъ далекій отзывъ лиръ,
Гдѣ печаль, забывъ роптанье,
Обрѣтасть сладкій міръ.

Съ тайнымъ трепетомъ, смитенна,
Въ упоеніи боговъ,
Для безсмертья возрожденна,
Сбросивъ пенельный покровъ,
Входитъ въ сумракъ твой Психея;
Неприкованна къ землѣ,
Юной жизнью пламенья,
Развила она крилѣ.

Полетѣла въ тихомъ свѣгѣ,
Съ обновленною красой,
Въ доль туманный, къ тайной Летѣ;
Мнилось, легкою рукой
Геній влекъ ея незрѣмый;
Видитъ мирные луга;
Видитъ Летою кропима
Очарованны брѣга.

Въ ней надежда, ожиданье;
Наклонилася къ водамъ,
Усмиряющимъ страданья...
Лишь простерся по струямъ;
Такъ безоблаченъ играетъ
Въ морѣ мѣсяцъ молодой;
Такъ въ источникъ сверкаетъ,
Факель Геспера златой.

Лишь фіалъ воды забвенья
Поднесла къ устамъ она —
Дней минувшихъ привидѣнья
Скрылись легкой тѣнью сна.
Заблестала, полетѣла
Къ очарованнымъ холмамъ,
Гдѣ журчатъ, какъ Филомела,
Свѣтлы воды по цвѣтамъ.

Все въ торжественномъ молчаньи:

Притаились вѣтерки;
Лавровъ стихло трепетанье;
Спятъ на розахъ мотыльки.
Такъ молчало все творенье —
Море, воздухъ, берегъ дикъ —
Зря пѣвнестыхъ водъ рожденье
Анадіомены ликъ.

Всюду яркій блескъ Авроры.
Никогда такой красой
Не сияли роци, горы,
Обновленные весной;
Мирты съ зыбкими листьями
Тонуть въ пурпурныхъ лучахъ;
Розы свѣтлыми звѣздами
Отразились въ водахъ.

Такъ волшебный лучъ Селены
Въ лѣсъ Карійскій проникалъ,
Гдѣ, ловитвой утомленный,
Сладко другъ Діаны спалъ;
Какъ струи лѣвннвой ропотъ,
Какъ воздушной арфы звонъ,
Разливался въ лѣсъ шопотъ:
«Пробудись, Эндиміонъ!»

ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА,

или

СИЛА ГАРМОНИИ.

(изъ дрвйдена).

По страшной битвѣ той, гдѣ царь Пер-
сиды палъ,
Оставля рать, вѣнецъ и жизнь въ крова-
Возвышенъ возсѣдалъ, [вомъ полѣ,
Въ сіяньѣ на престолѣ,
Красою богъ, Филипповъ сынъ.
Кругомъ — вождей и ратныхъ чинъ;
Вѣнцами розъ главы увиты:
Вѣнецъ есть даръ тебѣ, сынъ брани зна-
Танса близъ царя сидитъ, [мевитый!
Любовь очей, востока диво;
Какъ роза, — юный цвѣтъ ланитъ,
И полонъ страсти взоръ стыдливой.
Блаженная чета!
Величіе съ красою!
Лишь бранному герою,
Лишь смѣлому въ бояхъ наградою красота!
И зрѣлся Тимотей среди пеющихъ клира;
Летали персты по струнамъ;

Какъ вихорь, мощный звопъ стремился
Звучала радостию лира. [къ небесамъ;
Отъ Зевса пѣнь ведетъ пѣвецъ:
«О, власть любви! Боговъ отецъ,
Свои покинувъ громы, съ трона,
Идъ дивнымъ образомъ дракона,
Нисходитъ въ мѣръ; дугами вѣсть
Огнечешуйчатый хребеть;
Въ немъ страсти пышетъ вожделѣнье;
Къ Олимпѣ летить, къ грудямъ ея припнѣтъ
Обвивъ трикраты станъ — и вотъ Зевесовъ
лнкъ!
Вотъ новый царь землѣ! Зевесово рожденье!»

И строй внимающихъ восторгомъ распаленъ;
Кличъ шумный: Царь нашъ богъ! И старъ
и младъ воспрянулъ.
И звучно: Царь нашъ богъ! по сводамъ
отзывъ грянулъ.

Царь славою упоенъ;
Зрѣть звѣзды подъ стною;
И мыслить: онъ—Зевесъ;
И движеть онъ главою,

И мнитъ—подвинулъ сводъ небесъ.

Хвалою Бахуса воспламенились струны:
«Грядеть, грядеть веселый богъ,
Всегда прекрасный, вѣчно-юный.
Звучи, кимвалъ; раздайся, рогъ;
Нашъ Бахусъ свѣтлый, саповитый;
Какъ пурпуръ, пламенны ланиты;
Звучи, труба! грядеть, грядеть!
Изъ кубковъ вина съ шумомъ бьетъ;
Кипитъ въ ней пламень сладострастный.
Шей, воинъ! даръ тебѣ сосудъ.

О, Вакха даръ безцѣнный!

Виномъ воспламененный,
Забудь, сынъ брани, бранный трудъ.»

И царь, волнуемъ струнъ игрою,
Въ мечтахъ сзываетъ рати къ бою;
Трикраты врагъ сраженный имъ сраженъ;
Трикраты плѣнный брошенъ въ плѣнъ.

Пѣвецъ зрѣть гнѣва пробуждеце
Въ сверганіи очей, во пламени ланитъ;
И небу и землѣ грозящу ярость зрѣть...
Онъ струны укротилъ; ихъ заушнво пѣвецъ;

Едва ласкаетъ слухъ задумчивый ихъ
гласъ,
И жалость на струнахъ смиренныхъ родилась.

Онъ Дарія постъ: «Царь добрый! Царь
великій!

Кто равель съ нимъ?... Но рокъ свой
грозный судъ послалъ;

Онъ палъ, онъ страшно палъ;

Нѣтъ Дарія-владыки.

Въ кипящей зыблется крови;

Отъ всѣхъ забытъ въ ужасной долѣ;

Нѣтъ въ мѣрѣ для него любви;

Хладѣеть на песчаномъ полѣ;

Гдѣ другъ—глаза ему смежить,

И прахомъ сирую главу его покрыть?»

Сидѣлъ герой съ поникшими очами;

Онъ мыслію прискорбною пробѣгалъ

Стези судьбы, играющей царями;

За вздохомъ вздохъ изъ груди вылеталъ,

И пролилась печаль его слезами.

И дивный пѣснопѣвецъ зрѣть,

Что жаръ любви уже горитъ

Въ душѣ, вкусившей сожалѣнья—

И пѣнь зыгралъ онъ наслажденья:

«Проснись, Лидійскій брачный гласъ;

Проникни дуну, пламень сладкой;

О, витязь! жизнь—крылатый часъ;

Мы радость ловимъ здѣсь украдкой;

Летучей пѣны клубъ златой,

Надутый пышно и пустою—

Вотъ честь, надменныхъ душъ забава;

Народамъ казнь героевъ слава.

Спѣши быть счастливъ, богъ земной;

Таиса, цвѣтъ любви, съ тобой;

Къ тебѣ ласкается очами;

Въ груди желанья тайный жаръ,

И дышетъ страсть ея устами.

Вкуси любовь—безсмертныхъ даръ.»

Возсталъ отъ сна кличъ и своды возстонали:

«Хвала и честь любви! пѣвцу хвала и честь!»

И полонъ сладостной печали,

Очей не можетъ царь задумчивыхъ отвстеть

Отъ дѣвы, страстью распаленной;

Блаженъ своей тоской; что взглядъ, то

пѣжный вздохъ;

Горитъ и гаснетъ взоръ, желаньемъ на-
поенный,
И, томный, палъ на грудь Тансы подубогъ.
Но струны грянули подъ сильными пер-
стами
Ихъ страшный звонъ, какъ съ трескомъ
надшій громъ;
Звучишь, звучишь... подиляся царь; кругомъ
Онъ бродитъ смутными очами;
Разрушенъ пѣни сладкій сонъ;
Исчезла прелесть вожделѣнья,
И слухъ его разитъ тяжелый, дикій стогъ:
«Сынъ брани, мщенья! мщенья!
Покорствуй гнѣву Эмменидъ;
Се дѣвы казни! страшный видъ!
Смотри! смотри! межъ волосами
Ихъ змѣи страшныя шипятъ,
Сверкаютъ грозными очами,
Зияютъ, жадами блестятъ...
Но что? Тамъ блѣдныхъ тѣней лики,
Воздушный полкъ на облакахъ;
Несутся... свѣточки въ рукахъ;
Ихъ грозенъ видъ; ихъ взоры дикя;
То воины твои... сраженнымъ въ битвѣ нѣтъ
Послѣдней даи погребенья;
Пустынный врагъ ихъ трупы рветъ,
И воютъ: мщенья! мщенья!
Вѣжить отъ ихъ огней пожаръ по небесамъ;
Вѣдой на Персеюль ихъ гнѣвны очи бле-
туда погибель мечутъ; [щутъ;
Къ мечамъ! Бойницы въ прахъ! Огню и
домъ и храмъ!...»
И сонмы всколебались къ брани;
На щитъ и мечъ упали длани;
И царь погибельный свѣтляникъ вос-
палилъ.
О горе, Персеюль! грядетъ владыка силъ;
Танса, вожь герою,
Елена новая, зажжетъ другую Трою.
Такъ древней лиры гласъ — когда еще
Органа мѣхъ чудесный — [молчалъ
Перетамъ послушный, оживлялъ
Въ душѣ восторгъ, и гнѣвъ, и чувства
жаръ прелестный.
Но днесъ другую жизнь гармоніи дала
Сесилия, творецъ органа.
Безмернымъ вымысломъ художница снла

Протяжнеть съ быстротой, звонъ лиры,
громъ тимпана
И пѣнье пѣжныхъ флейтъ. О, древнихъ
лѣтъ пѣвецъ,
Клади къ ея столамъ заслугъ твоихъ
вѣнецъ...

Но пѣть! вы равны вдохновеньемъ!
Имъ смертный къ небу вознесенъ;
На землю ангелъ нпзведенъ
Ея чудеснымъ сладкопѣньемъ!

М Е Ч Т Ы.

пѣсн.

[Изъ Шиллера].

Зачѣмъ такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неумолимая, стой!
О, дней моихъ весна золотая,
Стой... тебѣ возврата нѣтъ...
Летитъ, молитвѣ не внимая;
И все за ней помчалось влѣдъ.

О! гдѣ ты, лучъ, путеводитель
Веселыхъ юношескихъ дней?
Гдѣ ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей?
Ужъ нѣтъ ея, сей вѣры милой
Къ твореньямъ пламенной мечты...
Добыча истинѣ ушлаой
Призраковъ прежнихъ красоты.

Какъ древле рукъ своихъ создалъ
Боготворилъ Пигмалионъ —
И мраморъ внялъ любви стenanь,
И мертвый былъ одушевленъ —
Такъ пламенно объята мною
Природа хладная была;
И, полная моею душою,
Она подвиглась, ожила.

И, юноши дѣля желанье,
Нѣмая обрѣла языкъ:
Миѣ отвѣчала на лобзанье,
И сердца гласъ въ нее пронизъ.
Тогда и древо жизнь пріяло,
И чувство ощутилъ ручей,
И мертвое отзывомъ стало
Пылающей души моеи.

И неестественным стремленьемъ
 Весь міръ въ мою тѣнился грудь;
 Картиной, звукомъ, выраженъемъ
 Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть.
 И въ ибжномъ сѣмени сокрытой,
 Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ...
 Но ахъ! сколь мало въ немъ развито!
 И малое—сколь бѣдный цвѣтъ.

Какъ бодро, свѣдомъ за мечтою
 Волшебнымъ очарованъ спомъ,
 Заботъ не связанный уздою,
 Я жизни полетѣлъ путемъ.
 Желанье было—исполненъе;
 Успѣхъ отвагу пламенилъ:
 Ни высота, ни отдаленъе
 Не ужасали смѣлыхъ крылъ.

И быстро жизни колесница
 Стезею младости текла;
 Ее воздушная станица
 Веселыхъ призраковъ влекла:
 Любовь съ прелестными дарами,
 Съ алмазнымъ счастьемъ ключомъ,
 И слава съ звѣздными вѣнцами,
 И съ яркимъ истина лучомъ.

Но, ахъ!.. еще съ полудороги,
 Наскучивъ рѣзвою игрой,
 Возжи отетали быстроноги...
 За роємъ вѣгдѣ умчался рой.
 Украдкой счастье сокрылось;
 Измѣной знаніе ушло;
 Сомнѣнья тучей обложило съ
 Священной истины чело.

Я зрѣлъ, какъ дерзкою рукою
 Презрѣнный славу похищаль;
 И быстро съ быстрою весною
 Прелестный цвѣтъ любви увялъ.
 И все пустынно, тихо стало
 Окрестъ меня и предо мной!
 Едва надежды лишь сіяло
 Свѣтило надъ моею тропой.

Но кто жъ пзъ сей толпы крылатой
 Одинъ съ любовью мнѣ вослѣдъ,
 Мой до могилы провожатой,
 Участникъ радостей и бѣдъ?..
 Ты, узъ житейскихъ облегчитель,
 Въ душевномъ мракѣ милый свѣтъ.

Ты, дружба, сердца нецѣлитель,
 Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ.

И ты, товарищъ мой любимый,
 Души хранитель, какъ она,
 Другъ вѣрный, трудъ неутомимый,
 Кому святая власть дана:
 Всегда творить, не разрушая,
 Мирить печальнаго съ судьбой,
 И, силу въ сердцахъ водворяя,
 Беречь въ немъ яеность и покой.

ПУСТЫННИКЪ.

БАЛЛАДА.

[пзъ голдедмита].

«Веди меня, пустыни житель,
 Святой Анахоретъ;
 Близка желанная обитель;
 Привѣтный вижу свѣтъ.

«Усталъ я: тьма кругомъ густал;
 Запалъ въ глуши мой слѣдъ;
 Безбрежнѣй, мнится, степь пустая,
 Чѣмъ далъ я впередъ».

— Мой сынъ (въ отвѣтъ пустыни житель),
 Ты призракомъ прельщенъ:
 Опасенъ твой путеводитель—
 Надъ бездной свѣтитъ оупъ.

— Здѣсь чадамъ нищеты бездомнымъ
 Отверзта дверь моя,
 И скудныхъ благъ удѣломъ скромнымъ
 Дѣлюсь отъ сердца я.

— Войди въ гостепрїимну келью;
 Мой сынъ, передъ тобой
 И брашно съ жесткою постелью,
 И сладкій мой покой.

— Есть стадо... но безвинныхъ кровью
 Руки я не багряилъ:
 Меня Творецъ своей любовью
 Щадить ихъ научилъ.

— Обѣдъ снимаю испорочный
 Съ пригорковъ и полей;
 Деревья плодъ даютъ мнѣ сочный,
 Питье даетъ ручей.

— Войди жъ въ мой домъ—заботъ тамъ
 Нѣтъ блага въ суетѣ: [чужды;

Намъ малыя даны здѣсь нужды,
На малый мигъ и тѣ.—

Какъ свѣжая роса денницы,
Быль сладокъ сей привѣтъ;
И робкій гость, склоня зѣнницы,
Идетъ за старцемъ велѣдъ.

Въ дичи глухой, непроходимой
Его таплетъ кровь—
Пріютъ для сироты гоимной,
Для страпника покровъ.

Непынны въ хвѣли въ уборы,
Тамъ бѣдность и покой;
И скрынули дверей растворил
Предъ мирною четой.

И старецъ зреть гостепріимной,
Что гость его унылъ,
И свѣтлый огонекъ онъ въ дышмой
Печуркѣ разложилъ.

Плоды и зелень предлагаетъ
Съ приравой добрыхъ словъ;
Бесѣдой скуку олацаетъ
Медлительныхъ часовъ.

Кружится рѣзвый котъ предъ нимъ;
Въ углу кричитъ сверчокъ;
Трещитъ межъ листьями сухимъ
Блестящій огонекъ.

Но молчаливъ пришлецъ угрюмый;
Печаль въ его чертахъ;
Душа полна прискорбной думы;
И слезы на глазахъ.

Ему пустынишкѣ отвѣчаетъ
Сердечною тоской.
— О, юный странникъ, что смущаетъ
Такъ рано твой покой?

— Изъ быть убогимъ и бездомнымъ
Творецъ тебѣ судилъ?
Иль предашь другомъ вѣроломнымъ?
Или вотще любилъ?

— Увы! спокой себя презрѣнны
Утѣхи благъ земныхъ;
А тотъ, кто плачетъ, ихъ лишенный,
Еще презрѣннѣй ихъ.

— Приманчивъ дружбы взоръ лукавой:
Но, ах! какъ тѣнь, во слѣдъ

Она за счастьемъ, за славой,
И прочь отъ хиныхъ бѣдъ.

— Любовь... любовь Прелесть игрою;
Отрава сладкихъ словъ;
Незрима въ мірѣ; лишь порою
Живетъ у голубковъ.

— Но, другъ, ты робостью стыдливой
Свой пѣжный полъ открылъ.—
И очи странникъ горюплавной,
Красѣя, опустилъ.

Краса сквозь легкій проникаетъ
Стыдливости покровъ;
Такъ утро тихое сіяетъ
Сквозь завѣсъ облаковъ.

Треншутъ перси; взоръ склоненный;
Какъ роза, цвѣтъ ланитъ...
И дѣву-прелесть изумленный
Отшельникъ въ гостѣ зреть.

«Простилъ ли, старецъ, дерзновење,
Что робкою стопой
Вошла въ твое уединење,
Гдѣ Богъ одинъ съ тобой?»

«Любовь—надеждъ моихъ губитель,
Моиныхъ виновникъ бѣдъ;
Нищу покоя, но мучитель
Тоска за мною велѣдъ.

«Отецъ мой знатностію, славой
И пышпостью гремѣлъ;
Я дней его была забавой;
Онъ все во мнѣ имѣлъ.

«И рыцари стеклись толпою:
Мнѣ предлагали въ даръ,
Тѣ чистый, сходный съ ихъ душою,
А тѣ притворный жаръ.

«И каждый лестно вѣроломной
Привлечь меня мечталъ...
Но въ ихъ толпѣ Эдвинъ былъ скромной;
Эдвинъ, любя, молчалъ.

«Ему съ смиренной ницетію
Судьба одно дала:
Плѣнять высокою душою;
И та моей была.

«Роса на розѣ, цвѣтъ душистой
Фіалки полевой

Едва сравниться могутъ съ чистой
Эдиновой душой.

«Но цвѣтъ съ небесною росой
Живуть единый мигъ:
Онъ одаренъ былъ ихъ красою,
Я легкостію ихъ.

«Я гордой, хладною казалась;
Но миль онъ втайнѣ былъ;
Увы! любя, я восхиталась,
Когда онъ слезы лилъ.

«Несчастный! онъ не снесъ презрѣнья;
Въ пустыню онъ помчалъ
Свою любовь, свои мученья—
И тамъ въ слезахъ уявлъ.

«Но я виновна; мнѣ страданье;
Мнѣ увидать въ слезахъ;
Мнѣ будь пустыни та изгнанье,
Гдѣ скрытъ Эдиновъ прахъ.

«Надъ тихую его могилу
Конецъ свой встрѣчу я—
И приношеньемъ тѣни милой
Пусть будетъ жизнь моя».

— Мальвина! старецъ восклицаетъ,
И палъ къ ея погамъ...

О чудо! ихъ Эдвинъ лобзаетъ,
Эдвинъ предъ нею самъ.

— Другъ забывенный, другъ единой!
Опять, навѣкъ я твой!

Полна душа моя Мальвиной—
И здѣсь дышала тобой.

— Забудь о прошломъ; пѣть разлуки;
Самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
Все въ жизни, радости и муки,
Огнень пополамъ.

— Ахъ! будь и самый часъ копыны
Для двухъ сердецъ одинъ:
Да съ милой жизнью Мальвины
Угаснетъ и Эдвинъ.

*

Хорошо, что ваше письмо *коротко*, но то
дурно, что оно *не ясно*; почему и не могу я
Сказать вамъ: *коротко да ясно!*
Истратили напрасно
Зеленыхъ вы чернилъ!
Какой вамъ злоязычникъ

Меня такъ очернилъ,
Что будто я—какъ въ птичникъ,
Кукушка или сова—
Попался въ пльнь опасной
Красавицы прекрасной!
Что будто голова
Моя совѣмъ векружилась
Отъ двухъ какихъ-то глазъ;
Что я забылъ Парнасъ,
Что муза раздружилась
И Фебъ въ враждѣ со мной?
Такою клеветой
Обижень я жестоко,
Изжгите (пишутъ) *око*,
Смущающее васъ!
И былъ бы я цыклопомъ,
Когда бъ хоть пенаромъ
Отъ тѣхъ смутился глазъ,
Которымъ повелитель
Петръ Яковлевъ, правитель
Съ округами Орла!
Но къ счастью тутъ наша
Коса на крѣпкій камень!
Не тронуть сердца пламень!
Избавилось оно
Отъ новаго постоя!...
А служба!—вотъ иное!
Но я служу давно!
Кому?—Султану Фебѣ!
И лѣзу прямо къ небу,
Съ простыхъ чиновъ начавъ!
Я прежде былъ приставъ
Крылатаго Пегаса;
За стойлами Парнаса
Душистыми глядѣлъ.
Но вскорѣ произвелъ
Не въ очередь, за рвенью,
И прочимъ въ поощренье,
Державный Фебъ; потомъ
Меня исполникомъ
Своихъ племянницъ грацій,
Которымъ нашъ Горацій—
Державинъ такъ знакомъ;
Не торфомъ, не дровами,
Но глупыми стихами
У грацій топятъ печь!
Я, не жалѣя плечъ,
Таскалъ стихи Хлыстова!
Но какъ ни раздувалъ,

Костеръ мой не пылалъ...
 Злодѣй водой писалъ!
 И приужденъ бывалъ
 Кубышкина сухова
 Съ сырымъ Хлыстовымъ жечь,
 Чтобъ хоть немного печь
 Поразогрьтъ харитами!
 Досталось и другимъ,
 И русскимъ и чужимъ,
 Проказникамъ нѣнтамъ!
 Ахъ! часто и своимъ
 Уродливымъ твореньемъ,
 Съ сердечнымъ сокрушеньемъ,
 Я печку затоплялъ!
 Мой чинъ на Пиндѣ малъ,
 Но жду я повышенья!
 Итакъ, за приглашенье
 Идти служить царю
 Я васъ благодарю,
 Но съ Фебомъ не разстанусь!
 Зато всегда останусь,
 Такъ, какъ и прежде былъ,
 Арбеусовой я миль,
 За то, что самъ ей душу
 Издѣтства подарилъ!
 А разъ что полюбилъ,
 Къ тому ужъ не нарушу
 Любви моея вѣвкъ!
 Я, право, человекъ—
 Когда судить не строго—
 Какихъ на свѣтѣ много!..

ПОСЛАНІЕ КЪ ПЛЕЩЕЕВУ
 ВЪ ДЕНЬ СВѢТЛАГО ВОСКРЕСЕНІЯ.

Ты правъ, любезный мой поэтъ!
 Твое посланіе на русскомъ Геликонѣ,
 При русскомъ мерзломъ Аполлонѣ,
 Лишь именемъ моимъ безсмертіе найдеть!
 Но, ахъ! того себѣ я въ славу не вѣвню!
 А почему жъ?—Читай. И прозу и стихи
 Я буду за грѣхи
 Марать, марать, марать и много намараю,
 Шесть томовъ, напригѣръ (а имя, извольши
 знать,
 Готовы и титулъ и даже оглавленье);
 Потомъ устану я марать,
 Потомъ отираюся въ тотъ мѣръ на по-
 Съ фельдъегеремъ-пономъ, [селенье,
 Одѣтый плотнымъ сундукомъ,

Который гробомъ здѣсь зовутъ отъ скуки.
 Вотъ вздумаетъ какой-нибудь писецъ
 Составить азбучный писателямъ вѣнецъ,
 Яснѣй: имъ лексиконъ. Пройдетъ онъ
 азъ и буки,
 Пройдетъ глаголь, добро и есть;
 Дойдетъ опъ до живесте;
 А имя вѣдь мое, оставя лествъ,
 На этомъ свѣтѣ
 Въ огромномъ спешкѣ бытія
 Ознаменовано сей букввой-раскорякой.
 Итакъ, мой біографъ, чтобъ знать, какимъ
 былъ я,
 Хорошимъ или дурнымъ писателю,
 Мои творенья развернуть.
 На первомъ томѣ онъ заснетъ,
 Потомъ воекликнетъ: «Враль безчинный!..
 За то, что отъ него здѣсь мучились безвинно
 И тотъ, кто вздоръ его читалъ,
 И тотъ, кто, не читавъ, въ убытокъ лишь
 поналъ,
 За типографію, за то, что имъ наборщикъ,
 Корректоръ, цензоръ, переборщикъ
 Совѣмъ почти лишались глазъ,—
 Я не пушу его съ другими на Парнасъ!»
 Тогда какой-нибудь моей защитникъ славы
 Шеннетъ зоину: «Вы не правы!
 И вѣрно долженъ былъ
 Имѣть сей авторъ дарованье;
 А доказательство—Плещеева посланье!»
 Посланье пробѣжавъ, суровый мой зоину
 Смягчится,—и прочтутъ потомки въ лек-
 сиконѣ:
 «Жуковский. Не весьма въ чести при
 Аполлонѣ;
 Но болѣ славенъ тѣмъ, что изрѣдка писалъ
 Къ нему другой поэтъ, Плещеевъ;
 На счастье русскихъ стиходѣвѣвъ,
 Не русскимъ языкомъ сей авторъ вос-
 пѣвалъ;
 Жилъ въ Болховѣ, съ шестью дѣтьми,
 съ женою;
 А въ домѣ у него жилъ Осипъ Букльбогъ.
 Какъ жаль, что пренебрегъ языкъ от-
 чизны онъ;
 Насъ могъ бы онъ ссудить богатою ста-
 тью.»
 Вотъ такъ-то, по тебѣ, и я съ другими
 въ рядѣ.

Но «ухо за ухо, зубъ за зубъ» говорятъ,
Ссылаясь на писанье;
А я тебѣ скажу: посланье за посланье!..

Любезенъ твой конфектный Аполлонъ!
Но для чего жъ, богатый остроуго,
Столь небогатъ разсудкомъ здравымъ оны?
Какъ, милый другъ, съ чувствительной
душою,

Завидовать, что мой кривой сосѣдь
И пауть, и глаушь, и любить всѣмъ во вредъ
Одну свою противную персону;

Что, богъ его—съ червонцами мѣшоць;
Что, подражать поклонившесъ Гарпагону,
Онъ обратилъ и душу въ кошелекъ,—
Куда ничто: ни чувство сожалѣнья.

Ни дружество, ни жаръ благотворенья,
Какъ ангель въ адъ, не могутъ проникать;
Гдѣ мѣсто есть лишь вежесьямъ, нулями
Унизаннымъ, какъ будто жемчугами!

Оставь его не живши умирать—
И съ общихъ бѣдъ проценты вычислять!
Безчувственность сама себѣ мучитель!

И эгоистъ, слезъ чуждыхъ хладный зритель,
За этотъ хладъ блаженствомъ заплатилъ!
Прекрасенъ мѣръ, но оны прекрасенъ нами!
Лишь добрый въ немъ съ отверстыми очами.

А злобный самъ очей себя лишилъ!
Не для него природа воскресаетъ,
Когда въ поля вноходитъ свѣтлый май;
Гдѣ другъ людей находить жизнь и рай,

Тамъ смерть и адъ порочный обрѣтаетъ!
Какъ древня святой неалтыри звонъ,
Такъ скромнаго страдалца тихой стоишь
Чистѣйшу жизнь въ благой душѣ розъ-

О, сладостный благотворенья жаръ! [дасть!
Даръ нищеть—себѣ сторичный даръ!
Сокровищъ сихъ безчувственный не знаетъ!

Не для него послалъ Творецъ съ небесъ
Бальзамъ души, угѣху сладкихъ слезъ!
Ты скажешь: оны не знаетъ и страданья! —
Но развѣ зло—страдать среди изгнанья,
Въ надеждѣ зрѣть отечественный край?..

Сія тоска и тайное стремленье —
Есть съ милыми вдали соединенье!
Безъ рѣдкихъ бѣдъ земля была бы рай!
Но что жъ бѣды для вѣры въ Провидѣнье?
Лишь вѣстники, что смотреть съ высоты
На насъ святой, незримый Испытатель;

Лишь сердцу гласъ: крѣпись! Минутный ты
Жилецъ земли! Живъ Богъ и ждетъ Соз-
датель

Тебя въ другой и лучшей сторонѣ!
Дорога бурь приводитъ къ тишинѣ!
Но, другъ; для злыхъ есть зло и Прови-
Какъ страшное почное привидѣнье, [дѣнья!
Оно родитъ въ нихъ трепеть и боязнь,
И Божій судъ на языкѣ ихъ—казнь!
Самимъ собой подпоры сей лишеныи,
Безъ всѣхъ надеждъ, безъ вѣры здѣсь
злѣдѣй,

Какъ блѣдный тать, бредеть удешенно—
И гробъ вея цѣль его ужасныхъ дней!..
Ты сътуешь на нашъ климатъ печальный!

И я съ тобою готовъ его винить!
Шесть мѣсяцевъ въ одеждѣ погребальной
Зима у насъ привыкнула гостить!

Такъ! Черезчуръ въ дарахъ она богата!
Но... и зимой фантази крылата!
Украсимъ то, чего не избѣжимъ,
Плѣнительной игрой воображенья,

Согрѣемъ мѣръ дучомъ стихотворенья
И на снѣгахъ Темпею насадимъ!
Томсопъ и Клейсть, друзья, пѣвцы при-
Соединять вокругъ насъ ся красы! [роды,

Пуškai молчатъ во льдахъ уснувши воды
И чуть бредутъ замерзлые часы,—
Спасенье сеть отъ хлада и мороза:
Пушинный бобуръ, сѣдой Камчатки даръ,

И камелекъ, откуда легкій жаръ
На насъ лѣтъ трескучая береза.
Кто запретитъ въ медвѣжьихъ самогахъ,
Закутавъ носъ въ обширную винчуру,

По холодку на лыжахъ, на конькахъ
Иди съ пѣвцомъ въ плѣнительныхъ
мечтахъ

На снѣжный холмъ,—чтобъ зимнюю натуру
Въ ся краѣ весенней созрцать?
Твоя жъ жена пріятнѣй всякой музы
Тотъ милый край умѣетъ описатьъ,

Гдѣ шльъ Маронъ, гдѣ воды Аретузы
Въ тѣни оливъ стадамъ наводять сонъ;
Гдѣ падній Римъ, покрытый гордымъ
прахомъ,

Являеть свой одряхшій Пантеонъ
Влизъ той скалы, куда народы съ страхомъ
И ихъ цари, отъ всѣхъ земныхъ концовъ,
Текли принять ужасный даръ оковъ...

Яснѣй блестятъ лазурныя тамъ своды!
 Я часто самъ, мой другъ, въ волшебномъ нѣ
 Скитаюсь въ сей прелестной сторонѣ,
 Подъ тѣнью миртъ, склонившихся на воды,
 Или съ ивѣомъ и Вакха и свободы,
 Съ Гораціемъ, въ сабинскомъ уголкѣ,
 Среди ея простыхъ сосѣдей круга,
 Въ глазахъ любви и сердце на рукѣ
 Дѣлю часы безпечнаго досуга!
 Но... часто тамъ, гдѣ ручеекъ журчитъ
 Подъ темною душистыми лавровъ сѣнью.
 Гдѣ бы мирному и быть уединеню,—
 Острия кликалъ, скрывается бандитъ,
 И грозныя въ даль устремлены очи
 Среди листовъ, добычи ждя, горять,
 Какъ тусклые огни осенней ночи;
 Но... часто тамъ, гдѣ пливъ моря шумятъ,
 Поля, холмы наводнены естадами,
 И миръ въ лугахъ, усыпанныхъ цвѣтами.
 Лишь гибели приманкой тишина,
 И красотой цвѣтовъ облечена
 Готовая раскрыться пасть волкапа.
 Мой другъ, взгляни на жребій Геркулана,
 И не ропщи, что ты гипперборей...
 Смотри,—сбѣжалъ послѣдній снѣгъ полей!
 Лишь утренникъ, сыпъ мраза подозрѣльнѣй,
 Да по верхамъ таящейся снѣжокъ,
 Да сиверкѣй при еолницѣ вѣтерокъ—
 Намъ о зимѣ вѣщаютъ отаѣтѣлой;
 Но ледъ нечезъ, разбившнсь, какъ стекло,
 Рѣка, смирясь, блеснитъ между брегами.
 Идутъ въ поля оратаи съ сохами.
 Лишь мельница молчитъ—ее снесло!
 Но что жъ? и здѣсь найдемъ добро и зло...
 Ты знаешь самъ: у насъ отъ наводненья
 Премножество случилось разоренья.
 И пользою сихъ неизбѣжныхъ бѣдъ
 Есть то, мой другъ, что мой кривой сосѣдъ
 Чуть не уныль въ чистилище на льдинѣ!
 Уже ревѣлъ окрестъ него потопъ;
 Какъ Аріонъ чудесный на дельфинѣ,
 Ужъ на икрѣ сплѣлъ верхомъ циклопъ;
 Но въ зготъ часъ былъ неводъ между льдами
 По берегамъ раскинуть рыбаками—
 И рыбакамъ прибитокъ былъ великъ:
 Имъ съ щуками достался ростовщикъ!
 Такъ, милый другъ, скажу я въ заключенье:
 Пророчество для насъ твоє сравненье!
 Раствѣтъ врагъ, какъ хрупкѣйшей ледъ!

Могущество оцѣпенѣлыхъ водъ,
 Стѣсненное подъ тяжкимъ игомъ хлада,
 Все то жъ, хотя незримо и молчать.
 Спасительный духъ жизни пролетитъ —
 И въ дребезги ничтожная преграда!
 О, русскіе отмстители-орлы!
 Уже взвились! Уже подъ облаками!
 Ужъ небеса пылають ихъ громами!
 Ужъ огласилъ ихъ кличъ ту бездну мглы,
 Гдѣ сдавлены, обвитые нѣбиями,
 Отмщенья ждя, народы и съ царями!
 О, да грядетъ предъ ними Русскій Богъ!
 Тотъ грозный Богъ, который на Эвкениѣ
 Вселѣлъ пылать трепещущей пучинѣ
 И раздробилъ сармату гордый рогъ!
 За ними вселѣдъ всѣхъ правыхъ душъ
 молитвы!

Да грянетъ часъ карающія битвы!
 За ладшихъ мечь! Отмщенье за Тильзитъ!..
 Но, милый другъ, вѣрнѣе долетитъ
 Мольба души къ престолу Провидѣнья,
 Въ соупутствіи лета благотворенья!
 И въ свѣтлый день, когда воскреснѣй міръ
 Поетъ хвалы Подателю спасенья,—
 Ужель одинъ не вкуситъ наслажденья
 Слыгъ нищеты? Ужель, забыть и сирь,
 Средь братіи, какъ въ горестномъ изгнаньѣ,
 Онъ съ гимнами соединитъ стенанье
 И лишь слезой на братское лобзанье,
 Безрадостный, намъ будетъ отвѣчать?
 Твоей душѣ легко меня понять!
 Еще тотъ кровъ въ развалинахъ дымится,
 Гдѣ нищая вдовица съ сиротой
 Ждала въ тоскѣ минуты роковой:
 На испѣль семь пускай благословится
 Твоихъ щедротъ незримая рука!
 Ахъ! милость намъ и тяжкая сладка!
 Но ты—отецъ! Сбрай благословенья
 Спасаемыхъ здѣсь благостью твоей
 На юныя главы твоихъ дѣтей!
 Ихъ отячать они для Провидѣнья!
 Увы, мой другъ! что сихъ невинныхъ ждетъ
 На томъ пути, гдѣ скрытъ отъ насъ вожатый,
 Въ той жизни, гдѣ всего вѣрнѣй утраты,
 Гдѣ скорбь безъ криль, а радости крилаты,
 На то съ небесъ къ намъ голосъ не сойдетъ!
 Но доблестью отцовъ хранимы чада!
 Она для нихъ—твердѣйшая ограда!

СТИХИ НА ПОРТРЕТЪ
А. И. ПЛЕЩЕЕВОЙ.

Мой, пѣжной дружбою написанный,
портретъ,
Тебѣ, какъ даръ любви, въ сей день я
посвящаю;
Мой другъ, тобой однимъ я предеть
жизни знаю,
А безъ тебя — и счастья нѣтъ!

1813.

УЗНИКЪ КЪ МОТЫЛЬКУ,
влетѣвшему въ его темницу.
[Изъ Местра].

Откуда ты, ээира житель?
Скажи, нежданный гость небесъ,
Какой зефиръ тебя занесъ
Въ мою печальную обитель?
Увы! денницы милый свѣтъ
До сводовъ сихъ не достигаешь;
Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ;
Веселья здѣсь и слѣду нѣтъ.
Сколь сладостно твое явленье!
Знать, милый гость мой, съ высоты
Страдальца вздохъ услышалъ ты —
Тебя примчало сожалѣнье;
Увы! убитая тоской
Душа весь міръ въ тебѣ узрѣла,
Надежда ясная влетѣла
Въ темницу къ узнику съ тобой.

Скажи жъ, любимый другъ природы,
Всѣ тѣ же ль неба красоты?
По-прежнему ль въ лугахъ цвѣты?
Душисты ль роицѣ? ясны ль воды?
По-прежнему ль въ тиши ночной
Поеть дубравная пѣвица?
Увы! скажи мнѣ, гдѣ денница?
Скажи, что сдѣлалось съ весной?

Дай вѣсть услышать о свободѣ;
Слыхалъ ли пѣснь ея въ горахъ?
Ее видаль ли на лугахъ
Въ одушевленномъ хороудѣ?
Ахъ! зрѣлъ ли милую страну,
Гдѣ я былъ счастливъ въ прежни годы?
Все та же ль тамъ краса природы?
Все такъ ли тамъ, какъ въ старину?

Весна сихъ сводовъ не видала:
Ты не найдешь на нихъ цвѣтка;
На нихъ затворниковъ рука
Страданій повѣсть начертала;
Не достаешь къ нимъ стѣнамъ
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здѣсь одно степанье;
Ты здѣсь порхаешь по цѣнямъ.

Лети жъ, лети къ свободѣ въ поле;
Оставь сей бездны глубину;
Сибши прожить твою весну —
Другой весны не будетъ болѣ;
Сибши, творенія краса!
Тебя зовутъ луга шелковы:
Тамъ прихоти — твои оковы;
Твоя темница — небеса.

Вудь весель, гость мой легкокрылой,
Рѣзвяся въ полѣ по цвѣтамъ...
Быть-можетъ, двухъ младенцевъ тамъ
Ты встрѣтишь съ матерью унылой.
Ахъ! если бѣ могъ ты усладить
Ихъ муку радости словамъ;
Сказать: оупъ живи! оупъ дышеть вамъ!
Но... ты не можешь говорить.

Увы! хотъ крыльямъ златыми
Монхъ младенцевъ ты прельсти;
По травкѣ тихо полети,
Какъ бы хотѣлъ быть пойманъ ими;
Тебѣ помчатся вслѣдъ они,
Добычи милыя желая;
Ты ихъ, съ цвѣтка на цвѣтъ порхая,
Къ моеи темницѣ примани.

Забавъ ихъ зритель равнодушной,
Пойдетъ за ними вслѣдъ ихъ мать —
Ты будешь путь ихъ усладять
Своею рѣзвостью воздушной.
Любовь ихъ мой послѣдній щитъ:
Они страдальцу Провидѣнье;
Сиротъ священное моленье
Тюремныхъ стражей побѣдить.

Падутъ желѣзные затворы —
Дѣтей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, лѣса
Опять мои увидать взоры...
Но что?.. я цѣпью загремѣлъ;
Сокрылся призракъ-обольстителъ;

Вспорхнулъ эирный посѣтитель...
Постой!.. но онъ ужъ улетѣлъ.

АДЕЛЬСТАНЪ.

БАЛЛАДА.
[изъ сауты].

День багринилъ, померкая,
Скаты лѣсистыхъ береговъ;
Рейвъ, въ заревѣ сіяя,
Пишеть текъ между холмовъ.

Онъ лстучей влагой пѣны
Замокъ Алленъ орошалъ;
Терема зубчаты стѣны
Онъ въ потокъ отражалъ.

Дѣвы красныя толпою
Изъ растворчатыхъ воротъ
Вышли на берегъ — игрою
Встрѣтить мѣсяца восходъ.

Вдругъ пливаетъ, къ ладѣ приковавъ,
Бѣлый лебедь по рѣкѣ;
Сингъ, какъ будто очаровавъ,
Юный рыцарь въ челнокъ.

Алымъ парусомъ играетъ
Легкокрылый вѣтерокъ,
И ко брегу приплываетъ
Съ спящимъ рыцаремъ челнокъ.

Бѣлый лебедь ветрепенуля,
Распустилъ крикъ своп;
Дивный плаватель проснуся —
И выходитъ изъ ладн.

И по Рейну обратно,
Съ очарованной ладѣй,
Поплылъ тихо лебедь статной
И сокрылся изъ очей.

Рыцарь въ замокъ Алленъ входитъ:
Все въ пемь прелестъ — взоръ и станъ;
Въ изумлене вѣхъ приводитъ
Красотою Адельстанъ.

Межь красавицами Лора
Въ замкѣ Алленѣ была
Видомъ ангельскимъ для взора,
Для души душой мила.

Графы, герцоги толпою
Къ ней стеклись изъ дальнихъ странъ —
Но умомъ и красотою
Вѣхъ былъ краше Адельстанъ.

Онъ у вѣхъ залогъ любви
На турнирахъ похищаль;
Онъ вечерній бесѣды
Вѣхъ мнѣе оживлялъ.

И привѣтны разговоры,
И пріятный блескъ очей
Вшли пѣжность въ сердце Лоры —
Мпалый сталъ сунругомъ ей.

Исчезаетъ сповидѣнье —
Велѣдъ за днями мчатся дни:
Ихъ въ сердечномъ уносенѣ
И не чувствуютъ они.

Лншь случается порою,
Что, на воды взоръ склонивъ,
Рыцарь бродитъ надъ рѣкою,
Одинокъ и молчаливъ.

По при взглядѣ пѣжной Лоры
Возвращается покой;
Оживаютъ тусклы взоры
Съ оживленною душой.

Невидимкой пролетаетъ
Быстро время — наконецъ,
Улыбаясь, возвѣщаетъ
Другу Лора: ты отецъ!

Но безмолвно и уныло
На младенца смотритъ онъ.
Ахъ! — онъ мыслить — ангель милой,
Для чего ты въ свѣтъ рожденъ?

И когда обрядъ крещенья
Патеръ долженъ былъ свершить,
Чтобъ водою искушеня
Душу юную омыть,---

Какъ преступникъ передъ казнью,
Адельстанъ затрепеталъ;
Взоръ наполнился боязнью;
Хладъ по членамъ пробѣжалъ.

Запняаясь, умоляетъ
День обряда отложить.
«Сплъ недугъ меня линастъ
Съ вами радость раздѣлать!»

Солнце спряталось за гору;
Окропился лугъ росой;
Онъ зоветъ съ собою Лору
Встрѣтить мѣсяцъ надъ рѣкой.

«Нашъ младенецъ будетъ съ нами:

При дыханьѣ вѣтерка,
Тихоструйными волнами
Услышитъ его рѣка».

И пошли рука съ рукою...
День на холмахъ догоралъ;
Молча, сумраченъ душою,
Рыцарь сына лобызалъ.

Вотъ ужъ поздно; солнце сѣло;
Отуманился потокъ;
Черенъ берегъ опустѣлой;
Холодѣетъ вѣтерокъ.

Рыцарь все молчитъ, печаленъ;
Все идетъ вдоль по рѣкѣ;
Лорѣ страшно; замокъ Алленъ
Съ часъ, какъ скрылся вдалекѣ.

— Поздно, милый; ужъ сѣдѣтъ
Мгла сырая надъ рѣкой;
Съ водъ холодный вѣтеръ вѣетъ;
И дрожитъ младенецъ мой.—

«Тише, тише! Пусть сѣдѣтъ
Мгла сырая надъ рѣкой;
Грудь моя младенца грѣетъ;
Сладко спитъ младенецъ мой».

— Поздно, милый; поневолѣ
Страхъ въ мою тѣснится грудь;
Мѣсяцъ блѣденъ; сыро въ полѣ;
Дологъ намъ до замка путь. —

Но молчитъ, какъ очарованъ,
Рыцарь, глядя на рѣку...
Лебедь тамъ плыветъ, прикованъ
Легкой цѣпью къ челноку.

Лебедь къ берегу — и съ сыномъ
Рыцарь сѣсть въ челнокъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за паладиномъ...
Обомлѣла и дрожитъ.

И, осаливъ, лебедь статной
Легкой цѣпью повлѣкъ
Вдоль по Рейну обратно
Очарованный челнокъ.

Небо въ Рейнѣ дрожало,
И луна изъ дымныхъ тучъ
На ладью сквозь парусъ алой
Проливала темный лучъ.

И плывутъ они безмолвны;
За кормой струя бѣжитъ;
Тихо плещутъ въ лодку волны;
Нарусъ вздулся и шумитъ.

И на берегѣ молчащье;
И на мѣсяцѣ туманъ;
Лора въ робкомъ ожиданьѣ;
Въ смутной думѣ Адельстанъ.

Вотъ ужъ почти половипа:
Вдругъ... младенецъ сталъ кричать.
— Адельстанъ, отдай мнѣ сына! —
Вознила въ страхъ мать.

«Тише, тише; онъ съ тобою.
Скоро... ахъ! кто дастъ мнѣ силъ?
Я ужасною цѣною
За блаженство заплатилъ.

«Спи, невинное творенье;
Мучить душу голосъ твой;
Спи, дитя; еще мгновенье,
И навѣкъ тебѣ покой».

Лодка къ берегу — рыцарь съ сыномъ
Выйти на берегъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за паладиномъ,
Иуще мѣетъ и дрожитъ.

Страшенъ берегъ обнаженный;
Нѣтъ ни жила, ни древесъ;
Черепъ, дикъ, уединенный,
Въ сторонѣ стоитъ утесъ.

И пещера подъ скалою —
Въ ней не зрѣло око дня;
И чернѣетъ предъ луною
Страшнымъ мракомъ глубина.

Сердце Лоры замираетъ;
Смотритъ робко на утесъ.
Звучно къ безднѣ восклицаетъ
Паладинъ: я дань припесъ!

Въ безднѣ звуки отразились;
Отзывъ грянулъ вдоль рѣки;
Вдругъ... изъ бездны появились
Двѣ огромныя руки.

Къ нимъ приблизилъ рыцарь сына...
Цѣпенбующая мать,
Возопивъ, у паладина
Жертву бросилась отнять,

И воскликнула: Спаситель!...

Гласъ достигнулъ къ небесамъ:
Живъ младенецъ, а губитель
Испровергнутъ въ бездну самъ.

Страшно, страшно застопало
Въ грозныхъ жавшихся когтяхъ...
Вдругъ все пусто, тихо стало
Въ глубинѣ и на скалахъ.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРИИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Мой слабый даръ царица ободряетъ!
Владычица, въ сіяніи вѣнца,
Съ улыбкой слухъ отъ гимновъ преклоняетъ
Къ гармоніи безвѣстнаго гѣвца!..
Могу ль желать славнѣйшія награды?
Когда сей врагъ къ намъ брань и гибель
И русскіе воспламенились грады,— [несъ,
И съ трепетомъ зрѣлъ ангела небесъ,
Въ сей страшной мглѣ открывшаго пучину
Надменному успѣхомъ исполнью;
Я старца зрѣлъ, избраннаго царемъ;
Я зрѣлъ славянъ, летящихъ за вождемъ
На огнь и мечъ, и въ каждомъ взорѣ
мщенье—

И гениемъ мнѣ было восхищенье,
И я предрекъ губителю паденье,
И все сбылось—губитель гордый палъ!..
Но, ахъ! почто мнѣ жребій ниспослалъ
Столь бѣдный даръ?... Внимаемый царицей,
Отважно бѣ я на лирѣ возгремѣлъ,
Какъ месья и громъ несущій пашъ орелъ
Ударилъ вслѣдъ за робкою станицей
Постигнутыхъ смятеніемъ враговъ;
Какъ подъ его обширными крылами
Спасенные народы отъ оковъ
Съ возникшими изъ низости царями
Воздвигнули свободы знамена.
Или, забывъ побѣдные перуны,
Твоей хвалой воспламенилъ бы струны:
Ахъ! сей хвалой душа моя полна!
И гдѣ предметъ славы для поэта?
Царица, мать, супруга, дочь царей,
Краса царицъ, веселіе полесвѣта...
О! кто найдетъ языкъ, приличный ей?
Почто лишень я силы вдохновенья?
Тогда бѣ дерзнулъ я лирою моею
Тебя воспѣть, въ красѣ благотворенья

Сядящую безъ царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, литомицъ Провидѣнья.
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ тобою;
Тебя хотятъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшать;
Царицы пѣтъ—они ласкаютъ мать;
Объ ней ихъ мысль, объ ней ихъ разговоры,
Объ ней одной мольбы ихъ предъ Творцомъ,
Одну ее съ небеснымъ Божествомъ
При алтарѣ поютъ ихъ сладки хоры.
Или, мечтой стремясь тебѣ вослѣдъ,
Дерзнулъ бы я вступитъ въ сей домъ спа-
Туда, гдѣ ты, какъ ангелъ утѣшенья, [сенья,
Лишь сладкую отраду въ чашу бѣдъ.
О! кто въ сей храмъ войдетъ безъ умленья?
Вакъ Божество невидимое, ты
Тамъ волибелъ забвенной сироты
Спасительной рукою оградилъ;
Въ часъ бытія отверзалась имъ могила—
Ты приговоръ судьбы перервала,
И въ образѣ небесныя надежды
Другую жизнь отверженнымъ дала;
Едва на мѣръ открыли слабы вѣжды,
Ужъ съ Творческимъ слиянный образъ твой
Въ младенческихъ сердцахъ запечатлѣли;
Безъ трепета отъ тихой колыбели
Они идутъ въ путь жизни за тобою.
И въ бурю бѣдъ ты мощный имъ хранитель!
Вотще окрестъ ихъ сѣни бракъ кпнить—
На ихъ главы ты свой простерла щитъ,
И задрожалъ свирѣбный истребитель
Предъ мирною невинностью дѣтей;
И не дерзнулъ пожаръ внести злодѣй
Въ священную сиротъ твоихъ обитель.
И дпесь—когда отвсюду славы громъ,
Когда, сраженъ полночнымъ орломъ,
Вѣжить въ стыдѣ народы притѣснитель—
О, сколь предметъ высокій для гѣвца!
Владыки мать въ величествѣ царицы
И съ ней народъ, молящій Творца:
Да подъ щитомъ всеяльняи десницы
Дастъ миръ землѣ полесвѣта властелинъ!
Такъ, къ небесамъ дойдутъ твои молитвы;
Придетъ, придетъ, свершивъ за правду
битвы,
Защитникъ царствъ, любовь царей, твой
Съ вѣнчанными побѣдою полками. [сынъ,
О, славный день! о, радостный возвратъ!

Уже я зрю священный Петроградъ,
Ветрѣчающій спасителя громами;
Грядетъ! грядетъ, предшествуемъ ораами,
Плѣняющій величествомъ, красой!
И близъ него нашъ старецъ, вождь судьбины,
И имъ воспѣвъ вождей блестящій строй,
И грозныя славянскія дружины.
И ты спѣшишь съ супругою молодой,
Въ кругу дѣтей, во срѣтеніе желаннымъ...
Блаженный часъ! въ виду героевъ брашпыхъ,
Прославленной склоняется главой
Владыка-сынъ предъ матерью-царицей,
Да славу ихъ любовь благословить—
И вкушѣ съ нимъ спасенный мѣръ лежать
Передъ твоей священной десницей!

КЪ ФИЛОНУ.

[изъ матиссона].

Блаженъ, о Филонъ, кто харитамъ-боги-
нямъ жертвы приносить.
Какъ свѣтлые дни легкокрылаго мая въ
блескъ весеннемъ,
Какъ волны ручья, озаренны улыбкой
юнаго утра,
Дня его легкимъ полетомъ летать.

И полный фіалъ, освещенный устами дѣвъ
полногрудыхъ,
И лира, въ кругу окрыляемыхъ пляской
фавновъ звѣнцая,
Да будутъ отъ насъ, до нисхода въ пре-
дѣлы тайнаго міра,
Граніямъ, дѣвамъ стыдливости, даръ.

И горе тому, кто харитамъ противенъ;
низкія мысли
Его отъ земли не восходятъ къ Олимпу;
богъ ибенопѣнья
И ибѣнный Эроть съ нимъ враждуютъ;
напрасно лиру онъ стронть:
Жизни въ упорныхъ не будетъ струнахъ.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

БАЛЛАДА.

[Изъ Шиллера].

На Посидоновъ ниръ веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой ибвцовъ,

Шель Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шель, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѣ и горы,
Сліяны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ...
Все тихо: листъ не колыхнется,
Лишь журавлей по вышннѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

«О, спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ заменіемъ мнѣ.
Скажавъ: прости! родной страпѣ,
Чужого берега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничьей главы.»

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаеъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой..

И зрѣть убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами,
Но часъ судьбы его припѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ и къ людямъ онъ взываеъ...
Лишь эхо стоны повторяеъ—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.

«Итакъ, погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И нимъ врагамъ не будетъ мщенья,
Ни отъ боговъ, ни отъ людей.»

И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной;
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-степящій гласъ.
«Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вамп,
Зевесовъ громъ на ихъ главу.»

И трупъ узрѣли обнаженный.

Рукой убійцы искажены
 Черты прекраснаго лица.
 Коринѣскій другъ узрѣвъ пѣвца.
 «И ты ль недвижимъ предо мною?
 И на главу твою, пѣвецъ,
 Я мыслъ торжественной рукою
 Сосновый положить вѣнецъ.»

И внемлютъ гости Посидона,
 Что палъ наперсникъ Аполлона...
 Вся Греція поражена;
 Для всѣхъ сердець печаль одна.
 И съ дикимъ ревомъ наступленья
 Притановъ окружилъ народъ,
 И вопить: «старцы, мщенья, мщенья!
 Злодѣямъ казнь, ихъ егибни родъ!»

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
 Лицо врага въ толпѣ песмѣтной
 Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
 Они ругаются богамъ.
 И кто жъ—разбойникъ ли презрѣнный,
 Или тайный врагъ ударъ нанесъ?
 Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный,
 Все озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ-быть, главою,
 Между шумящею толпою,
 Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
 И хладно внемлетъ скорби гласъ;
 Или въ капищѣ, сконивъ колѣни,
 Жжетъ лапаль гнусною рукою;
 Или тѣснится на ступени
 Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры
 (Чуть могутъ ихъ сдержатъ подпоры),
 Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
 Шумя, какъ смутный океанъ,
 Надъ рядомъ рядъ, сядятъ народы;
 И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
 Людми кпящи переходы,
 Входя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
 Симъ торжествомъ соединенныхъ?
 Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
 Отъ древней Спарты, отъ Микипъ,
 Съ предѣловъ Азіи далекой,
 Съ Эгейскихъ водъ, съ Фракійскихъ горъ...
 И съли въ тишинѣ глубокой,
 И тихо выступаетъ хоръ.

По древнему обряду, важно,
 Походкой мѣрной и протяжной,
 Священнымъ страхомъ окружень,
 Обходить вокругъ театра онъ.
 Не шествуютъ такъ перетп чада;
 Не здѣсь ихъ колыбель была.
 Ихъ стана дивная громада
 Предѣлъ земного перешла.

Идутъ съ поникшими глазами,
 И движуть тощими руками
 Свѣчи, отъ коихъ темной свѣтъ;
 И въ ихъ запятахъ крови пѣтъ;
 Ихъ мертвы лица, очи вналы;
 И свитыя межъ ихъ власовъ
 Эхидны движуть съ свистомъ жалы,
 Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вокругъ, сверкая взоромъ;
 И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ.
 Въ сердца вонзающій боязнь;
 И въ пемъ преступникъ слышитъ: казнь!
 Гроза души, ума смутитель,
 Эрпийнй страшный хоръ гремитъ;
 И, цѣпелъя, внемлетъ зритель;
 И лира, обѣмъвъ, молчитъ:

«Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
 Кто чистъ младенчески душою!
 Мы не дерзнемъ ему послѣдъ;
 Ему чужда дорога бѣдъ...
 Но вамъ, убійцы, горе, горе!
 Какъ тѣпъ, за вами всюду мы,
 Съ грозою мщенья во взорѣ,
 Ужасныя созданья тьмы.

«Не мните скрыться—мы съ крылами;
 Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за вами;
 И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
 Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
 Вамъ покаянье не защита;
 Вашъ стопъ, вашъ плачь—веселье намъ;
 Терзатъ васъ будемъ до Коцита,
 Но не покинемъ васъ и тамъ.»

И пѣнь ужасныхъ замолчала;
 И падъ винмавшимъ лежала,
 Богиня присутствіемъ полна,
 Какъ падъ могилой, тишина.
 И тихой, мѣрною стопою
 Онѣ обратно потекли,

Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылась медленно вдали.

И зритель—зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ—
Со страхомъ мнитъ о Слѣдѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрывалася, неизбѣжна,
Всѣхъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
«Пароеній, слышишь?.. Крикъ вдали:
То Ивиковы журавли!..»
И небо вдругъ покрылось тьмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумить;
И видать... черной полосой
Станица журавлей летить.

«Что? Ивикъ!..» Все поколебалось —
И имя Ивика помчалось
Изъ усть въ уста... шумить народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
«Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!..
Что, что въ семь словъ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?»

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блестнула мысль: «убійца тутъ;
То Эвменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за ивѣда готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ.
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, къъмъ онъ внимаемъ былъ!»

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незваной рѣчью обличенный,
Исторгнуть изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клеветомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тиетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть была пѣмъ приговоръ.

ЭПИМЕСИДЪ.

[изъ парии].

«О, жребій смертнаго унылый!
Твой путь—Зевесъ ему сказалъ—

Отъ колыбели до могилы
Между пучинъ и грозныхъ скалъ;
Его уносить быстро время;
Врага въ прошедшемъ видѣть онъ;
Влачить заботъ и скуки бремя
Онъ въ настоящемъ осужденъ:
А счастья будущаго сонъ
Все даль, дальъ улетаетъ,
И въ гробъ съ жизнью печезаетъ;
И пусть случайно оживитъ
Онъ сердце радостью мгновенной—
То въ безднѣ лучъ уединенной:
Онъ только бездну озаритъ.
О ты, который самовластно
Даришь насъ жизнью ужасной,
Зевесъ, къ тебѣ взываю я:
Пошли мнѣ даръ небытія.»
Въ странѣ, забвенной отъ природы,
Гдѣ мертвыи разрушенъ видъ,
Гдѣ съ ревомъ бьютъ въ утесы воды,
Такъ говорилъ Эпимесидъ.
Угрюмый, страшныхъ мыслей полный,
Онъ пробѣгалъ очами волны,
Онъ въ бездну броситься готовъ...
И грянулъ гласъ изъ облаковъ:
«Ты лежешь, хулитель Провидѣнія,
Богамъ любезенъ человекъ:
Но благъ источникъ наслажденья;
Отринь, слѣпецъ, что въ буйствѣ рекъ,
И не гнѣви Творца роптаемъ.»
Эпимесидъ простерся въ прахъ.
Покорный, съ тихимъ упованьемъ,
Съ благословеньемъ на устахъ,
Идетъ онъ съ берега крутого.
Два мѣсяца не протекли—
На беретъ онъ приходитъ снова.
«О, небеса! вы отвели
Меня отъ страшной сей пучины;
Хвала вамъ! тайный перетъ судьбины
Уже мнѣ друга указали.
О, сколь безумно я ропталъ!
Не дремлютъ очи Провидѣнія,
И часто посреди волненья
Оно являетъ пристань намъ;
Мы живы подъ Его рукою,
И смертный не въ одиѣмъ бѣдамъ
Приходить трудную стезю».
Умолкъ—и видитъ: не вдали
Цвѣтетъ у брега миртъ зеленый,

На брата юнаго склоненный,
И бури вѣтви ихъ силели.
Подъ тѣнью ихъ онъ воздвигаетъ
Лякъ дружбы, въ честь благимъ богамъ.

Проходитъ годъ—опять онъ тамъ;
Во взорахъ счастье пылаетъ;
Гименовъ на челѣ вѣнокъ.

«И я винилъ въ безумствѣ рокъ!
И я терялъ къ безсмертнымъ вѣру!
Они послали мнѣ Гиссеру;

Люблю, о, сладкій жизни даръ!
О! какъ мнѣ всея передъ богами
Излить благодаренья жаръ?»
Онъ палъ на землю со слезами;
Потомъ подъ юнымъ древами.
Гдѣ дружбы лякъ священный былъ,
Любви алтарь соорудилъ.

Свершился годъ—съ лучомъ авроры
Опять пришелъ онъ на утесъ,
И свѣтлые сіяли взоры
Святымъ снокошествомъ небесъ.

«Хвала вамъ, боги; вашей властью
Узналъ въ любви п въ дружбѣ я
Все наслажденья бытія;
Но вы открыли путь къ счастью.

Проклятые дерзостнымъ хуламъ,
Пронисесеннымъ въ изступленья!
Нашъ въ мірѣ путь одно мгновенье—
Но можемъ быть равны богамъ.»

И онъ воздвигъ на брегѣ храмъ,
Гдѣ все плѣняло простотою:
Столбы, обитые корою,

Помость изъ дерна и цвѣтвовъ,
И скромный изъ соломы кровъ,
Подъ той же дружественной сѣнью
Гдѣ былъ алтарь сооруженъ...

И на простомъ фронтоѣ онъ
Изобразилъ: *благоворенью*.

ТУРГЕНЕВУ,

въ отвѣтъ на его письмо.

Другъ, отчего немалень голосъ твой?
Отвѣтствуй, братъ! рѣши мое сомнѣнье!

Иль онъ твоей судьбы изображенъ?

Иль счастье простилося и съ тобой?

Съ тѣсеніемъ письмо твое читаю;

Увы! на немъ унынія печать;

Чего не смѣлъ ты ясно мнѣ сказать,

То все, мой другъ, я чувствомъ понимаю.
Такъ! и на твой досталось удѣлъ!
Разрушенъ міръ фантазіи прелестной;
Ты въ наготѣ, другъ милый, жизнь узрѣлъ;
Что въ безднѣ сей таилось, все извѣстно—
И для тебя ужъ здѣсь обмана нѣтъ!
И, испытавъ, сколь сей измѣчивъ свѣтъ,
Съ плѣнительнымъ простившись ожп-
дашемъ,
На прошли дни ты обращаешь взглядъ,
И безъ надеждъ живешь воспоминаньемъ.

О! не бывать мнѣ вѣчному назадъ!
Сколь весело промчалися тѣ годы,
Когда мы все, товарищи-друзья,
Дѣлили жизнь на лонъ у свободы!
Безпечные, мы въ чувствѣ бытія,
Что было, есть и будетъ, заключали,
Грядущее надеждой украшали—
И радостнымъ оно являлось намъ!
Гдѣ время то, когда по вечерамъ
Въ веселый кругъ насъ музы собирали?
Нѣтъ и слѣдовъ! Исчезло все — и садъ,
И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ
Святой союзъ любви торжествовали,
И звономъ чашъ шумъ вѣтровъ заглушали!
Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ?
Не онъ ли насъ тѣснѣи соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, не скрытенъ въ
разговорѣ!

Какъ для друзей всю душу обожалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердца вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ
взорѣ.

Бывало, онъ, съ отцомъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ — и радость съ
нимъ являлась:

Старикъ при немъ былъ юноша живой;
Его сѣднѣ свобода не чуждалась...

О, нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ;
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,

Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,

И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями...

Увы! ихъ нѣтъ!.. мы жъ каждый по тропамъ

Незнамымъ за счастьемъ полетѣли,

Намъ прошептала какой-то голосъ: *тамъ!*

Но что? и гдѣ? и кто вожатый къ цѣли?
 Вдали сіялъ пѣлнителный призракъ —
 Намъ тайное къ нему стремленье мчалю;
 Но опытъ вдругъ накинута покрывало
 На нашу даль—и тамъ одинъ лишь мракъ!
 И вброю къ грядущему убоги,
 Задумчиво глядимъ съ полудороги
 На спутниковъ, оставшихъ казади,
 На милую фантазію съ мечтами...
 Измѣнища! навѣкъ простилаась съ нами,
 А все еще твердить свое: *иди!*
 Куда идти? что ждетъ насъ въ отдаленнѣ?
 Чему еще на свѣтѣ вброю дать?
 И можно ль, другъ, желаніе питать,
 Когда для насъ столь бѣдно исполненье?
 Мы разными дорогами пошли:
 Но что жъ, куда онѣ насъ привелъ?
 Все къ одному, что счастье—заблужденье!
 Сравни, срании себя съ самимъ собой!
 Гдѣ прежній ты, цвѣтущій, жизни полный?
 Бывало, все—и солнце за горой
 И запахъ лнпъ, и чуть шумящи волны,
 И шорохъ нивъ, струимыхъ вѣтеркомъ,
 И темный лѣсъ, склоненный надъ ручьемъ,
 И настыря въ долину пѣнь простая —
 Веселѣемъ всю душу растворяя,
 Съ прелестною сплалоса мечтой:
 Вся жизни даль являлась предъ тобой;
 И ты, восторгъ предчувствіемъ считая,
 Въ событіе надежду обращалъ.
 Природа та жъ... но гдѣ очарованье?
 Ах! съ нами, другъ, и прежній міръ про-
 Предъ опытомъ умогло упованье! [наль!
 Что въ *они дни* будило радость въ насъ,
 То въ насъ *теперь* унылость пробуждасть;
 Во всемъ, во всемъ прискорбный слышенъ
 Чтоничего намъ жизни не обѣщасть. [гласъ,
 И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣ лѣтъ!
 О, бѣдѣтъ, кто себя переживетъ!
 Предъ кѣмъ сей міръ, столь нѣкогда веселый.
 Какъ отчий домъ, ужасно опустѣлый!
 Тамъ въ старину все жило, все цвѣло,
 Тамъ онъ игралъ младенцемъ въ колыбели;
 Но время все оттуда унесло,
 И съ млыми веселья улетѣли!
 Онъ ихъ зоветъ... ему отвѣта нѣтъ!
 Въ его глазахъ развалины ушылъ;
 Одинъ его минувшей жизни слѣдъ:
 Утраченныхъ безмолвныя могилы!

Неси жъ туда, гдѣ нашъ отецъ и братъ
 Спокойнымъ спомъ въ пріютъ гроба снять,
 Вѣнки изъ розъ, вино и ароматы;
 Воздвигнемъ, другъ, тамъ памятникъ про-
 Ихъ бытія... и скорбной нашей траты. [стой
 Одинъ исчезъ изъ области земной
 Въ объятіяхъ веселыя надежды.
 Увы! онъ зрѣлъ лишь юный жизни цвѣтъ;
 Съ услиемъ его смыкались вѣжды;
 Онъ сѣтовалъ, навѣкъ теряя свѣтъ —
 Гдѣ милаго столь много оставалось —
 Что бытіе такъ рано прекращалось.
 Но онъ и въ гробъ мечтой сопровожденъ!
 Другой... старикъ!.. сколь былъ онъ
 изумленъ

Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
 Не надъ его одряхлелъ головой,
 Надъ юношью обрушилась прекрасной!
 Онъ не ропталъ; но съ тихою тоской
 Смотрѣлъ на прагъ покоя и могилы —
 Увы! тамъ ждалъ его спутникъ милый!
 Онъ мыслію, безмолвный предъ судьбой,
 Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша мимо!
 Она прошла... и мы въ сей край незримой
 Летимъ душой за млыми вослѣдъ;
 Но къ намъ отъ ихъ желанной вѣсти нѣтъ;
 Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье...
 Когда жъ? когда?.. Другъ милый, упованье!
 Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ,
 За коимъ насъ свободы гевій ждеть
 Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, заб-
 веньемъ.

Пришедъ туда, о другъ! съ какимъ пре-
 зрѣваемъ
 Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный
 свѣтъ;

Гдѣ мнзое одинъ минутный цвѣтъ;
 Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ;
 Гдѣ мнѣіе надъ совѣстью властитель;
 Гдѣ все, мой другъ, нль жертва нль
 губитель!..

Дай руку, братъ! какъ знать, куда нашъ путь
 Намъ приведетъ, и скоро ль онъ свершится,
 И что еще во мглѣ судьбы таится —
 Но дружба намъ звѣздой отрады будъ!
 О прочемъ здѣсь останемся безпечны;
 Намъ счастья нѣтъ: зато и мы—не вѣчны!

СИРОТКА.

романсъ.

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома стала;
Веселье—спутникъ дѣтскихъ лѣтъ,
А ей судьба въ немъ отказала.
Въ семьѣ томилась сиротой;
Ее грядущее страшило...
Но Провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.

О Ты, святое Провидѣніе!
Въ твоемъ владѣніи пѣть сиротъ!
Боязнь и ропотъ—заблужденье;
Всегда къ добру Твоей путѣ вѣдетъ.

Среди неистовыхъ враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита;
Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье...
На край бездны Провидѣніе
Сдружило слабость съ нищетой!

О, Промыслъ, спутникъ невидимый
И сиротства и нищеты,
Сколь часто путь неостижимый
Къ спасенью избираешь Ты!

И породившиися судьбой,
Сиротка и старикъ убогой,
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой:
Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель...
Имъ былъ Всевышній предводитель;
Ихъ Милость въ пристани ждала.

О Ты, святое Провидѣніе!
Сколь намъ Твоей безопасности слѣды!
Творишь изъ гибели спасенье;
Ведешь къ добру стезею бѣды.

Играй, дитя! гроза прошла!
Ужасный громъ ударилъ мимо!
Тебя мать добрая нашла
На мѣсто матери родимой:
Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастья покрыта...
Молись же, чтобъ Творецъ защита
Былъ той, кто здѣсь хранитель твой!

Услышь младенца, Провидѣніе,
Прими ее подъ щитъ любви:
Она чужихъ дѣтей спасенье—
Ея дѣтей благослови.

ПѢСНЯ МАТЕРИ

надъ колыбелью сына.

[Изъ Беркени].

Засни, дитя! спи, ангель мой!
Мнѣ душу рветъ твое стenanье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжело и одно страданье!

Когда отецъ твой обольстилъ
Меня любви своею мечтою,
Какъ ты, лѣтняяль онъ красетою,
Какъ ты, онъ простъ, невинень былъ!
Взбѣрилось сердце безъ защиты—
Но онъ невѣренъ; мы забыты.

Засни, дитя! спи, ангель мой!
Мнѣ душу рветъ твое стenanье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжело и одно страданье!

Когда покинетъ легкой сонъ,
Утѣшь меня улыбкой мягкой;
Увы! такой же сладкой силой
Повелѣвалъ души и опъ.
Но сколь онъ зналъ, къ моему папасту,
Что все его покорно власти!

Засни, дитя! спи, ангель мой!
Мнѣ душу рветъ твое стenanье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжело и одно страданье!

Мое онъ сердце раснабилъ,
Чтобы сразить его измѣной;
Почто жъ свою перемѣной
Онъ и его не измѣнилъ?
Моя тоска неутомима;
Люблю, хотя и не любима.

Засни, дитя! спи, ангель мой!
Мнѣ душу рветъ твое стenanье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжело и одно страданье!

Его краса въ твоихъ чертахъ;
Открытый видъ, живые взоры;
Его услышу разговоры
Я скоро на твоихъ устахъ!

Но, ахъ! красой очарователь,
Мой сынъ, не будь, какъ онъ, предатель!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стѣнаше!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжело и одно страданье!

Въ слезахъ у дѣлочки я твоей—
А ты съ улыбкой почиваешь!
О, дай, Творецъ, да не узнаешь.
Печаль подобную моей!
Отъ мнѣхъ горе нестерпимо!
Да пройдетъ страшный жребій мимо!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стѣнаше!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжело и одно страданье!

Навѣкъ для насъ пустыня свѣтъ!
Къ надеждѣ намъ пути закрыты!
Когда единственнымъ забыты,
Намъ сердца здѣсь родного нѣтъ!
Не намъ веселіе земное;
Во всей природѣ мы лишь двое!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стѣнаше!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжело и одно страданье!

Пойдемъ, мой сынъ, нутемъ однимъ,
Двѣ жертвы рока злополучны!
О! будемъ въ мѣрѣ неразлучны!
Страданье еденіе двоимъ!
Я пѣжныхъ лѣтъ твоихъ хранитель!
Ты мнѣ на старость утѣшитель!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стѣнаше!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжело и одно страданье!

КЪ ШВ. ИВ. ДМИТРИЕВУ.

Итакъ — ея ужъ пѣтъ,
Сей пристани спокойной,
Гдѣ добрый нашъ поэтъ
Игралъ на лирѣ стройной,
И счастья достойный,
Пройдя стезю чести,
Мечталъ закатомъ дней
Веселымъ насладиться

И съ жизнью проститься,
Какъ ясный майскій день
Прощается съ природой!
Исчезла мирна сѣнь!
Съ харитами, свободой,
Въ семь тихомъ уголкѣ
Веселость обитала,
И «съ сердцемъ на рукѣ» *)
Тамъ дружба угощала
Друзей по вечерамъ!
Но время все умчало,
И здѣсь — на вѣки тамъ!
Какъ весело бывало,
Когда своимъ друзьямъ,
Подъ линою вѣтвистой
Съ коньякомъ чай душистой
Хозяинъ разливалъ,
И кругъ нашъ оживлялъ
Веселымъ острымъ словомъ!
О, дерево друзей!
Сколь часто темнымъ кровомъ
Развѣсистыхъ вѣтвей
Ты добрыхъ обѣняло;
Сколь часто ты внимало
Веселымъ мудрецомъ,
Кудрявыхъ одъ разборамъ,
Шутливымъ, важнымъ спорамъ,
И Пушкина **) стихамъ!..
Сколь часто прохладженный
Сей тѣню Карамзинъ,
Навѣ Ливій-Славянинъ,
Какъ будто вдохновенный,
Предъ нами разрывалъ
Завѣсу лѣтъ миновавшихъ,
И смертнымъ спомъ заснувшихъ
Героевъ вызывалъ
Изъ гроба передъ нами!
Съ поднятыми перстами,
Со пламенемъ въ очахъ,
Подъ сѣрымъ юберрокомъ
И въ вильныхъ санагахъ,
Казался онъ пророкомъ,
Открывшимъ въ небесахъ
Всѣ тайны ихъ священны!
И нашъ мудрецъ смиренный,

*) Взято изъ стиха Н. И. Дмитріева: «Гдѣ сердце на рукѣ, гдѣ разумъ не лязвить».

**) «Василій Львовичъ Пушкинъ, авторъ ба-сенъ, посланій и пр.»

Козлятьевъ незабвенный *),
 Оратору внималъ,
 Съ улыбкой одобрилъ,
 И взоромъ выражалъ
 Въ молчаніѣ всё движенья
 Души своей простой!
 Онъ кончилъ путь земной!
 Но какъ безъ восхищенья
 О добромъ говоритъ!
 О! можно ли забыть
 Сей взоръ пріятный, ясной,
 Органъ души прекрасной,
 Сей тихій, скромный видъ,
 Сердечную учтиость,
 И старческихъ ланитъ
 Прелестную стыдливость,
 И простоту рѣчей!..
 Покой сихъ мирныхъ дней
 Смренье ограждало;
 Ничто ихъ не смущало
 Сердечной чистоты;
 Страдальца, сироты
 Молящее стенанье
 Внималъ онъ со слезой;
 Онъ скрытною рукою
 Благотворилъ въ молчаніѣ!..
 Увы! его ужъ нѣтъ,
 И милой жизни слѣдъ
 Хранить воспоминанье!
 Но что жъ? очарованье
 Сихъ дружескихъ бесѣдъ
 Погубло ль безъ возврата?..
 Пожаръ не пощадилъ
 Ни добраго Сократа,
 Которому грозилъ
 Амуръ въ тѣни акацій,
 Ни скромной урны грацій,
 Ни тѣсною люльки той,
 Гдѣ эгоистъ спокойный,
 Подъ тѣнью въ полдень знойный,
 Съ подругою-мечтой
 Дѣлалъ уединенье!
 Все грозною рукою
 Постыгло разрушенье!..

*) «Ген.-маіоръ Ѳеодоръ Павловичъ Козлятьевъ, человекъ добродѣтельный, кроткій, умный, просвѣщенный и смиренный; добрый отецъ для своихъ крестьянъ и другъ бѣдныхъ; тайно благотворившій даже офицерамъ своего полка».

НИНА КЪ СУПРУГУ

въ день его рожденія.

Другъ, сопутникъ и хранитель!
 Будь священный кубокъ сей
 Днесъ того изобразитель,
 Чтѣ всего въ душѣ моей!
 Все въ одномъ соединяю
 Несравненномъ чувствѣ я:
 Чтѣ вкушала, чтѣ вкушала
 И надежды бытія.

Что *прошло*, то предо мною
 Все теперь обновлено,
 Восхитительной мечтою
 Миѣ является оно:
 Годы, вмѣстѣ проведенны,
 Жребій твой и мой въ одномъ,
 И залогъ ихъ священный
 Намъ ниспосланы Творцомъ!

Сколь пристрастно Провидѣнье
 Миѣ удѣлъ избрало мой!
 Проходило ли мгновенье,
 Чтобы тайною мольбой
 Передъ нимъ не изливалось
 Сердце Нины?.. О! для насъ
 Все прошедшее промчалось,
 Какъ одинъ веселый часъ!

А *теперь*—о, другъ безцѣнный!
 Что ни вижу предъ собой,—
 Все свидѣтель миѣ священный,
 Сколь прекрасенъ жребій мой!
 Ты—въ единомъ все, что мило!
 Дѣти—въ нихъ твой жъ черты!
 Все, что есть, что будетъ, было—
 Все въ тебѣ и всюду ты!

И *грядущее* вручаю,
 Другъ единственный, Тому,
 Чья рука вела святая
 Насъ ко счастью одному.
 Я молюсь, чтобы Небесный
 Ничего не измѣнилъ,
 И протекши дни прелестны
 Въ дняхъ грядущихъ обновилъ.

РАИ.

Есть старинное преданье,
 Что навѣки рай земной
 Загражденъ намъ въ наказанье
 Непреклонною судьбой!
 Что дверей его хранитель

Ангель съ пламеннымъ мечомъ;
 Что путей въ сію обитель
 Никогда мы не найдемъ.

Нѣтъ, друзья! вы въ заблужденъ!
 Есть на свѣтъ Божій рай!
 Есть! и любить Провидѣнье
 Сей подобный небу край!
 Тамъ невидимъ грозный метитель
 Ангель съ пламеннымъ мечомъ—
 Тамъ трехъ ангеловъ обитель,
 Данныхъ міру Божествомъ!

Не страшить, но привлекаеть
 Ихъ понятный сердцу взоръ!
 Сколь улыбка ихъ играетъ!
 Сколь ихъ сладокъ разговоръ!
 Въ ихъ пріютѣ неизвѣстно—
 Что порокъ, что суета!
 Непорочною небесной
 Ихъ прекрасна красота!

Ты, который здѣсь уныло
 Совершаешь путь земной,
 Къ нимъ приди—ихъ образъ милой
 Примиритъ тебя съ судьбой.
 Ахъ! друзья, кто здѣсь ихъ знаетъ,
 Кто имъ жертвуетъ душой,
 Тотъ отдалъ не пожелаетъ
 За небесный рай—земной!

КЪ ПЛЕЩЕЕВУ.

Напрасно я, другъ милый, говорилъ,
 Что супостатъ, какъ вешній ледъ, рас-
 таетъ!..
 Увы! грядущаго никто, никто не знаетъ!
 Вѣдь не растаялъ онъ—застылъ!

СВѢТЛАНѢ.

Хочешь видѣть жребій свой
 Въ зеркалѣ, Свѣтлана?
 Ты спросилъ съ своей душой!
 Скажеть безъ обмана,
 Что тебѣ здѣсь суждено!
 Намъ душа—зерцало:
 Все въ ней, все заключено,
 Что намъ обѣщало
 Провидѣнье въ жизни сей!
 Милый другъ, въ душѣ твоей
 Непорочною, ясной,
 Съ восхищеньемъ вижу я,

Что сходна судьба твоя
 Съ сей душой прекрасной!

Непорочною спутникъ твой
 И веселость гений—
 Ведутъ будутъ предъ тобой
 Съ чашей наслажденій.
 Лишь тому, въ комъ чувства нѣтъ,
 Путь земной ужасенъ!
 Счастье въ насъ, и Божій свѣтъ
 Намъ лишь украситъ.
 Милый другъ, спокойна будь,
 Безопасенъ твой здѣсь путь:
 Сердце—твой хранитель!
 Все судьбою въ немъ дано:
 Будеть здѣсь тебѣ оно
 Къ счастью предводитель!

КЪ А. П. КИРЬЕВСКОЙ, въ день рождения Матри.

Вотще, вотще, невинной красотой
 И пѣжностью младенецъ твой пѣжаетъ;
 Твой смутный взоръ се не замѣчаетъ!
 Ты съ хладною сдружила тоскою!
 И рѣзвостью, и взоромъ, и улыбкой
 Она тебя къ веселости зоветь!..
 Но для тебя въ семь зовѣ смысла нѣтъ!
 Веселіе считаешь ты ошибкой,
 И мнишь, что скорбь есть долгъ священ-
 ный твой!

Ахъ! откажись скорбій отъ заблужденія!
 Въ ся лицѣ надежда предъ тобой—
 А ты печаль дарилъ ей въ день рожденія!
 Увы! въ сей день восторженная мать
 Спѣшитъ Творцу обѣтъ священный дать.—
 И слыше ей внимаетъ Провидѣнье—
 Быть счастливой для счастья дѣтей!
 Тебѣ жъ сей день другихъ грустище дней.
 Ты на себя крестъ черный надѣваешь,
 И мыслию отъ радости бѣжишь!
 Или отратить се отъ жизни мнишь
 И черную судьбу ей обѣщаешь?
 Кто жъ счастья дерзаетъ здѣсь ожидать,
 Когда въ кругу дѣтей прелестныхъ мать
 Забывъ, что ей и мило и священно,
 Межъ радостей груститъ уединенно,
 И Промысла не мнитъ благословлять?
 Приди жъ, дитя, посоль прелестный Бога,
 Приди сказать пѣмымъ ей языкомъ,
 Что вамъ одна въ сей міръ лежитъ дорога,

Что ей твоимъ ко счастью быть вождемъ!
Прочтя свой долгъ въ твоемъ певниномъ
Она опять полюбитъ Божій свѣтъ, [взоръ,
И будетъ даръ тебѣ ея объѣтъ:
Не чититъ за долъ убійственнаго гора.

ОБЪѢТЪ.

Путь жизни мнѣ открыть
И вождь мой Провидѣнье!
Твое благословенье
Надежливѣйшій мой цитъ!
Хранитель гений мой,
Другъ вѣрный, неизмѣнный!
Будь образъ твой священный
Повсюду предо мной!
Я съ пменемъ твоимъ
Готовъ летѣть за славой!
Опасность чту забавой,
Тобой живтворимъ!
Достойнымъ въ жизни быть
Любви твоей священной!
Объѣтъ сей неизмѣнный
Клянуса сохранить!
Ты будешь всѣхъ моихъ
Сокрытыхъ мыслей зритель,
Нечалей ободритель,
Причина дѣль благихъ.
Какихъ искать награды?
Съ душою чистой, правой,
Мнѣ будь наградой, славой
Твой благодарный взглядъ.

* * *

Вспомни, вспомни, другъ мой милой,
Какъ сей день пріятель былъ!
Небо радостно свѣтило!
Мнилось, цѣлый міръ дѣлалъ
Наслажденіе со мною!
Годъ минувшій—тяжкій сонъ!
Смутной, горестной мечтою
Безъ возврата скрылся онъ.
Снова день сей возвратился,
Снова въ сердцѣ тишина!
Видь природы обновленъ—
И душа обновлена!
Что прошло—тому забвень!
Вѣрный другъ души моея,
Насъ хранило Провидѣнье!
Тотъ же съ нами кругъ друзей!

О, спутникъ мой бездѣнный!

Мысль, что въ мірѣ ты со мной,
Неразлучный, неизмѣнный,—
Будь хранитель въ жизни мой!
Въ ней тобою все мнѣ мило!
Въ самой скорби страха нѣтъ!
Небо насъ соединило!

Мы вдвоемъ покнисемъ свѣтъ!

1 іюня 1813 г.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЖИЗНИ.

Что когда бь одинъ влачился
Мы дорогою земной,
И нигдѣ на ней не лѣстались
Повстрѣчать души родной?..
И отъ странствія, друзья,
Отказался бь лучше я!

Что тогда красы творенья
Въ нашихъ были бы глазахъ?
На источникъ наслажденія
Мы смотрѣли бы въ слезахъ!
И веселья мнѣ гласъ
Быль бы жалобень для насъ!

Кто бь отрадными устами
Намъ «терибніе» сказалъ?
Кто бь насъ братскими руками
Утомленныхъ поддержалъ?
Кто бь въ опасный, страшный часъ
Быль покровъ и щитъ для насъ?

И безрадоетно бь, уныло
Наша вся дорога шла!..
Отчего жь намъ жить такъ мило?
Чѣмъ дорога весела?
О! друзья! то сердца гласъ:
Провожаютъ *братья* насъ!

НАДАНІЕ НА КАРТИНКѢ,

изображающей *три радости* и подаренной е. п. п.

Прими сей даръ. Три радости небесны
Здѣсь для тебя изобразила я:
Однѣмъ простымъ душамъ онѣ извѣстны—
И знаеть ихъ, мой другъ, душа твоя!
Ах! если бь та, которой ликъ священной
Начертанъ здѣсь рукою дерзновенной,
Исполнила объѣтъ души моея—
Тебѣ бь не знать на свѣтъ черныхъ дней!
Но для чего жь къ любви ея сомнѣнье?
Она благимъ заступница и щитъ!

Отринеть ли столь правое моленье!
О, ибѣ! она твой путь благословить.

МОЛИТВА ДѢТЕЙ.

О! не отринь, Отецъ Небесный, насъ!
Всѣ объ одной Тебя мы умоляемъ!
Одно для насъ желанье въ этотъ часъ:
Храни ея! Тебѣ ее вѣряемъ!

Твоей любви залогъ мы видимъ въ ней!
Ея любовь нашъ кругъ одушевляетъ!
И счастье ея священныя дѣи
Сопутницей-звѣздой для насъ сияетъ!

О, спутникъ нашъ, да Твой отрадный свѣтъ
Вовѣкъ, вовѣкъ надъ нами не затмится!
О, царь судьбы! одинъ отъ насъ обѣтъ:
Храни ея! въ ней наше все хранится!

КЪ ДОКТОРУ ФОРУ.

Сынъ Эскулапа, Фебовъ внукъ,
По платью врагъ, по сердцу другъ,
Тебѣ нескладными стихами
Я долженъ то изобразить,
Что ты умѣлъ въ насъ поселить
Пилулями и порошками,
И хипой и испандемъ мхомъ,
И добрымъ сердцемъ и умомъ.
Сперва судьбѣ благодаренье
За то, что въ области зимы
Ты отъ простудныя чумы
Столь чудное пріять спасенье.
Мой другъ, ся незримый переть,
Тебя чрезъ столько сотенъ верстъ
Межъ ратниками, казаками,
Сперва въ Рязань, потомъ въ Орель,
Потомъ и къ дружбѣ въ Чернь привель,
Потомъ и познакомилъ съ нами.
Могу сказать тебѣ въ стихахъ,
Что даръ пріятнымъ быть имѣешь,
Что сердцемъ добръ, какъ на словахъ,
И притворяться не умѣешь;
Что къ шахматамъ имѣешь страсть,
Хотя играешь очень худо;
Что для тебя советъ не чудо,
Зажмурясь, въ шаръ шаромъ попасть!
Что нишешъ умные отвѣты,
И что всегда твои портреты
Похожи, только не на тѣхъ,
Бто былъ твоимъ оригиналомъ;
Что ты съ друзьями любишь смѣхъ

И не бѣншься за бокаломъ
Предъ ними сердце разетегнуть;
Что, выбравъ въ свѣтѣ вѣрный путь,
Идешь за счастьемъ осторожно,
И, чтобъ себя не обмануть,
Судьбу о томъ, что невозможно,
Пренебрегаешь умолять;
Готовъ назначенное взять,
Къ отнятому жъ храня презрѣше,
Благославляешь Провидѣнье!..
И прочее... Въ стихахъ писать
Объ этомъ я—хоть и безъ склада,
Согласенъ: муза будетъ рада!
Но какъ могу изобразить
Души растроганнаго чувство,
Смотря, какъ дружбу и искусство
Слѣпишь па благо посвятить
Тѣхъ, кто и жизни мнѣ милѣе?
Здѣсь чувство языка сильнѣе,
И сердце не находитъ словъ!
Для той печали ибѣ стиховъ,
Въ которой вяну я душою,
Смотря, какъ страдаютъ предо мною
Всѣ тѣ, къъмъ мой украшенъ свѣтъ!
И въ часъ—когда безъ утѣшенья,
Безильный зритель ихъ мученья,
Творю наираеный я обѣтъ,
Чтобъ Провидѣнье пріяло
Въ залогъ всю жизнь мою за нихъ,
Иль мнѣ, какъ милость, ипнеслило
И скорби п недуги ихъ;
Когда а бытѣмъ скучаю
И радъ бы нить его порвать
И дни грядущаго считаю,
Страшася смертью опоздать...
Какъ выразить то восхищенье,
Когда, воскреснувшій душой,
Випмаю сладку вѣсть: спасенье!
Намъ приписуюю тобой?
Когда однимъ небеснымъ словомъ—
О, слова радости ибѣтъ!—
Мнѣ жизнь даешь, и вялый свѣтъ
Являешь мнѣ во цвѣтѣ новомъ!
О, сколь пычтоженъ здѣсь поэтъ
Съ своими бѣдными стихами!..
Мой другъ, бросаю лиру въ прахъ!
Сравнился ль что въ моихъ стихахъ
Съ ибѣжлѣйшей матері слезами?..

УЕДИНЕНІЕ.

[отрывок].

Дружись съ *единеньемъ!*
 Избѣженъ наслажденьемъ,
 Сыпь свѣта незнакомъ
 Съ симъ добрымъ божествомъ,
 Ни труженникъ унылый,
 Безмолвный рабъ могилы,
 Презрѣвшій Божій свѣтъ
 Стенной анахоретъ.
 Ужаснымъ привидѣнемъ
 Предъ ихъ воображенемъ
 Является оно:
 Какъ тьмой облечено,
 Одеждою печальной,
 И къ урнѣ погребальной
 Приникшее челомъ;
 И въ сумракъ кругомъ.
 Объять безмолвной думой,
 Совѣтъ его угрюмой:
 Съ толпой видѣній *страхъ*,
 Упылое *молчанье*,
 И мрачное *мечтанье*
 Съ безуміемъ въ очахъ,
 И душъ холодныхъ мука,
 Губитель жизни, *скука*....
 О! видъ совѣмъ пной
 Для тѣхъ оно пріемлетъ,
 Кто зову сердца внемлетъ,
 И съ мирною душой,
 Младенецъ простотой,
 Велѣдъ Промысла стремителъ,
 Ни свѣта, ни людей
 Угрюмо не дичится,
 Но счастья жизни сей
 Отъ нихъ не ожидаетъ,
 А въ сердце заключаетъ
 Прямой источникъ благъ.
 Съ улыбкой на устахъ,
 На дружественномъ лонѣ
 Подруги-*тишины*,
 Въ сіяніи весны,
 Простертая на тропѣ
 Изъ лилій молодыхъ,
 Какъ райское видѣнье,
 Себя являетъ ихъ
 Очамъ *единенье!*
 Вблизи подъ сѣнью мртвъ

Кружитесь рой *харитъ*,
 И пляску соглашаетъ
 Съ струнами *аонидъ*;
 Смотри на нихъ, смягчаетъ
Наука строгій видъ,
 При ней сыпь размышленья
 Съ веселымъ взглядомъ *трудъ*—
 Въ рукѣ его сосудъ
 Счастливаго забвенья
 Сразившихъ душу бѣдъ,
 И радостей минувшихъ,
 И сердце обманувшихъ
 Разрушенныхъ надеждъ;
 Тамъ зрится *отдыхъ* ясный,
Труда веселый другъ,
 И сладостный *досугъ*,
 И три сестры, прекрасны,
 Какъ юная весна:
Вчера-воспоминанье,
 И *нынѣ*-тишина,
 И *завтра*-упованье;
 Сидятъ рука съ рукой,
 Та съ розой молодой,
 Та съ розой облетѣлой,
 А та, мечтой веселой
 Стремяся къ небесамъ,
 Въ ихъ тайну проникаетъ,
 И радуясь сливаетъ
 Невѣдомое намъ
 Въ магическое *тамъ!*

1814.

ПИСЬМО КЪ ***.

Я самъ, мой другъ, не понимаю,
 Какъ можно рѣдко такъ писать
 Къ друзьямъ, которыхъ обожаю,
 Которымъ все бы радъ отдать!...
 Подруга дѣтскихъ лѣтъ, съ тобою
 Бываю сердцемъ всегда
 И говорить люблю мечтою...
 Но говорить перомъ—бѣда!
 Дешъ почтовой есть день мученья!
 Для моего воображенья
 Враги—чернильница съ перомъ!
 Сидѣть согнувшись за столомъ
 И, чтобъ открыть души движенья,
 Неро въ чернила помакать,

Написанное жъ засыпать
 Скорѣй пескомъ для сбереженья—
 Все это, признаюсь, мнѣ адъ!
 Что ясно выражаетъ взглядъ
 Или голоса простые звуки,
 То на бумагѣ, невпопадъ,
 Для услажденія разлуки,
 Должны въ опредѣленный день
 Мы выражать перомъ!... А лѣнь,
 А мрачное расположенье,
 А сердца тяжкое стѣсненье
 Всегда ль даютъ свободу намъ
 То мертвымъ повѣрять строкамъ,
 Что въ глубинѣ души таится?
 Неволи мысль моя страшится:
 Я авторъ—но писать лѣнивъ!
 Зато всегда, всегда болтливъ,
 Когда твои воображаю
 Столь драгоценныя черты,
 И самъ себя изображаю,
 Сколь нѣжно мной любима ты!
 Всегда, всегда разгорячаешь
 Ты пламенной своей душой
 И сердце и разсудокъ мой!
 О, сколь ты даромъ обладаешь
 Быть милой для твоихъ друзей!
 Когда письмо твое читаю,
 Себя я лучшимъ ощущаю,
 Довольнѣй участію своей,
 И будущихъ картина дней
 Передо мной животворится,
 И хоть на мигъ единый мнится,
 Что въ жизни все имѣю я:
 Любовь друзей—судьба моя.
 Храни, о другъ мой неизмѣнный,
 Сей для меня залогъ священный!
 Ниши—когда же долго итъ
 Письма отъ твоего поэта,
 Все вѣрь, что другъ тебѣ поэтъ,—
 И жди съ терпѣніемъ отвѣта!

1814. генваря 4.

* *

Кто бы ни былъ ты—зефиръ, пѣвецъ
 Или чародѣй!
 Когда ей сыномъ быть лишь тотъ имѣетъ
 Кто первую своей [право,
 И радостью и славой
 Считаетъ тишину ея священныхъ дней;

Въ комъ каждое души движенье
 Любовью къ ней освящено,
 И для кого надеждъ милѣйшихъ испол-
 Въ ея желаніи одномъ заключено; [цѣнь
 Кто цѣнить счастье жить, по съ цѣю,
 И презрять счастье—однѣ:
 То право на сіе названье я имѣю!
 Ты не ошибся: я ей смѣю.

1814. 12 генваря

* *

Прелестный день, не обмани!
 Тебя встрѣчаю я съ волненьемъ.
 О, если бы жизни приношеньемъ
 Я сдѣлать могъ, чтобъ оны дни,
 Летящи слѣдомъ за тобою,
 Ей все съ собою принесла!...
 Мой другъ, кто былъ любимъ судьбою
 Тебя достойнѣй на земли?

Къ 16 генваря 1814 года.

* *

Когда бы родиться въ свѣтъ и жить
 Лишь значило: пойти въ далекій путь
 безъ цѣли,
 Искать безвѣстнаго, съ надеждой—не
 найти,
 И отъ младенческой спокойной колыбели
 До колыбели гробовой,
 Стремясь за тиетною мечтой,
 Остановиться вдругъ, и взоры обративши,
 Спросить съ уныніемъ: зачѣмъ пукался
 въ путь?
 Потомъ, забвенію свой посохъ посвятивши,
 На лонѣ тишины заснуть—
 Тогда бы кто считалъ за праздникъ день
 Но жребій мнѣ иной! [рожденья?
 Мнѣ ангелъ мой хранитель,
 Твой видъ принявъ, сказалъ: я другъ
 навѣки твой!
 Въ семь словъ все сказалъ небесный
 утѣшитель.
 Въ семь словъ цѣль моя, надежда и вѣ-
 Благодарю за жизнь, Творецъ! [щецъ!
 29 генваря 1814 года.

КЪ А. П. [КИРЬЕВСКОМ].

Сей памятникъ о пемъ мнѣ дорогъ въ
 день рожденья!
 Пусть нашу дружбу онъ тѣснѣ укрѣпнѣтъ,

И пась, до встрѣчъ съ нимъ въ странѣ
соединенья,
Еще блаженныхъ здѣсь земнымъ блажен-
ствомъ зрять!

29 января 1811.

КЪ ВОЕЙКОВУ.

послание.

Добро пожаловать, пѣвецъ,
Товарищъ-другъ, хотя и льстецъ,
Въ смиренную обитель брата!
Поставь въ мой уголь посохъ свой,
И умиленною мольбой
Почти домашняго пената!
Саднись—вотъ кубокъ! въ честь друзьямъ!
И сладкому воспоминанью,
И благотворному свиданью,
И пась хранившимъ небесамъ!

Ты быть похъ знаменамъ славы;
Ты видѣлъ, другъ, слѣды кровавы
На Русь нахлынувшихъ враговъ,
Ихъ казнь, и ужасъ ихъ побѣга;
Ты, строя свой бивакъ изъ сѣбга,
Себя смиренню научалъ,
И, хлѣбъ водою запивая,
«Хвала, умѣренность злата!»
Съ пѣвцомъ Тибурекимъ восклицалъ.
Ты видѣлъ Азіи предѣлы;
Ты зрѣлъ ордынцевъ лютыхъ край,
И лишь обломки обгорѣлы
Тамъ, гдѣ стоялъ Шери-Сараи,
Батяя древняя обитель;
Задумчивый развалинъ зритель,
Во дняхъ минувшихъ созерцалъ
Ты настоящаго картинку,
И въ нихъ уясную судьбину
Батяя новыхъ дней читалъ.
Въ Сарептѣ зрѣлище иное:
Тамъ братство христіанъ простое
Безстрастіемъ ограждено
Отъ вредныхъ сердцу заблужденій,
Отъ милыхъ сердцу наслажденій.
Тамъ вѣчно *то же и одно*;
Всему свой часъ: труду, бездѣлю;
И легкокрылому веселью
Порядокъ крылья тамъ сковалъ.
Тамъ, види счастье въ покоѣ,
Ты все восторги отдавалъ

За пестраданіе святое;
Ты зрѣлъ, какъ въ тишинѣ семей,
Храпимы сердцемъ матерей,
Тамъ дѣвы простотой счастливы,
А юноши трудолюбивы
Отъ бурныхъ спасены страстей
Рукой занятія цѣлебной;
Ты зрѣлъ, какъ, вшедши въ Божій храмъ,
Они смиренно къ небесамъ
Возводятъ взоръ съ мольбой хвалебной,
И служатъ сердцемъ Божеству,
Отринувъ мракъ предразсужденья...
Что угодимъ торжеству,
Которымъ чудо Искупленья
Они въ восторгѣ вѣры чтутъ?..
Все тихо... полночь... пѣть движешья...
И въ трепетѣ благоговѣнья
Все братья той мноты ждутъ,
Когда имъ званъ-благовѣститель
Провозгласить: воскресъ Спаситель!..
И вдругъ... во мглѣ... средь тишины,
Какъ будто съ горней вышины
Съ трубою ангель-пробудитель,
Нисходитъ гласъ... алтарь горить!
И братья пали на колѣни!
И гимнъ торжественный гремитъ!
И се! идутъ въ усопившихъ сѣни!
О, сердце трогалющій видъ!
Подъ тѣною тополей, вѣтвистыхъ
Березъ, дубовъ и шелковницъ,
Между тюльпановъ, розъ душистыхъ,
Ряды являются гробницъ:
Здѣсь старцевъ, тамъ дѣтей могила,
Тамъ юношей, тамъ дѣвъ младыхъ—
И вѣра подлѣ пела ихъ
Надежды факелъ воспалила...
Идутъ къ возлюбленныхъ гробамъ
Съ отрадной вѣстью воскресенья;
И все—отвертій свѣтлый храмъ,
Гдѣ, мнителъ, тайна Искупленья
Свершается въ сей самый часъ,
Торжественный потющихъ гласъ,
И братій на гробахъ лобзанье
(Принесшихъ имъ воспоминанье
И жертву умиленныхъ слезъ),
И тихое гробовъ молчанье,
И соприутетвенныхъ небесъ
Незримое съ землей слянье—
Все живо, полно Божества...

И вѣрныхъ братій торжества
Свидѣтели, изъ тайной сѣни
Исходятъ дружескія тѣни,
И ихъ преображенный видъ
На сладку пѣснь: *воскресъ Спаситель!*..
Сердцамъ *во истину!* гласить,
И, самый гробъ ихъ говорить:
Воскреснемъ! живъ намъ Искупитель!..
И сей оставивши предѣлъ,
Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль черкесъ сидѣлъ
Подъ буркой, съ гибельнымъ аркапомъ;
И вдалекѣ передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сомнѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавою.
Ужасною и величавой
Тамъ всё блистаетъ красотой:
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни олени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣнясь въ толпу, шумя въ вѣтвяхъ,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпіе творенья!
Но тамъ—среди удивленья
Долинъ, таящихся въ горахъ—
Гибздягелъ и балкаръ, и бахъ,
И абазехъ, и камукинецъ,
И карбулакъ, и абазинецъ,
И чечереецъ, и шавсукъ.
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
И конь-соратникъ быстроногій
Ихъ и сокровища и боги;
Какъ серны, скачутъ по горамъ,
Бросаютъ смерть изъ-за утеса;
Пла, по тонкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса

Разсыпавшись, добычи ждуть.
Скалы свободы ихъ пріютъ;
По дни въ аулахъ ихъ бредутъ
На костыляхъ угрюмой лѣни;
Тамъ жизнь ихъ—сощъ; стѣнясь въ кру-
жокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Воззивши чубуки, какъ тѣни,
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ,
Иль хвалить мѣткія пищали.
Изъ коней дѣды ихъ стрѣляли;
Иль сабли на кремняхъ острять,
Готовясь на убійства новы..
Ты видѣлъ Дона берега;
Ты зрѣлъ, какъ опъ поилъ шелковы
Необозримые дуга,
Одущевлениы табунами;
Ты зрѣлъ, какъ тихими водами
Межъ виноградными садами
Опъ, зеленѣя, протекалъ,
И ясною влагой отражалъ
Брега, покрытые стадами,
Ряды стѣпившихся струговъ,
И на склопеніи холмовъ
Донскихъ богатырей станицы;
Ты часто слушалъ, какъ пѣвицы
Родимый прославляютъ Донъ,
Спокойствіе станицъ счастливыхъ,
Вождей и копей ихъ ретивыхъ;
Съ смиреньемъ отдалъ ты поклонъ
Жиллицу вихря-атамана
И изъ завѣтнаго стакана
Его здоровье на Цымлѣ
Пилъ, окруженный стариками,
И витязи подъ сѣдинами
Соотчикамъ въ чужой землѣ
Ура! кричали за тобою..
Теперь ты случая рукою
Въ обитель брата приведенъ,
Съ нимъ вступишь призраки златые
Невозвратимыхъ тѣхъ временъ,
Когда мы—гости молодые
У милой жизни на пиру—
Изъ полной чаши радость пили,
И *счастье наше!* говорили
Въ своемъ пророческомъ жару..
Мой другъ, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?

Еще вдали и неизвѣстно
 Все то, что намъ здѣсь суждено...
 А время мчится безъ возврата,
 И жизнь-измѣнница за нимъ;
 Одинъ уходимъ за другимъ;
 Другъ, оглянься... еще нѣтъ брата!
 Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ;
 Пустѣй дорога передъ нами!

Но такъ и быть!.. здѣсь твой поэтъ
 Съ смиренной музою, съ друзьями,
 Въ смиренномъ уголкѣ живетъ,
 И у моря погоды ждетъ.
 И ты, мой другъ, чтобы мечтою
 Грядущее развеселить,
 Спѣвишь волшебныхъ струнъ игрою
 Въ немъ спящій геній пробудить;
 И очарованный тобою,
 Какъ за прозрачной несеюю,
 Я вижу древни чудеса:
 Вотъ наше солнышко-краса
 Владиміръ князь съ богатырями;
 Вотъ Дибирь кишитъ между скалами;
 Вотъ златоверхій Киевъ градъ;
 И басурмановъ тьмы, какъ пруги,
 Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ княтятъ;
 Сверкаютъ шлемы и кольчуги;
 Отъ кликовъ, топота коней,
 Отъ стука палицъ, ериста пращей
 Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
 Вотъ, дивной облеченъ броней,
 Добрыня богатырь могучій
 И конь его Златогонить;
 Черезъ степи и лѣса дремучи
 Не скачетъ витязь, а летитъ,
 Громи Зилаптовъ и Полкановъ,
 И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ;
 И втайнѣ дѣвица-краса
 За дальни степи и лѣса
 Вослѣдъ ему летитъ душою;
 Схлопяся на руку главою,
 На путь изъ терема глядитъ,
 И такъ въ раздумьи говорить:
 «О, вѣтеръ, вѣтеръ! что ты вѣшьешь?
 Ты не отъ милаго несешься,
 Ты не принесъ веселья мнѣ;
 Играй съ косаткой въ вышинѣ,
 По поднебесью съ облаками,
 По синю морю съ кораблями—

Стрѣлу пернатую отиѣй
 Отъ друга-радости моей.»
 Краса-дѣвица поетъ, плачетъ;
 А другъ по доламъ, холмамъ скачетъ,
 Лета за тридевять земель;
 Ему сыра земля постель;
 Возглавѣ щитъ; почлегъ дубрава;
 Тамъ бьется съ Бабою-Ягой;
 Тамъ изъ ручья съ живой водою,
 Подъ стражей змѣя шестиглава,
 Кувшиномъ черпаетъ златымъ;
 Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ
 Косматый людоѣдъ Дубыня;
 Тамъ заслоняетъ путь Горыня;
 И вотъ внезапно запесенъ
 Въ жилище чароѣвѣвъ онъ:
 Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасный!
 Сіяетъ блескъ вдали прекрасный;
 Чѣмъ ближе онъ—тѣмъ далѣе свѣтъ;
 То тяжкій флима полетъ,
 То вправовъ раздается рокотъ;
 То слышится русалки хохотъ;
 То вдругъ изъ-за сѣдога шня
 Выходитъ лѣшій козлогоній;
 И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
 Какъ будто слиты изъ огня—
 Дворецъ волшебный царь-дѣвицы;
 Красною бѣлыя колпичи,
 Дѣвнадцать дѣвъ къ нему идутъ
 И пѣснь привѣтствія поютъ;
 И онъ... Но что? куда мечтамъ
 Я залетѣлъ тебѣ вослѣдъ—
 Ты чароѣдѣй, а не поэтъ!
 Ты всемогущими струнами
 Мой падшій геній оживилъ!..
 И кто, скажи мнѣ, научилъ
 Тебя предречь осемью стихами
 Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
 Весь сокровенный жребій мой?
 Признаться ли?.. Смотрю съ тоской,
 Съ волненіемъ необходимымъ
 На бѣлые сія листы,
 И мнѣ, перстомъ невидимымъ
 Свои невидимы черты
 На пхъ судьба ужъ написала!
 Что бы ни было... сей даръ тебѣ
 Отнынѣ дружба завѣчала!
 Она твоя!.. молись судѣбѣ,
 Чтобъ въ ней наполнились страицы!

Когда, мой другъ, тебѣ я самъ
 Ее въ веселый часъ подамъ —
 И ты прочтешь въ ней небывицы,
 За былъ разсказанный мной:
 То знай, что счастливъ жребій мой,
 Что подъ надзоромъ Провидѣнья,
 Питаюсь жизнью въ тишинѣ,
 Вблизи всего, что мило мнѣ,
 Я на крылахъ воображенья,
 Веселый здѣсь, въ томъ міръ леталъ,
 И что меня не покидалъ
 Мой вѣрный ангелъ вдохновенья!..
 Но, другъ! быть-можетъ... какъ узнать?..
 Она останется пустая,
 И нѣкогда рука чужая
 Тебѣ должна ее отдать
 Въ святой залогъ воспоминанья,
 Увы! и въ знакъ, что въ жизни сей
 Милѣйшія души моей
 Не совершилася желанья!
 Прими се... и пожалѣй!

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Ты унываешь о дняхъ, невозвратно
 протекшихъ,
 Горестной мыслью, тоской безнадежной
 ихъ призывая —
 Будь настоящее твой утѣшительный гений!
 Вѣря ему, свой день проводи безмятежно!
 Легкимъ полетомъ несутся дни быстрые
 жизни!
 Только уснѣмъ достигнуть до полныя
 зрѣлости мыслей,
 Только увидимъ достойную цѣль предъ
 очами —
 Все ужъ для насъ и прошло, какъ мечта
 сновидѣнья,
 Призракъ фантазій, то представляющей
 взору
 Лугъ, несконченный цвѣтами, веселые
 холмы, долины;
 То пролетающей въ мрачной одеждѣ печали
 Дикую степь, лѣса и ужасныя бездны.
 Слѣдуй же мудрымъ! Всегда неизмѣнный
 душою,
 Что посылаетъ судьба, принимай и не
 сѣтуй! Безумно,

Скорбью бесплодной о благи навѣки
 погябшемъ,
 То отвергать, что намъ предлагать ми-
 нута!

КЪ ТУРГЕНЕВУ,

въ отвѣтъ на стихи, присланные мнѣ вместо
 письма.

*Nei giorni tuoi felici
 Ricordati di me!*

Въ день счастья вспомнить о тебѣ —
 На что такое, другъ, желанье?
 На что намъ повѣрять судьбѣ
 Священное воспоминанье?
 Когда бъ любовь къ тебѣ моя
 Мнѣ лишь счастьемъ измѣрялась,
 И имъ лишь въ сердцѣ оживлялась —
 Сколь бѣденъ сю быть бы я!
 Нѣтъ, нѣтъ, мой братъ, мой другъ-хра-
 воспоминаціемъ инымъ [нигтель;
 Плачу тебѣ: я вѣчно съ нимъ;
 Во дни печали ты со мной;
 И, ободряемый тобой,
 Еще я жизнь не презираю;
 О, что бы ни было — я знаю,
 Гдѣ мнѣ приближище обрѣсть,
 Куда любовь свою принести,
 И гдѣ любовь не измѣнится,
 И гдѣ вѣнчѣйшее хранится
 Участіе въ судьбѣ моей.
 Дождусь нль нѣтъ счастливыхъ дней —
 О томъ, мой милый другъ, ни слова;
 Какимъ бы я ни шелъ путемъ —
 Все ты мнѣ спутникомъ-вождемъ;
 Со мной до камня гробового,
 Не измѣняся, иди;
 Одна мольба: не уреди!

ДОВРЫЙ СОВѢТЬ.

Въ альбомъ В. А. Азбукину.

Любовь, надежда и терпѣнье:
 На жизнь порядочный запасъ.
 Впередъ безъ страха; въ добрый часъ!
 За все порука Провидѣнье.
 Блаженъ, кому любовь восплѣдъ;
 Она веселье въ жизнь вливаетъ,
 И счастья радугу являетъ
 На самой грозной тучѣ бѣдъ.

Пока заря не возсіяла—
Бездушнѣмъ, хладнѣмъ, тихъ Мемношъ;
Заря взопла—и дышетъ онъ!
И радость въ мраморѣ възыграла!

Таковъ любви волшебный свѣтъ,
Великихъ чувствъ животворитель,
Къ дѣламъ возвышеннымъ стремитель!
Люби пѣтъ въ сердцѣ—жизни пѣтъ!

Надежда съ чашею отрады
Памъ добрый спутникъ—вѣрь; по знай,
Что не земля, а небо рай;
Вѣрибѣи быть добрымъ безъ паграды!

Когда жъ надежда улетитъ—
Взгляни на тихое терниге;
Оно утѣхи обольщенье
Прямую силой замѣнитъ.

Лишь бы, сокровище святое,
Доброта сохранилась памъ;
Достойнъ будь—а небесамъ
Оставь на волю остальное!

БИБЛІЯ.

[пѣзь фонтана].

Кто сердца не питалъ, кто не былъ воехи-
центъ
Сей книгой, отъ небесъ евремя вдохпо-
венной!
Ея божественнымъ огнемъ воспламенеть.
Полночный намъ Давидъ на лиръ обно-
вленной
Пророческую пѣснь псалтыри пробу-
ждалъ—
И сѣверъ дивному пѣвцу рукоплескалъ.
Такъ, тамъ, гдѣ цвѣлъ Эдемъ, на брегѣ
Иордана,
На гордыхъ высотахъ сѣнистаго Ливана
Живеть восторгъ; туда, туда снѣжи. пѣвецъ;
Тамъ мѣръ въ младенчествѣ предстанеть
предъ тобою,
И монцный, мысляю сопутствуемъ одною,
Въ чудесномъ торжествѣ творенія Тво-
рець...
И слова дивнаго прекрасное рожденье,
Се первый человекъ; вкусилъ минутный
сонъ—
Подругу сладкое даруетъ пробужденье.

Уже съ невинностью блаженство тратить
онъ.
Поверженъ праведникъ—о, грозный Богъ!
о, мщенье!
Потоки хлынули... земли преступной пѣтъ;
Одинъ, путеводемъ Предвѣчнаго очами,
Возносится ковчегъ надъ бурными валами,
И въ немъ съ надеждою таится юный свѣтъ.
Вы, пастыри, вожди племетъ благословен-
ныхъ,
Иаковъ, Авраамъ, восторженный мой взглядъ
Васъ любить обрѣтаетъ, могущихъ и сми-
ренныхъ,
Въ родительскихъ шатрахъ, среди шумя-
щихъ стадъ;
Сколь вапей простоты величїе плѣняетъ!
Сколь на востокѣ намъ вапгъ славный
сѣдъ еіаетъ!..
Не ты ли, тихій гробъ Рахили предо мной?..
По сынъ ея зоветь меня ко брегу Ила;
Напрасно злобы сѣтъ невинному грозилъ;
Живъ Богъ—и онъ спасенъ. О! сладкія
съ тобою,
Прекрасный юноша, мы слезы проливали.
И пѣтъ тебя... увы! на чуждыхъ берегахъ
Сыны Израйля въ гошенїи, въ дѣвнхъ
Скорбять... но небеса склонилнсь къ пхъ
печали:
Кто ты, спокойное дитя средъ шумныхъ
волиъ?
Онъ, онъ, евресвъ щитъ, ихъ илѣна
разрушитель!
Спѣши, о дочь царей, спасай чудесный
чолгъ;
Да не дерзнетъ къ нему приблизиться
губитель—
Въ сей колыбели скрытъ Израйля предѣтъ.
Раздвинься, море... пой, Израиль, иску-
пление!
Синай, не ты ли дѣпь завѣта въ страхѣ зрѣтъ?
Не на твою ль главу, дрожащую въ смятенѣ,
Гремящимъ облакомъ Егова низлетѣтъ?
Скажу ль—и дивный столпъ, въ день
мрачный, въ ночь горящїй,
И изумленную пустыню отъ чудесъ,
И солнце, ставшее внезапно средъ небесъ,
И Рувъ, и отъ руки Сампсона храмъ
дрожащїй,
И дѣву юную, которая въ слезахъ,

Среди младыхъ подругъ, на отческихъ
горахъ,
О жизни сѣтуя, два мѣсяца бродила?..
Но что? рука судей Израиль утомля;
Неблагодарнымъ въ казнь, царей послала
Творецъ;
Саулъ помазанъ, палъ—и пастырю вѣ-
нецъ;
Отъ племени его народовъ Искупитель;
И вонну-царю послѣдникъ царь-мудрецъ.
Гдѣ вы, левиты? Ждетъ божественный
строитель;
Стекаясь... о, торжество! храмъ вѣчный
заложень.
Но что? ужъ десяти во градѣ нѣтъ колѣнъ!..
Падите, идолы! разсыптесь въ прахъ,
божницы!
Въ блистаньи Иліа на небо воспарилъ!..
Иду подъ вашу сѣнь, Товія, Рагуиль...
Се мужи Промысла, Предвѣчнаго зѣнцы;
Грядущія дѣла какъ прошлыя для нихъ—
И въ часъ показанный народы исчезаютъ.
Увы! Сидонъ, навѣкъ подъ пеломъ ты
утихъ!..
Какіе воли токъ Эвфрата возмущаютъ?
Ты, плакавшій въ пѣнну, на вражескихъ
берегахъ,
Иуда, ободрись; восходить день спасенья!
Смотри: сія рука, разатель преступленья,
Тирану пишетъ казнь, другимъ тиранамъ
въ страхъ.
Сіонъ, восторжествуй свиданье съ племе-
нами;
Се Эзра, Маккавей съ могучими сынами;
И се Младенецъ-Богъ Мессія въ пленахъ.

БЕЗПОДОБНАЯ ЗАПИСКА КЪ ТРЕМЪ СЕСТРИЦАМЪ ВЪ МОСКВУ.

Скажите, милыя сестрицы,
Доѣхали ль, здоровы ль вы?
И обгорѣли ли столицы
Сочли ли дымяща главы?
По Тульѣ много ли гуляли?
Все тѣ же ль тамъ—заводъ, ряды,
И всё ли тамъ пересчитали
Вы нашихъ прежнихъ дѣтъ слѣды?
Покрытая пожарнымъ прахомъ,
Москва, разбросанный скелеть,

Вамъ душу охладяла ль страхомъ?
А въ Тульѣ прахъ минувшихъ лѣтъ
Не возвратилъ ли веноминанья
О томъ, что было въ *оны дни*,
Когда намъ юность лишь одинъ
Памятительныя обѣщанья
Давала на далекий путь,
Призвавъ неопытность въ поруку?..
Тогда, подавъ надеждѣ руку,
Не мнили мы, чтобъ обмануть
Могла спутница крылата!
Но время опытъ привело!
И многихъ, многихъ благъ утрата
Велитъ сквозь темное стекло
Смотрѣть на счастье земное,
Чтобы сіяніе живое
Его изъительныхъ лучей
Намъ вовсе глазъ не заслѣпило!..
Друзья, что вѣрно въ жизни сей?
Что просто, но что сердцу мило,
Собравъ побажье въ малый кругъ
[Чтобъ взоръ нашъ могъ окинуть вдругъ]
Мечты уступимъ лишь начавшимъ
Идти дорогою земной
И жребія не испытывшимъ!
Для нихъ надежды сонъ златой!
А намъ будь въ пользу пробужденье!
И мы, не мѣтя больше вдали,
Терпѣливемъ подсластимъ печаль,
Веселью вѣрой въ Провидѣнье
Неизмѣняемость дадимъ,
Сей день покосемъ озлатимъ,
Красою мыслей и желаній
И прелестью полезныхъ дѣлъ,
Чтобъ на невѣдомый предѣлъ
Сокровище воспоминаній
[Прекрасной жизни зрѣлый плодъ]
Намъ выпестъ изъ жилища праха,
И зрѣть открытый намъ безъ страха
Страны обѣтованной входъ.

РОСПИСКА МАШИ БИРЪВЕСКОЙ.

Что ни пошлетъ судьба, все пополамъ!
Безъ робости, дорогою одною,
Въ душѣ добро и вѣра къ небесамъ,
Идти—тебѣ впередъ, намъ за тобою!
Лишь вмѣстѣ бы, лишь только бъ за одно,
Лишь въ часъ одинъ, одна бы намъ могила!—

Что впрочемъ здѣсь ни встрѣтимъ — все
равно!
И въ томъ за всѣхъ и руку приложила.

МОТЫЛЕКЪ.

Вчера я долго веселился,
Смотри, какъ мотылекъ
Мелькалъ на солнышкѣ, носился
Съ цвѣточка на цвѣтокъ.

И милый цвѣтъ его мѣнялся
Всечасно предо мной,
То алой тѣнью отливался,
То ибжной голубой.

Я велѣдъ за нимъ!.. по онъ быстрѣе
Вилаетъ и кружитъ!
И вижу, вдругъ прильнувъ въ плещъ,
Недвижимый блеснить!

Въгу... и мой летунъ веряльной
Дрожитъ въ моихъ рукахъ.
По гдѣ же блескъ его румяной?
Гдѣ краски на крылахъ?

Увы! коснувшись къ нимъ перстамъ,
Я стеръ ихъ ибжный цвѣтъ!
И мотылекъ... онъ все съ крыла мнъ,
Но красоты ужъ нѣтъ!

«Такъ наслажденіе измѣняется!» —
Вздохнувши я сказалъ:
«Пока не тропуто—блестаетъ!
Дотропья—блескъ пропалъ!»

ЭПИТАФИИ.

I. Моту.

Здѣсь Лакомкинъ лежитъ — онъ вѣчно
жилъ по модѣ!
Зато и вѣчно долженъ быть!

А заплатилъ

Одинъ лишь долгъ — природѣ!..

II. Хромому.

Дамонъ покинулъ свѣтъ;
На гробъ ему два слова:
Быль хромъ и ковылялъ сто лѣтъ!
Довольно для хромова!

III. Пьяницѣ.

Ночь камнемъ симъ Бибрнсъ лежитъ;
Онъ на землѣ въ такомъ раздорѣ былъ
съ водою,

Что намъ и изъ земли кричить:
Не плачьте падо мною!

IV. Грамотѣю.

Здѣсь Буквинь-грамотѣй. Но что жъ объ
немъ сказать?
Быль сердцемъ добръ; имѣлъ смиренныя
желанья,

И чести правила старался наблюдать,
Какъ правила правописанья!

V. Толстому эгоисту.

Здѣсь Никодимову похоронили тушу!
Къ себѣ онъ милостивъ, а къ ближнему
былъ строгъ;
Зато, когда отдать онъ вздумалъ Богу душу,
Его души не принялъ Богъ!

VI. Завоевателямъ.

Гдѣ всемогущіе владыки,
Онустошители земли?
Ихъ повелительные лики
Смирнлись въ гробовой пыли.
И мѣръ надменныхъ забывается!
И время съ ихъ гробовъ стираеть
Послѣдній титулъ ихъ и слѣдъ:
Слова ничтожныя: *ихъ нѣтъ!*

ЖЕЛАНІЕ И НАСЛАЖДЕНІЕ.

«Что такъ, дружочекъ пріунылъ?
Что твой пріятный взоръ угасъ?» —
Такъ наслажденіе говорило
Желанью въ добрый часъ:

«Приди! подѣлимся напастью!
Приди—я другъ давнишній твой!
Я покажу дорогу къ счастью
И помирю съ судьбой!» —

Желанье слезы отвращаетъ,
И мчится къ другу на крылахъ,
И—въ ту жъ минуту умираетъ
У друга на рукахъ.

КЪ КНЯЗЮ ВІАЗЕМСКОМУ.

Намъ славить древность Амфіона:
Отъ струнъ его могущихъ звона
Воздвигея городъ самъ собой...
Правдоподобно, хоть и чудно.
Что древнему поэту трудно?
А нынче?... Нынче вѣкъ иной.
И въ наши бѣдственныя лѣты

Не только лирами поэты
 Не строить новых городов,
 Но сами часто безъ домовъ,
 Богатымъ платить пѣснопѣиємъ
 За скудный уголь чердака,
 И грѣются воображеньемъ
 Въ виду пустаго комелька.
 О, Амфионъ! благоговѣю!
 Но, признаюсь, не сожалею,
 Что даръ твой: говорить стѣнамъ,
 Въ наследство не достался намъ.
 Славите говорить сердцамъ,
 И пробуждать въ нихъ чувства пламень,
 Чѣмъ оживлять бездушный камень,
 И зданья лирой громоздить.

Съ тобой хочу и говорить,
 Мой другъ и братъ по Аполлону!
 Склонись къ знакомой лиры звону;
 Одинъ въ насъ пламенѣетъ жаръ;
 Но мой удѣлъ на свѣтъ—струны,
 А твой: и сладкихъ пѣсней даръ
 И нынѣшныя фортуны.
 Послушай повѣсти моей
 (Здѣсь истина безъ украшенья):
 Былъ пастырь образецъ смиренья;
 Отъ самыхъ юношескихъ дней
 Святого алтаря служитель,
 Онъ чистой жизнью оправдалъ
 Все то, чѣмъ вѣрныхъ умилялъ
 Въ Христовомъ храмѣ, какъ учитель;
 Прихожанъ бѣдныхъ тѣсный міръ
 Былъ подвиговъ его свидѣтель;
 Невидимую добродѣтель
 Его лишь тогъ, кто нагъ имъ спрѣ,
 Иаъ обреченъ былъ униженю,
 Вдругъ узнавалъ по облегченю
 Тяжелыя судьбы своей.
 Ему науки были чужды—
 И нѣтъ въ излишнемъ знаньи пужды—
 Онъ рѣдкую между людей
 Въ простой душѣ носилъ науку:
 Страдалцу гвибущему руку
 Въ благое время подавать.
 Не зналъ онъ гордаго искусства
 Умы витійствомъ поражать
 И приводить въ волненіе чувства;
 Но, другъ, спроси у сироты:
 Когда въ одеждѣ нищеты,

Потуши взоры торозливо,
 Она стояла передъ нимъ
 Съ безмолвнымъ бѣдствіемъ своимъ,
 Умѣлъ ли онъ краснорѣчиво
 Въ пей сердце къ жизни оживлять,
 И міръ сей страшный украшать
 Падешю на Провидѣнье?
 Спроси, умѣлъ ли въ страшный часъ,
 Когда лишь смерти слышенъ гласъ,
 Лишь смерти слышно приближенъе,
 Онъ съ робкой говорить душой,
 И, скрывъ предъ нею міръ земной,
 Являть предъ нею міръ небесный?
 Какъ часто въ уголь неизвѣстный,
 Гдѣ пищій съ гладною семьей
 Отъ свѣта и стыда скрывался,
 Онъ неожиданный являлся
 Съ святымъ даяньемъ богачей,
 Растроганныхъ его мольбою!..
 Мой милый другъ, его ужъ нѣтъ;
 Судьба внезапною рукою
 Его въ другой умчала свѣтъ,
 Не давъ свершить здѣсь полдороги;
 Вдовы жъ наследство: одръ убогій,
 На коемъ жизнь окончилъ онъ,
 Да испелъ хижины сгорѣлой,
 Да плачь семи осиротѣлой!..
 Скажи, вотще ль ихъ жалкій стоишь?
 О, нѣтъ! онъ, землю покидая,
 За чадъ своихъ не трепеталъ,
 Вѣрній онъ въ часъ послѣдній зналъ,
 Что ихъ найдетъ рука святая
 Ценимѣннющаго намъ;
 Онъ добрымъ завѣщалъ сердцамъ
 Сиротъ оставленныхъ спасенъе.
 Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ!
 Исполнимъ добраго завѣтъ,
 И оправдаемъ Провидѣнье!

КЪ КН. ВЯЗЕМСКОМУ и В. Л. ПУШКИНУ.

I.

Друзья, тогъ стихотворецъ—горе,
 Въ комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ.
 Хогѣтъ, чтобъ насъ хвалилъ *весь свѣтъ*,
 Не то же ли, что выпить море?
 Презрѣнно бросимъ тогъ вѣнецъ,
 Который *всѣмъ* дается свѣтомъ;
 Иная слава намъ предметомъ,

Ипой награды ждешь пѣвецъ.
 Почто на Фебовъ даръ священный
 Такъ безразсудно клеветать?
 Могу ль повѣрить, чтобъ страдать
 Пѣвецъ, отъ музы вдохновенный,
 Былъ долженъ болѣ, чѣмъ глушець,
 Земли безчувственный жидецъ,
 Съ глухой и вялою душою,
 Чѣмъ добровольной слѣзотою
 Убившій все, чѣмъ красенъ свѣтъ,
 Завистникъ гоня и славы?
 Нѣтъ! жалобы твои неправы,
 Другъ Пушкинъ! счастливъ, кто поэтъ!
 Его блаженство прямо съ неба;
 Онъ имъ не дѣлится съ толпой:
 Его судьи лишь чада Феба!
 Ему ли съ пламенной душой
 Плоды святого вдоховенья
 Къ погамъ холодныхъ повергать,
 И на колѣняхъ ожидать
 Отъ недостойныхъ одобренья?
 Одинъ, среди несквозь, Мемнонъ,
 Съядя съ возвышенной главою,
 Молчить—лишь гордою стоною
 Касается ко праху онъ;
 Но лишь денницы появленье
 Вдали востокъ воспламенить—
 Въ восторгѣ мраморъ пѣснь гласить.
 Таковъ поэтъ, друзья! Презрѣнье
 Въ пыли таящимся душамъ!
 Оставимъ ихъ пошаръ стономъ,
 А взоры устремимъ къ востоку!
 Смотрите: неподвластный року,
 И паходя въ себя самомъ
 Покой, и честь, и наслажденья,
 Музъ праведный прямымъ путемъ
 Идетъ—и терпѣть ли гоненья,
 Избавленъ ли отъ нихъ судьбой—
 Онъ сходитъ тамъ и тутъ съ собой!
 Онъ благъ безъ примѣси не проситъ—
 Итъ! въ лучший міръ онъ переноситъ
 Надежды лучшія свои!
 Такъ и поэтъ, друзья мои!
 Поэзія есть добродѣтель;
 Нашъ гоня лучшій намъ свидѣтель.
 Здѣсь славы чистой не найдемъ—
 На что жъ искать? Перенесемъ
 Свои надежды въ міръ потомства!..
 Увы! «Дмитрія» творецъ

Не отличилъ простыхъ сердець
 Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства!
 Зачѣмъ онъ свой билетъ вънець
 Давалъ завистникамъ съ друзьями?
 Пусть дружба пѣвными перетами
 Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила—
 Въ нихъ завпеть тернія вилела!
 И торжествуетъ! Растерзали
 Ихъ иглы славное чело—
 Простымъ сердца смертельно зло:
 Пѣвецъ угаснулъ отъ печали!
 Ах! если бь могъ достигнуть гласъ
 Участья и удивленья
 Къ душѣ, не сиссней оскорбленья,
 И усладить се на часъ!
 Чувствительность его сразила;
 Чувствительность, которой сила
 Могла душу создала—
 Пѣвцу погибелью была..
 Потомство грозное, отмщенья!..
 А намъ, друзья, изъ отдаленны
 Разсудокъ опытный велитъ
 Смотрѣть на сцену, гдѣ гремѣтъ
 Хвала—гулъ шумный и цевятыи;
 Подалъ отъ толпы судей!
 Пока мы не смѣшались съ пей,
 Свобода другъ намъ благодатный;
 Мы независимо, въ тиши
 Уютнаго уединенья,
 Богаты яспостью души,
 Поемъ для музъ, для наслажденья,
 Для сердца вѣрнаго друзей;
 Для пась всѣ обольщенья славы!
 Рука завистниковъ—судей
 Душеубійственной отравы
 Въ ея сосудъ не подольеть,
 И злости крикъ къ намъ не доидеть!
 Страшнѣ къ той славѣ прикоснуться,
 Которую прельщаетъ *свать*—
 Обитый розами скелетъ;
 Любуясь издали, поэтъ,
 Чтобы вблизи не ужаснуться!
 Внимаи избраннымъ судьямъ:
 Ихъ приговоръ зеркало намъ;
 Ихъ одобренье намъ награда,
 А порицаніе ограда
 Отъ убивающія даръ
 Надменной мысли совершенства.
 Хвала воспламеняетъ жаръ;

По памъ не въ ней пекать блаженства—
 Въ трудъ... О, благотворный трудъ,
 Души печальныя цѣлитель
 И счастья животворитель!
 Что предъ тобой ничтожный судъ
 Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной,
 И вѣтренной, и разногласной?
 И тотъ же Карамзинъ, друзья,
 Разный злобой, несаженный,
 И сладкимъ лишь трудомъ блаженный,
 Для насъ примѣръ и судя.
 Спросите: для одной ли славы
 Онъ вопрошастъ у вѣковъ,
 Какъ были, какъ прошли державы,
 И чадамъ подвиги отцовъ
 На прахъ древности являеть?
 Пѣть! онъ о славъ забываетъ
 Въ минуту славнаго труда!
 Онъ беззаботно ждетъ суда
 Отъ современниковъ правдивыхъ,
 Не замѣчая и лица
 Завистниковъ несправедливыхъ.
 И имъ не разорвать вѣнца,
 Который взяло дарованье;
 Ихъ злоба—имъ однимъ страдаеть!
 Но пусть и очаруютъ свѣтъ—
 Собою счастливый поэтъ,
 Твори, будь твердь! ихъ зданья ломки!
 А за тебя дадутъ отвѣтъ
 Небольшие потомки.

II.

Милостивый государь Василій Львовичъ и
 ваше сіятельство, князь Петръ Андреевичъ!

Вотъ прямо одолжилъ,
 Друзья! вы и меня писать стихи взмалили.
 Посланья ваши—въ добрый часъ сказать,

Въ худой же помолчать—
 Прекрасныя; и вамъ ихъ граціи внушили.
 Но вы желаете *хероувъ*,

И я хоть тысячу ихъ начеркать готовъ,
 Но только съ тѣмъ, чтобы въ зоны
 И самозванцы—судя

Меня не завели мои
 Перо, бумага и чешилы.
 Послушай, Пушкинъ другъ, твой слогъ
 отъменно чистъ;

Грамматика тебя угодникомъ считаеть,
 И никогда твой вкусъ не ковыляетъ.

Но, кажется, что ты подчасъ много-
 рѣчиствъ,
 Что стихотворный жаръ твой могъ бы быть
 А выраженія короче и сильбѣе; [живѣе,
 Еще же есть и то, что ты, мой другъ,
 подчасъ

Предметъ свой забываешь!
 Твое *посланье* въ томъ живой примѣръ
 для насъ.

Въ началѣ ты *завистникамъ* пеняешь:
 «Зоны жить намъ не даютъ!»

Такъ пишешь ты:—«при нихъ пѣмѣть
 дарованье!»

Отъ ихъ гоненія одинъ пѣвцу пріютъ—
 Молчанье!»

Потомъ ты говоришь: «И я любилъ писать!
 Противъ нещѣности глауцовъ вооружался!
 Но гений мой и гнѣвъ напрасно петоцался:

Не могъ безумцевъ я упясть!
 Скорбѣ бороды ихъ оды вырастають,
 И бритву критики лишь только притуп-
 ляють;

Итакъ, пришлось молчать!»—
 Теперь скажи жъ мнѣ, что причиною мол-
 должно быть для пѣвца? [чапья
Гоненье ль зависти? Или *иносказанья*
 Или оды пачкуновъ безъ смысла, безъ
 конца?..

Но тутъ и всѣ погрѣшности посланья—
 На немъ лишь пятнышко одно,
 А не пятно.

Разсказъ твой очень мнѣ; онъ кстати,
 легокъ, ясенъ!

Конецъ прекрасенъ!
 Воображеніе мое онъ такъ кольнулъ,
 Что я—передъ собой, увя! всѣхъ васъ
 увида въ сборѣ,
 Разинулъ ротъ, чтобы въ гремящемъ ва-
 шемъ хорѣ

Веселю кричать: ура! и протянулъ
 Узъ руку! не найду ль волшебнаго бобала!

Но, ахъ! моя рука поймала—
 Лишь *Друа юности и великихъ лютъ!*
 А васъ, моихъ друзей, вина и счастья
 пѣтъ!..

Теперь ты, Вяземскій, бездѣльный мой поэтъ,
 Передъ судилище явись съ твоимъ по-
 сланьемъ!

Мой другъ! твои стихи блистають даро-
ваньемъ,

Какъ дневный свѣтъ!

Характеръ въ слогахъ твой есть—точность
выраженья!

Искусство—простоту съ убранствомъ со-
глашать,

Что должно въ двухъ словахъ, то въ
двухъ словахъ сказать;

И красками воображенья

Простую мысль для чувства рисовать!
Бъ чему жъ тебя твой даръ влечетъ, еще

Но увѣрю, [не знаю.

Что Фебова печать на вѣсѣхъ твоихъ стихахъ!
Ты въ пѣсни [съ легкостью] порхаешь на

пѣвѣтахъ,

Ты рѣimina убить способенъ эниграммой!
Но и высокое тебѣ не высоко,

Воображеніе съ тобою не упрямо!

И для тебя летать за нимъ легко,

Но высотамъ и по дугамъ Парнаса!

Пиши! тогда скажу точнѣй, какой твой родъ!
Но сомнѣваюсь, чтобы львь, хромой урождъ.

Которая живетъ не для вѣковъ, для часа,
Тебѣ за «пѣсенку» перелетѣтъ дала,

А много, много за «посланье»!..

Но кетати о посланьѣ!

О немъ вѣдь, помнится, въ началѣ рѣчь была.
Посланіе твое—малютка, но прекрасно,

И все въ пемъ коротко да ясно.

У *каждаго* свой *вкусъ*, *свой судъ* и
голосъ свой!—

Прелестный стихъ и точно твой.

Языкъ ихъ — брань! искусство—

Пристрастьемъ залуциать священной
правды чувство;

А демонъ зависти — ихъ мрачный
Аполлонъ!

Вотъ сила съ точностью и скромной про-
стотою!

Последній стихъ—огонь! Надъ трепетной
толпою

Глушцовъ, какъ метеоръ, ужасно свѣтитъ онъ!
Но, другъ, не правда ли, что здѣсь твое

потомство

Не къ смыслу привело, а къ рѣмѣ: *вѣ-*
роломство?

Кто этому словцу отецъ и мать?

Извѣстно: дѣвственная *вѣра*,

И буйственный глаголь—*ломать*.

[Смотри же, ни въ однихъ стихахъ твоихъ
примѣра]

Такой ошибки пѣтъ! Вопросъ:

О комъ ты говоришь въ посланьѣ?

О глупыхъ судяхъ, которыхъ толкованье
Лишь *косо* потому, что ихъ разумокъ *косо*.

Гдѣ жъ *вѣроломство* тутъ? Оно лишь
тамъ бываетъ,

Гдѣ на довѣренность прекрасныя души
Предательствомъ злодѣй коварный отвѣ-

чаетъ!

Хоть тысячу зонгъ насквилей паппши,
Не вѣроломнымъ свѣтъ хулителя при-

знаешь,—

Но злымъ завистникомъ, нль попросту
глушцомъ!

Позволь же заклеить херомъ

Твое мнѣ *вѣроломство!*

«Не трогай! ты кричишь: я вижу, ты
хитрецъ!

Ты въ этой тяжбѣ самъ судья и самъ истецъ!

Ты изъ моихъ стиховъ *потомство*

Въ свои стихи отмежевалъ,

А въ утвержденіе изъ Фебова закона

Еще и добрую статейку приискалъ!

Не тронь! нль къ самому престолу Апол-
Я съ апелляціей пойду, [лопа

И въ мигъ съ тобой процессъ за рѣму
заведу!»—

Не горячись! отдай мнѣ *вѣроломство*;

Грабитель ты, не я!

И умъ, правдивый судія,

Не на твое, а на мое потомство

Ему быть рѣмой дать приказъ,

А Фебъ ужъ подписалъ и именной указъ!

Повѣрь, я стою не укора,

А похвалы.

Вотъ доказательство: *Кикъ волны отъ*
скалы,

Оно несется всячь! такой стишокъ
умора!

А слѣдующій стихъ, блистательный на
взглядъ:

Что въкъ зоила?—день! Въкъ генія—
потомство!

Есть лишь безсмыслицы обманчивый на-
рядъ,

Есть постоянное разсудка *вроломство!*
Сначала обольстил и мой разсудокъ онъ;

Но... съ нами буди Аполлонъ!

И словомъ, какъ глупецъ надменный,
На высоту [честей] фортуной вознесенный,
Забылъ свой низкій родъ,

Дивить другихъ глупцовъ богатствомъ и
чинами,—

Такъ этотъ стихъ — уродъ

Дивить невѣжество нарядными словами;
Но много можетъ *вкусы* обманщика сра-
зить,

Сказавъ *разсудку* въ подтвержденье:

«Нельзя потомству вѣкомъ быть!»

Но станется и то, что и мое рѣшенье
Своимъ «быть по сему»

Скрѣпить богъ Пинда не рѣшится!

Да, признаюсь, и самъ я радъ бы оши-
биться!

Люблю я этотъ стихъ наперекоръ уму!

Еще одно пустое замѣчанье:

Укрывшихся въковы—намъ укрываться
страхъ

Велятъ; а *страха* нѣтъ *въ вылахъ!*

Итакъ «*укрывшихся*» — въ из-
гналье!

Не въдаетъ враговъ—не знаетъ о вра-
гахъ—

Такъ точность строгая писать повелѣваетъ,

И муза точности законъ принять должна.

Но лучше самого спроси Карамзина:

Кого не въдаетъ, или *о комъ* не знаетъ,

То самой точности точнѣй онъ долженъ
знать!

Вотъ все, что о твоёмъ посланьѣ,

Прелестный мой поэтъ, я могъ тебѣ сказать!

Чуръ не пенять за доброе желанье!

Когда жъ ошибся я, бѣды въ ошибокѣ
нѣтъ;

При этой критикѣ есть и отвѣтъ!

Прочти и сдѣлай замѣчанье!

А въ заключеніе обоимъ вамъ совѣтъ:

«Когда завистниковъ свести съ ума хотите,

И выгнать глупцовъ изъ тьмы на бѣлый
Пишите!»— [свѣтъ—

III.

На этой почтѣ все въ стихахъ,

А низкой прозою ни слова!

Сочиненія В. А. Жуковскаго. Т. II.

Вотъ два посланья вамъ!—Обнова,
Которую для музъ скроилъ я второяхъ!

Одно пѣзъ нихъ для васъ, а не для свѣта:
Въ немъ просто критика, и запросто одѣта,
Въ простой, нестихотворный слогъ!

Другимъ я отвѣчать хотѣлъ вамъ на
«посланья»,

Въ надеждѣ заслужить рукоплеканья
Отъ всѣхъ, кому знакомъ парнасскій богъ.

Но вижу, что меня понутала поспѣшность;
Въ моемъ посланіи великая погрѣшность!

Слогъ правиленъ и чистъ—но въ этомъ
славы нѣтъ!

При васъ, друзья, писать нечистымъ
слогомъ стыдно,

Но связи въ немъ не видно,

И видно, что сѣвшилъ поэтъ!

Нѣтъ въ мысляхъ полноты и нѣтъ соеди-

А кое-гдѣ есть повторенья! [пенья,

Но такъ и быть!

«Бѣдой своей ума мы можемъ прикунить!»

Такъ Дмитріевъ, пророкъ и вкуса и Пар-
наса,

Сказалъ давно!

И аксіомой быть для насъ теперь должно:

*Что въ часъ сотворено, то не жи-
ветъ и часа!*

*Лишь то, что писано съ трудомъ,
читать легко;*

Кто хочетъ вдругъ замѣтаться далеко,

*Тотъ въ хлопотахъ умчитъ и глуп-
ность за собою!*

Стыши не торопись, а твердою стопою,

И ни на шагъ впередъ,

*Покуда тѣмъ, что есть, не сдѣлался
довольнымъ!*

*Пока назадъ смотреть не смѣешь съ
духомъ вольнымъ,*

Иначе отъ задовъ переднее умретъ,

Или напишутся одни иносказанья!

Простите. Ваши же «посланья»

Оставлю у себя, чтобы друзьямъ прочесть!

У васъ ихъ списокъ есть!

Къ тому же Вяземскій велитъ жить осто-
рожно:

Онъ у меня свои стихи безболко

На время выпросивъ, на вѣчность удержалъ!

Прислать ихъ обѣцалъ,—

Но все не присылаетъ!

Когда жь пришлеть,
Объ этомъ знаетъ тотъ,
Кто будущее знаетъ!

Милостивые государи, имѣю честь пребыть
вашимъ покорѣйшимъ слугою В. Жуковскій.

КЪ ВЯЗЕМСКОМУ.

отвѣтъ на его посланіе къ друзьямъ.

Ты, Вяземскій, хитрецъ, хотя ты и поэтъ!

Проблему, что въ тебѣ ни крошки дара нѣтъ,

Ты вздумалъ доказать посланьемъ,

Въ которомъ на бѣду стихъкаждый заклеи-

Высокимъ дарованьемъ! [меня]

Притворство въ сторону! знай, другъ, что

Ты своенравными богами [осужденъ]

На свѣгъ жить и умереть съ стихами,

Такъ точно, какъ орелъ надъ тучами летать,

Какъ благородный конь кишѣтъ предъ зна-

менами,

Какъ роза на лугу весной благоухать!

Сносъ жь безъ ропота боговъ опредѣленъе,

Не мысля почитать успѣхъ за обольщенъе

И содрогаться отъ похвалъ!

Хвала друзей—поэту вдохновенье!

Хвала невѣждъ—брицающій кимваль!

Страшися, мой пѣвецъ, не смѣлости, но

лѣни!

Подъ маской робости не скроешь ты свой

даръ;

А тлѣющій въ твоей груди священный жаръ

Сильнѣе, чѣмъ друзей и похвалы и пени!

Пиши, когда писать впускаетъ Аполлонъ!

Къ святилищу, гдѣ скрытъ его незримый

тронъ,

Извѣстно намъ, ведутъ безчисленны дороги;

Прямая же одна!

И только тѣхъ очамъ она, мой другъ, видна,

Которыхъ колыбель парнасскимъ лавромъ

боги

Благоволили въ часъ рожденъя осѣнить!

На славномъ семъ пути пѣвца встрѣчаегъ

геній;

И, веселъ посреди божественныхъ явленій,

Онъ съ беззаботностью младенческой идетъ,

Куда рукой неодолимой,

Невидимый толпѣ, его лишь сердцу зримой.

Крылатый проводникъ влечетъ!

Блаженъ, когда, ступивъ на путь, онъ за

собою

Покинулъ гордости угрюмой суеты

И славолюбія убійственныя мечты!

Тогда съ свободною и ясною душою

Наслѣдіе свое, великолѣпный свѣтъ,

Онъ быстро на крылахъ могучихъ облетаетъ

И, вдохновенный, восклицаетъ,

Повсюду зря красу и благо: я поэтъ!

Но горе, горе тѣмъ, на конхъ Эвмениды,

За преступленъя ихъ отцовъ,

Наслала Фурию стиховъ!

Для нихъ страшилница и Фебъ и аониды!

И визгъ карающихъ свистковъ

Во слѣ и на яву ихъ робкій слухъ терзаетъ!

Ихъ жребій — пѣть на зло суровыхъ къ

нимъ судей!

Чѣмъ громозвучнѣй смѣхъ, тѣмъ струпы

ихъ звучнѣй,

И лира, наконецъ, къ перстамъ ихъ при-

растаетъ!

До Леты гонить ихъ свирѣный Аполлонъ;

Но и забвенія рѣка ихъ не спасаетъ!

И на брегу ея, сквозъ тяжкій смерти сонъ,

Ихъ тѣни борются съ безплотными свист-

ками!

Но, другъ, не для тебя сей бѣдственный

удѣлъ!

Природой наученъ, ты вѣрный путь обрѣлъ!

Летай не робкими перстами

По очарованнымъ струнамъ,

И музы не страшись! Въ нерукотворный

храмъ!

Стезей цвѣтущую, но скрытую отъ свѣта,

Она ведетъ поэта!

Лишь бы любовью красоты

И славою чистою душа въ насъ пламенѣла,

Лишь бы, мнѣтное отринувъ, съ высоты

Она къ безсмертному летѣла—

И муза счастья богиней будетъ намъ!

Пускай слѣпцы ползуть по праху къ по-

хваламъ,

Въицовъ презрѣнныхъ ищутъ въ

прахѣ,

И, славу позабывъ, блѣднѣютъ въ низ-

комъ страхѣ,

Чтобы престлница-хвала,

Какъ облако, изъ ихъ объятій не ушла!

Имъ вѣчно не узнать тѣхъ чистыхъ па-

слаженій,

Которыя даетъ намъ безкорыстный геній,

Природы властелинъ,
 Парящій посреди безбрежнаго пучинъ,
 Красы верховной созерцатель,
 И въ чудномъ мірѣ семь чудеснаго создатель!
 Мой другъ, святыхъ добра закоповъ тол-
 кователь,
 Поэтъ на свѣтѣ семь — всѣхъ добрыхъ
 семьянинъ!
 И сладкою мечтой потомства оживленной...
 Но пѣтъ! потомство не мечта!
 Не мни, чтобъ для меня въ дали его
 священной
 Однихъ лишь почестей блистала суета!
 Пускай правдивый судъ потомствомъ раз-
 дается —
 Ему внимать нашъ прахъ во гробѣ не
 проснется,
 И не достигнетъ онъ къ безчувственнымъ
 костямъ!
 Потомство говорить, мой другъ, однимъ
 гробамъ;
 Хвалы жъ его въ гробахъ поціючимъ не
 вняты!
 Но въ жизни мысль о немъ намъ спут-
 никъ благодатный!
 Надежда сердцемъ жить въ вѣкахъ,
 Надежда сладкая! она не заблужденье!
 Пускай покроетъ лиру прахъ —
 Въ семь прахѣ не умолкнетъ ибные
 Душой безсмертной полныхъ струи!
 Нашъ геній будетъ, вѣчно юнъ,
 Не утѣшимыми крылами
 Парить надъ дряхлыми племенъ и царствъ
 гробамъ!
 И будетъ наамень, въ насъ горѣвшій, со-
 грѣвать
 Жаръ славы, благодсти и смѣлыхъ помы-
 шленій
 Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній!
 Сихъ узъ ни Кронъ, ни смерть не властны
 разорвать!
 Пускай, пускай придетъ пустынный вѣтръ
 свистать
 Надъ нашею съ землей сравнявшейся мо-
 гилой —
 Что счастиемъ для насъ въ минутной жизни
 было,
 То будетъ счастиемъ для близкихъ намъ
 сердце

И долго послѣ насъ; грядущихъ лѣтъ пѣвецъ.
 Отъ лиры восплачетъ нашей;
 Внимая умиленно ей,
 Страдалецъ подойдетъ смѣлѣй
 Къ своей ужасной, горькой чашѣ,
 И волю Промысла, смирясь, благословитъ;
 Сынъ славы заклинитъ,
 Ее посылавъ, бранью,
 И праздный мечъ сожметъ нетерпѣливой
 дланью...
 Давно въ развалинахъ Сабинскій уголокъ,
 И вѣки ужъ надъ нимъ толпою пролетѣли —
 Но струны Флакковы еще не опѣмѣли!
 И, мнитея, не забыть ихъ звука тотъ потокъ
 Съ одушевленными струями,
 Надъ коимъ дружными вѣтвями
 Въ кудрявые вѣнцы сплелся древесъ!
 Тамъ, подъ вечеръ, когда невидимо роса
 Съ роскошной свѣжестью на землю упа-
 даетъ,
 И мирты спящіе Селепа осеребруютъ,
 Дрядъ стыдливыхъ хороводъ
 Кружится по цвѣтамъ, и тѣнь ихъ про-
 По зыбкому зеркалу водъ! [летаетъ
 Перѣдко, въ тихій часъ, какъ солнце на
 закатѣ
 Листъ румяный блескъ на море вдалекѣ,
 И мирты темные дрожать при вѣтеркѣ,
 На яркомъ отражался златѣ —
 Вдругъ разливается какъ будто тихій звонъ,
 И вѣтерокъ и струй журчанье утихаеъ,
 Какъ бы незримый Аполлонъ
 Полетомъ легкимъ пролетаетъ —
 И путникъ, погруженъ въ унылость, слы-
 шить гласъ:
 «О, смертный! жизнь стрѣлою мчитя!
 Лови, лови летящій часъ!
 Онъ, улетѣвъ, не возвратится.»

ВЪ АЛЬБОМѢ.

[ВАРОНЕССЪ В. И. ЧЕРКАСОВОЙ].

Гдѣ искренность встрѣчать выходитъ на
 крыльцо,
 И вмѣстѣ съ дружбой угощаеъ,
 Гдѣ все, что говорить лицо,
 И сердце молча повторяеъ,
 Гдѣ за большимъ семейственнымъ столомъ
 Сидятъ веселая свобода,
 И идъ, подчасъ, когда нахмурится погода,

Передь блестящимъ камелькомъ,
 Въ непринужденности живого разговора
 Позволено дойти до спора —
 Зашедши въ уголокъ такой,
 Я смѣло говорю, что я зашелъ домой!

ЗАПИСКА КЪ БАРОНЕССѢ.

[м. а. черкасовой].

И я прекрасное имѣю писемцо
 Отъ нашей Долбинской Фелицы!
 Приписываютъ въ немъ и двѣ ея сестрицы:
 Ее же самое въ лицо
 Не прежде середи увидѣть уповаю!
 Итакъ, однимъ пораньше днемъ
 Въ володьковской адемы,
 То-есть во вторникъ, быть съ дѣтьми рас-
 Обѣдать, ночевать, [полагаю—
 Чтобъ въ среду обнять
 Свою летунью въемъ соборомъ
 И ей навстрѣчу хоромъ
 «Благословенъ грядый!» сказать.
 Мои цыпляточки съ Натальею насѣдкой
 Благодарять отъ сердца васъ
 За то, что помните объ ихъ, то-есть объ
 Свою долбинскую кляткою [насъ!
 [Для рюмы кафтка здѣсь] весьма довольны
 Безъ всякой суетной чумы [мы!
 Живемъ да приписываемъ!
 Дѣтѣнки учатся, подчасъ шалить,
 А мы ихъ унимаемъ!
 Но сами не умнѣй ребятъ!
 По крайней мѣрѣ, я—межъ рюмами во-
 И надъ мечтой, [зится
 Какъ надъ задачею, трудиться!..
 Но просимъ извинить; кто вправѣ по-
 хвалиться,
 Что онъ мечтѣ не жертвуетъ собой!
 Все здѣсь мечта—вся разица въ на-
 званьяхъ!
 Мечта—веселіе, мечта—страданье,
 Мечта и красота!
 И всякъ мечту зоветь, какъ Донъ-Кихотъ
 принцессу!
 Но что володьковскую баронессу
 Я всей душой люблю... вотъ это не мечта!

P. S. Во вторникъ ввечеру

Я буду [если не умру,

Иль не поссорюсь съ Аполлономъ.]

Читать вамъ погребальнымъ тономъ,
 Какъ въдыму чортъ унесъ,
 И папугаю васъ до слезъ.

КЪ ПЛЕЩЕВУ.

Ну, какъ же вздумалъ ты, дуракъ,
 Что я забылъ тебя!—о, роза!
 Такая мысль весьма похожа
 На тотъ кудрявый буеракъ,
 Который—или нѣтъ!..—въ котормъ...
 Иль нѣтъ!.. ошибае: на котормъ...
 Но мы оставимъ буеракъ,
 А лучше, не хитря, докажемъ,
 То-есть простою прозою скажемъ,
 Что самъ кругомъ ты виноватъ!
 Что ты писать и самъ не хватъ!
 Что неписанье и забвенье
 Такъ точно то же и одно,
 Какъ горькій укусецъ и вино,
 Какъ вонь и сладкое куренье...
 И какъ же мнѣ тебя забыть?
 Ты не боишься бѣлой книги!
 Итакъ, оставь свой интриги!
 И не изволь меня рядить
 Въ шуты предъ дружбою священной!
 Скажу тебѣ, что я одинъ,
 То-есть, что я уединенно
 [И не для] собственныхъ причинъ
 Живу въ сосѣдствѣ отъ Бѣлева
 Подъ покровительствомъ Грисва;
 То-есть, что мнѣ своихъ дѣтей
 Моя хозяйка поручила
 И ихъ не оставляя просила,
 И что честное слово ей
 Я далъ, и вѣрно исполняю,
 А безъ того бы, другъ мой, знай,
 Давно бы былъ я ужъ въ Черни!
 Мои уединенны дни
 Довольно сладко протекаютъ!
 Меня и музы посѣщаютъ,
 И Аполлонъ доволенъ мной!
 И подъ перомъ моимъ напой
 Тренингъ—и плакъ и мысли есть,
 И мнѣ осталось лишь присѣять
 Да и писать къ царю посланье!
 Жди славнаго, мой милый другъ,
 И не обманетъ ожиданье!
 Приשמало все къ сердцу вдругъ,
 И напередъ я въ восхищенья

Предчувствую то наслаждение,
 Съ какимъ безъ лести, въ простотѣ,
 Я буду говорить стихами
 О той небесной красотѣ,
 Которая въ вѣщи предъ нами!
 А ты меня благослови!
 Но, ради Бога, оживи
 О Гришнномъ выздоровленъи
 Прекрасной вѣстїю скорбїи!
 А то растаетъ вдохновенъи!
 Прости же! Ниночкѣ моеи
 Любовь, и дружба, и почтенъе;
 Прощу отдать ихъ, не дѣли!
 А Губареву—киселя!

ЗАИСКА КЪ ПОЛОНСКИМЪ.

Объщанное исполнять

Есть долгъ священный христіанства,
 И знаю точно я, что вы мнѣ не изъ
 чванства
 Четверомѣтную карету нынче дать
 Въ четвергъ прошедшїи общали.
 Вотъ мы за нею къ вамъ и лошадей
 прислали.

Она не мнѣ, дѣтѣночкамъ нужна,
 Чтобы въ Володьково безвредно доехать!

Линейка есть у насъ; но, знаете, она
 Въ морозъ и вѣтеръ холодна:

И дѣти могутъ простудиться.

Къ тому же бѣдная больна:

Въ подагрѣ все колеса

И шворень взволдыряютъ!

А я извѣстнаго вамъ Аполлоса
 Въ Бѣлевъ за лѣкаремъ еще не посылалъ.

Четверомѣтную карету мы имѣемъ;
 Но съѣсть въ нее никакъ не смѣемъ!

Карета—инвалидъ!

И проситея давно, давно уже на покаянье!

И вотъ ея вамъ описанъе:

Она имѣетъ видъ

Какъ бы лукошка!

Кто взглянуть захочетъ изъ окошка,

Тотъ вѣрно загремитъ

Главою вивзъ, горѣ ногами;

Понеже дверцы не ручками,

А лычками закрѣплены!

Сквозь древнїи верхъ ея днемъ солнце
 проникаетъ,

А ночью блескъ луны!

А въ добрый часъ и дождикъ поливаетъ,
 И такъ, что можете порой
 Вы ѣхать въ ней и сухой и водой!

А козлы? Боже мой!

Когда на нихъ Григорїи нашъ трясется,
 То, кажется, душа въ немъ съ тѣломъ раз-
 стается!

Знать душу грѣшника за то, что здѣсь она
 Шалила—

Рука Всевышняго въ Григорья нарядила,
 И осужденная должна

Трястись на козлахъ тѣхъ, въ которыхъ
 сатана

Съ компанїей сидитъ, до свѣтопреставленъи!
 Я много бъ могъ еще кое-чего сказать,

Чтобы живѣи мою чудиху описать

Для вашего воображенъи!

Какъ, напримѣръ, колеса въ ней

Другъ съ другомъ въ безпрестанной
 ссорѣ,

И на заказъ визжать! Какъ страненъ видъ
 осей!

Какъ вѣчно клонится она къ одной рессорѣ,
 И нечувствительна къ другой!

Короче: на землѣ кареты нѣтъ такой!

Но, несмотря на совершенство

Ея красотъ—сажать въ нее дѣтей

Я не считаю за блаженство!

И васъ прошу помочъ мнѣ въ крайности

Чтобы унять чудиху эту, [моей!

Четверомѣтную пришлите мнѣ карету!

Не откажите въ томъ хоть нашимъ лоша-

Которыя васъ просяютъ лично! [дякъ,

Для васъ быть добрыми—обычно,

И дѣло доброе наградою будетъ вамъ!

БАЛЛАДА.

въ которой описывается, какъ одна старушка
 ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ
 впереди.

[ПОДРАЖАНІЕ САУТЪ].

На кровлѣ воронъ дико прокричалъ:

Старушка слышитъ и блѣднѣетъ.

Понятно ей, что воронъ тотъ сказалъ:

Слегла въ постель, дрожитъ, хладѣетъ.

И вопить скорбно: гдѣ мой сынъ чернецъ?

Ему сказать мнѣ слово дайте!

Увы! я гибну! близокъ мой конецъ!
Скорѣй, скорѣй! не опоздайте!

И къ матери идетъ чернецъ святой:
Ея услышать покаянъе;
И тайные Дары нестеть съ собой,
Чтобъ утолить ея срадашье.

Но лишь пришелъ къ одру съ Дарами онъ,
Старушка въ трепетъ завыва;
Какъ смерти крикъ, ея протяжный стоить...
«Не приближайся:— возопила:—»

Не подноси ко мнѣ святыхъ Даровъ;
Уже не въ пользу покаянъе!..»

Быль страшень видъ ея сѣдыхъ власовъ
И страшно груди колыханъе.

Дары святые слышь отнесъ назадъ
И къ страждущей приходитъ снова;
Кругомъ бродилъ ея потухшій взглядъ;
Языкъ искалъ, пѣмѣя, слова.

«Вся жизнь моя въ грѣхахъ погребена,
Меня отвергнулъ Искушитель;
Твоя жъ душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

«Здѣсь вмѣсто дня была мнѣ ночи мгла;
Я кровь младенцевъ проливала,
Власы невѣсть въ огнѣ волшебномъ жгла,
И кости мертвыхъ похищала.

«И казнь лукавый обольстителъ мой
Ужъ мнѣ готовить въ адекой злобѣ;
И я, смутивъ чужихъ гробовъ покой,
Въ своемъ не успокоюсь гробѣ.

«Ахъ! не забудь моихъ послѣднихъ словъ:
Мой трупъ, обвитый пеленою,
Мой гробъ, мой черный гробовой покровъ
Ты окрони святой водою.

«Чтобъ изъ свинца мой крѣпкій гробъ былъ
Семью окованъ обручами, [слить,
Во храмъ винесенъ, предъ алтаремъ прибить
Къ помосту крѣпкими цѣпями.

«И цѣпи окрони святой водою;
Чтобы священники соборомъ
И день и ночь стояли надо мною
И пѣли панихиду хоромъ;

«Чтобъ пятьдесятъ на крылосахъ дьячковъ
За ними въ черныхъ рясахъ пѣли;

Чтобъ день и ночь свѣчи у образовъ
Изъ воску яраго горѣли;

«Чтобы звучнѣй во всѣ колокола
Съ молитвой день и ночь звонили;
Чтобъ заперта во храмъ дверь была;
Чтобъ дьяконы предъ ней кадили;

«Чтобъ крѣпокъ былъ заноръ церковныхъ
Чтобы съ полуночнаго бдѣнья [врать;
Онъ ни на мигъ съ растворовъ не былъ
До солнечнаго восхожденья. [снять]

«Съ обрядомъ тѣмъ молитесь три дня,
Три ночи сряду надо мною:
Чтобъ не достигъ губитель до меня,
Чтобъ прахъ мой принять былъ землею.»

И гласъ ея быть слышенъ пересталъ;
Померкнуши очи закатились;
Послѣдній вздохъ въ груди затрещалъ;
Уста, охолодѣвъ, раскрылись.

И хладный трупъ, и саванъ гробовой,
И гробъ подъ черной пеленою
Священники съ приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гробъ положены;
Три цѣпи тяжкими винтами
Вонзились въ гробъ и съ нимъ утверждены
Въ помостъ предъ царскими дверями.

И вспрыснуты онъ святой водою;
И всѣ священники въ собранъѣ:
Чтобъ день и ночь душѣ на упокой
Свершать во храмѣ поминашье.

Поютъ дьячки всѣ въ черныхъ стихаряхъ
Медлительными голосами;
Горять свѣчи надгробны въ ихъ рукахъ,
Горять свѣчи предъ образами.

Протяжный гласъ, и блѣдный ликъ пѣнцовъ,
Печальный, страшный сумракъ храма,
И тихій гробъ, и длинный рядъ поповъ
Въ туманѣ зыбкомъ омиама,

И горестный чернецъ предъ алтаремъ,
Творящій до земли поклоны,
И въ высотѣ дрожащимъ свѣчъ огнемъ
Чуть озаренныя иконы...

Ужасный видъ! колокола звонять;
Ужъ часъ полуночнаго бдѣнья...

И заперлись затворы тяжкихъ врагъ
Передъ начатиємъ моленья.

И въ первую ночь отъ свѣчъ веселый блескъ.
И вдругъ... къ полночи за вратами
Ужасный вой, ужасный шумъ и трескъ;
И слышалось: гремятъ цѣльями.

Желѣзныхъ вратъ занорь, стуча, дрожить;
Звонять на колокольнѣй звонче;
Молитву клиръ усердїе творить,
И пѣніе поющихъ громче.

Гудятъ колокола, дьячки поютъ,
Поны молитвы вслухъ читаютъ,
Чернецъ въ слезахъ, въ кадилахъ ладанъ
И свѣчи яркія пылаютъ. [жгутъ,

Запѣлъ пѣтухъ... и смолкнувши бѣгутъ
Враги, не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поютъ;
Смѣлѣй поны творятъ молитвы.

Въ другую ночь отъ свѣчъ темнѣе свѣтъ:
И слабо теплятся кадилы,
И гробовой у всѣхъ на лицахъ цвѣтъ:
Какъ будто встали изъ могилы.

И снова ревъ, и шумъ, и трескъ у вратъ:
Грызутъ замокъ, въ затворы рвутся;
Какъ будто вихрь, какъ будто шумный градъ,
Какъ будто воды съ горъ несутся.

Предъ алтаремъ чернецъ на землю наль,
Священники творятъ поклоны,
И дымъ отъ свѣчъ туманныхъ побѣжалъ,
И потемнѣли всѣ иконы.

Сильнѣе стукъ—звучивъ колокола,
И трепетивъ поющихъ голосъ:
Въ крови ихъ хладъ, объемлетъ очи игла,
Дрожатъ колѣна, дыбомъ волосъ.

Запѣлъ пѣтухъ... и прочь враги бѣгутъ,
Опять не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поютъ,
Поны смѣлѣй творятъ молитвы.

На третью ночь свѣчи едва горятъ;
И дымъ густой и запахъ сѣрный;
Какъ рядъ тѣней, поны во мгаѣ стоятъ;
Чуть виденъ гробъ во мракѣ черной.

И стукъ у вратъ: какъ будто океанъ
Подъ бурю реветь и воесть,

Какъ будто стень песчаную органъ
Свистящими крылами роеть.

И звонари отъ страха чуть звонятъ,
И руки имъ служить невольны;
Чась отъ часу страшнѣе громъ у вратъ,
И звонъ слабѣе колокольных.

Дрожа, упалъ чернецъ предъ алтаремъ;
Молиться силы нѣтъ; во прахъ
Лежить, къ землѣ прикинувши лицомъ;
Поднять глаза не смѣтъ въ страхъ.

И пѣвчихъ хоръ, досель согласный, сталъ
Нестройнымъ крикомъ отъ смятенья:
Имъ чудилось, что церковь зашаталъ
Какъ бы ударъ землетрясенья.

Вдругъ затускилъ огонь во всѣхъ свѣчахъ,
Погасли всѣ и закурились;
И замеръ гласъ у пѣвчихъ на устахъ,
Всѣ трепетали, всѣ крестились.

И раздалось... какъ будто оный гласъ,
Который грянетъ надъ гробами;
И храма дверь со стукомъ затрещала
И на полъ рухнула съ петлями.

И онъ предсталъ весь въ пламени очамъ,
Свирѣпый, мрачный, разъяренный;
Но не дерзнулъ войти онъ въ Божій храмъ,
И ждалъ предъ дверью раздробленной.

И съ громомъ гробъ отторгся отъ цѣпей,
Ничей не тронутый рукою;
И вмигъ на немъ не стало обручей...
Они разсыпались золою.

И вскрылся гробъ. Онъ къ тѣлу вопиетъ:
Возстань! иди вослѣдъ владыкѣ!
И проступилъ отъ словъ сихъ хладный потъ
На мертвомъ, неподвижномъ ликѣ.

И тихо трупъ со стономъ тяжкимъ всталъ,
Покоренъ страшному призванью;
И никогда здѣсь смертный не слыхалъ
Подобнаго тому степенью.

Шатаясь пошла она къ дверямъ:
Огромный конь чернѣе ночи,
Дыла огнемъ, храпѣлъ и прыгалъ тамъ,
И, какъ пожаръ, пылали очи.

И на коня съ добычей прыгнулъ врагъ:
И трупъ завылъ; и быстро течно

Конь полетѣлъ, взвивая дымъ и прахъ;
И слухъ объ ней пропалъ навѣчно.

Никто не зрѣлъ, какъ съ нею мчался онъ...
Лишь страшный слѣдъ нашли на прахъ;
Лишь внемля крикъ, всю ночь сквозь тяжкій
Младенцы вздрагивали въ страхъ. [сонъ]

ВАРВИКЪ.

БАЛЛАДА.
[изъ саутти.]

Никто не зрѣлъ, какъ ночью бросилъ въ
Эдвина злой Варвикъ; [волны
И слышали одни берега безмолвны
Младенца жалкій крикъ.

Отъ поданныхъ погибшаго губитель
Владыкой признанъ былъ—
И въ Ирлингфордъ уже, какъ повелитель,
Торжественно вступилъ.

Стоялъ среди цвѣтущія равнины
Старинный Ирлингфордъ,
И пышныя съ высотъ его картины
Повсюду видѣлъ взоръ.

Авонъ, шумя подъ древними стѣнами,
Ихъ пѣной орошалъ,
И низкій берегъ съ лѣсистыми холмами
Въ струяхъ его дрожалъ.

Тамъ пламенѣлъ береговъ на тихомъ склонѣ
Закатъ сквозъ рѣдкій лѣсъ;
И трепеталъ во дремлющемъ Авонѣ
Съ звѣздами сводъ небесъ.

Вдали, вблизи разсыпанныя села
Дымилась по утрамъ;
Отъ рѣвныхъ стадъ равнина вся шумѣла,
И вторилъ лѣсъ рогамъ.

Слѣшилъ, съ пути проходной совратяся,
На Ирлингфордъ взглянуть,
И, красотой картинъ его плѣняяся,
Онъ забывалъ свой путь.

Одинъ Варвикъ былъ чуждъ красамъ при-
Вотще въ его глазахъ [роды:
Цвѣтутъ лѣса, вися блещутъ воды,
И радость на дугахъ!

И устремить, трепещущій, не смѣеть
Онъ взора на Авонъ:

Оттолъ зефиръ во слухъ убіицы вѣсть
Эдвиновъ жалкій стонъ.

И въ тишинѣ безмолвной полуночи
Все тотъ же слышенъ крикъ,
И чудятся блестящія очи,
И блѣдный, странный ликъ.

Вотще Варвикъ съ родныхъ береговъ ух-
Приюта въ мѣрѣ нѣтъ: [дичь—
Страшилищемъ ужаснымъ совѣтъ бродить
Вездѣ за нимъ вослѣдъ.

И онъ пришелъ опять въ свою обитель:
А сладостный покой,
И бѣдности веселый посѣтитель—
Въ дому его чужой!

Часы стоятъ, окованы тоскою;
А мѣсяцы бѣгутъ...
Бѣгутъ—и день убіиства за собою
Невидимо песуетъ.

Онъ наступилъ; со страхомъ провожаетъ
Варвикъ ночную тѣнь:
Дрождь! — ему гласъ совѣти вѣщаетъ—
Эдвиновъ смертный день!

Ужасный день: отъ молній небо блещетъ;
Отвсюду вихрей стонъ;
Дождь ливня льетъ; волнами съ воємъ
Разлившиися Авонъ. [плещетъ]

Вотще Варвикъ, среди веселій шума,
Цѣдятъ въ бокалъ вино:
Съ нимъ за столомъ садится рядомъ *дума*:
Питье отравлено.

Тоскующій и грозный призракъ бродить
Въ толгѣ его гостей;
Вездѣ предъ нимъ; съ лица его не сводить
Пронзительныхъ очей.

И день угасъ... Варвикъ спѣшитъ на ложе...
Но и въ тишинѣ почной,
И на одрѣ уединенномъ то же:
Тамъ сонъ, а не покой!

И мнитъ онъ зрѣть пришельца изъ могилы:
Тѣнь брата предъ собой!
Въ чертахъ болѣзнь, ликъ блѣдный, взоръ
И голосъ гробовой! [унылый,

Таковъ онъ былъ, когда встрѣчалъ кончину;
И тотъ же слышенъ гласъ,

Какимъ молилъ онъ быть отцомъ Эдвину
Варвика въ смертный часъ.

«Варвикъ, Варвикъ! свершилъ ли данно
Неполненъ ли обѣтъ? [слово?

Варвикъ, Варвикъ, возмездіе готово;
Готовъ ли твой отвѣтъ?»

Воспрянулъ онъ — гласъ смолкнулъ — разъ—
Одигъ во мглѣ ночной [яренно
Ревѣлъ Авоиъ — но для души смятенной
Былъ сладокъ бунъ вой!

Но вдругъ — и въявь, средь шума и волъ—
Раздался смутный крикъ: [пенья
«Сгнѣши, Варвикъ, счастье отъ потопа; зья;
Бѣги, бѣги, Варвикъ!»

И къ берегу онъ мнится — нодъ стѣною
Уже Авоиъ кипить;
Глухая ночь; одѣто небо мглою;
И мѣсяць въ тучахъ скрытъ.

И молить онъ съ поднятыми руками:
«Спаси, спаси, Творецъ!»

И вдругъ — мелькнулъ челнокъ между волъ—
И въ челнокъ пловець. [нами;

Варвикъ зоветъ, Варвикъ манить рукою —
Не внемля шума волнъ,

Пловець сидитъ спокойно надъ кормою,
И править къ берегу чолнъ.

И съ тресетомъ Варвикъ въ челнокъ са-
Стрѣлой помчался онъ... [дится—
Молчить пловець... молчить Варвикъ...
[вогъ, мнится,

Имъ слышенъ тяжкій стонъ!

На спутника уставилъ кормицкъ очи:
«Не слышался ли крикъ?»

— Нѣтъ; просвѣталъ въ твой парусъ вѣ-
Смутяся, сказали Варвикъ. [теръ ночи,

— Правъ, кормицкъ, правъ, не скоро челнъ
Гроза со всѣхъ сторонъ! — [домчится:
Умоляли... плывуть... вотъ снова мнится
Имъ слышать тяжкій стонъ.

«Младенца крикъ! онъ борется съ волною;
На помощь онъ зоветъ!»

— Правъ, кормицкъ, правъ, рѣка покрыта
Кто тамъ его найдетъ? — [мглою;

«Варвикъ, Варвикъ! часъ смертный зрѣтъ
Ужасно умирать! [ужасно;

Варвикъ, Варвикъ! младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?»

«Во мглѣ ночной онъ бѣется межъ водами;
Облить онъ хладомъ волнъ;

Еще не видимъ мы очами;
Но онъ... нашъ видитъ чолнъ!»

И снова крикъ слабѣющей, дрожащей,
И близко челнока...

Вдругъ въ высотѣ рогъ мѣсяца блестящей
Прорѣзалъ облака;

И съ яркими слямася лучами,
Какъ дымъ прозрачный, мгла;
Зрять на скалѣ дитя между волнами;
И товетъ ужъ скала.

Пловець гребеть; челнокъ летить стрѣлою;
Въ смятеніи Варвикъ;

И озаренъ младенца ликъ луною;
И страшно блѣденъ ликъ.

Варвикъ дрожить — и руку, страха полный,
Къ младенцу протянулъ —

И, со скалы прыгнувъ младенець въ волны,
Къ его рукѣ прильнулъ.

И вмигъ... дитя, челнокъ, пловець —
Въ рукахъ его мертвецъ: [незримы;
Эдвинъ трунъ, холодный, недвижный,
Тяжелый, какъ свинець.

Утихло все — и небеса и волны;
Исчезъ въ водахъ Варвикъ;

Лишь слышали одинъ берега безмолвы
Убийцы страшный крикъ.

АЛИНА И АЛЬСИМЪ.

БАЛЛАДА.

[изъ монккифа.]

Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердець?

Вамъ розно бытъ! вы имъ сказали —
Всему конецъ.

Что пользы въ платьѣ золотое
Себя рядить?

Богатство на землѣ прямое
Одно: любить!

Когда случится, жизни въ цвѣтѣ,
Сказать душой

Ему: *ты будь моя на свѣтѣ!*

А ей: *ты мой!*
 И вдруг придется для другого
 Любовь забыть—
 Что жребія страшнѣй такого?
 И лъзя ли жить?
 Алина матери призналась:
 «Мнѣ миль Альсимъ!»
 Давно я втайнѣ помѣнялась
 Душою съ нимъ;
 Давно *люблю* ему сказала;
 Дай счастье намъ!»
 — Нѣтъ, дочь моя, за генерала
 Тебя отдамъ!—
 И въ монастырь святой Ирины
 Отвозить дочь.
 Тоска-печаль въ душѣ Алины
 И день и ночь.
 Три года длилося изгнанье;
 Не усладилъ
 Ни разу другъ ея страданье:
 Но все онъ миль.
 Однажды... о! какъ свѣтъ коварень!..
 Сказала мать:
 «Любовникъ твой неблагодарень»,
 И ей читать
 Она даетъ письмо Альсима.
 Его черты:
Прости! другая мной любима:
Свободна ты!
 Готово все: женихъ приходитъ;
 Идутъ во храмъ;
 Вокругъ налож ихъ обводить
 Священникъ тамъ.
 Увы! Алина, что съ тобою?
 Кто твой супругъ?
 Ты сердца не дала рукою—
 Въ немъ прежнѣй другъ!
 Какъ смиренный агнецъ на закланье,
 Вся убрана;
 Вокругъ веселье, лигованье—
 Она грустна.
 Алмазы, платья, ожерелья
 Вѣй мать дарить:
 Напрасно... прежняго веселья
 Не возвратитъ.
 Но какъ же дни свои смиренно

Ведеть она!
 Вся жизнь семьѣ уединенной
 Посвящена.
 Алины сердце покорилось
 Судьбѣ своей;
 Супругу жъ то, что сохранилось
 Отъ сердца ей.
 Но все, но-прежнему, печали
 Душа полна;
 И что бы взоры ни встрѣчали—
 Все мысль одна!
 Такъ безутѣшная томилась
 Пять лѣтъ себя,
 Все упрекая, что любила,
 И все любя.
 Разлуки жизнь воспоминае;,
 Имъ полонъ свѣтъ;
 Хотѣтъ прогнать его—страданье,
 А пользы нѣтъ.
 Все поповоюлетъ улетаемъ
 Къ мечтѣ своей;
 Твердя: забудь! напоминаемъ
 Душѣ объ ней.
 Однажды, приунывъ, Алина
 Сидѣла; вдругъ.
 Купца къ ней вводитъ армянина
 Ея супругъ.
 «Вотъ цѣпи, дорогія шали,
 Жемчугъ, кораллы!
 Они лѣкарство отъ печали:
 Я такъ слыхалъ».
 «На что намъ деньги? На веселье!
 Кому ихъ жалъ?
 Купи, что хочешь: ожерелье!
 Цѣпочку, шаль,
 Или жемчугъ у армянина:
 Вотъ кошелекъ!
 Я скоро возвращусь, Алина!
 Прости, дружокъ!»
 Товары передъ ней открывши,
 Купецъ молчитъ;
 Алина, голову склонивши,
 Какъ не глядитъ.
 Онъ, взоръ потупя, разбираетъ
 Жемчугъ, алмазы;
 Подносить, молча; но вздыхаетъ
 Онъ каждый разъ.

Блестала красотѣ младая
 Въ его чертахъ;
 Но блѣденъ; борода густая;
 Печаль въ глазахъ.
 Мила для взора живость цвѣта,
 Знакъ юныхъ дней;
 Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
 Еще милѣй.
 Она не видитъ, не внимаетъ—
 Мысль далеко!
 Но часто, часто онъ вздыхаетъ,
 И глубоко.
 Что — мыслить — онъ такой унылой?
 Чѣмъ огорченъ?
 Ахъ! если потерялъ, что мило,
 Какъ жалокъ онъ!
 «Скажи, что сдѣлалось съ тобою?
 О чемъ печаль?
 Не отъ любви ль?.. Ахъ! всей душою
 Тебя мнѣ жаль!»
 — Что пользы? Горя намъ словами
 Не утолить!
 И невозвратнаго слезами
 Не возвратитъ!
 — Одно сокровище безцѣнно
 Я въ мѣрѣ зналъ;
 Подобнаго Творецъ вселенной
 Не создавалъ!
 И я одно имѣлъ въ предметъ:
 Имъ обладать!
 За то бы радъ былъ все на свѣтѣ—
 И жизнь отдать!
 — Какъ было сладко любоваться
 Имъ въ день сто разъ!
 И въ мысляхъ я не могъ разстаться
 Съ нимъ ни на часъ!
 Но року вздумалось лихому
 Мнѣ повредить,
 И счастье мое другому
 Съ нимъ подарить!
 Всѣхъ въ жизни радостей лишенный,
 Съ моею тоской
 Я побѣжалъ, какъ осужденный,
 На край земной:
 Но, ахъ! отъ сердца то, что мило,
 Кто оторветъ?

Что разъ оно здѣсь полюбило,
 Съ тѣмъ и умереть.—
 «Скажи же, что твоя утрата?
 Златой бокаль?»
 — О нѣтъ: оно милѣе злата!—
 «Рубинъ, кораллъ?»
 — Не тяжело потерять ихъ!— «Что же?
 Царевъ алмазъ?»
 — Нѣтъ, нѣтъ! алмазовъ всѣхъ дороже
 Оно сто разъ!
 — Съ тѣхъ поръ, какъ я все то, что льстило,
 Въ немъ погубилъ,
 Я самъ, на память, образъ милой
 Изобразилъ.
 И на черты его прелестны
 Смотрю въ слезахъ:
 Мои всѣ блага поднебесны
 Въ его чертахъ!—
 Алина слушала уныло
 Его разсказъ.
 «Могу ль на этотъ образъ милый
 Взглянуть хоть разъ?»
 Алинѣ, молча, какъ убитый,
 Онъ подаетъ
 Парчею досканецъ обвитый,
 Самъ слезы льетъ.
 Алина робкою рукою
 Парчу сняла;
 Дощечка съ надписью златою;
 Она прочла:
*Здѣсь все, что я осиротплой
 Моимъ зову!*
*Что мнѣ отъ счастья уцѣлело;
 Все, чѣмъ живу!*
 Дощечку съ трепетомъ раскрыла—
 И что же тамъ?
 Что новое судьба явила
 Ея очамъ?
 Дрожить, дыханье прекратилось....
 Какой предметъ!
 И въ комъ бы сердце не смутилось?...
 Ея портретъ.
 — Алина, пробудись, другъ милой;
 Съ тобою я!
 Ничто души не измѣнило;
 Она твоя!

Въ послѣдній разъ: люблю Алину!
 Пришелъ сказать;
 Тебя покинуть, жизнь покину,
 Чтобъ не страдать.

Алина съ горемъ и тоскою
 Ему въ отвѣтъ:
 «Альсимъ, я вѣрной быть женою
 Дала обѣтъ!

Хоть долгъ и тяжкій и постылый:
 Все покорись;
 А ты—не умирай, другъ милый;
 Но.... удались!»

Алинѣ руку на прощанье
 Онъ подаетъ:
 Она беретъ ее въ молчаньи
 И къ сердцу жметъ.

Вдругъ входитъ мужъ; какъ въ изету—
 Онъ задрожалъ, [плень] [плень]
 И имъ во грудь въ одно мгновенье
 Вонзилъ кинжалъ.

Альсема пѣтъ; Алина дышетъ:
 — Невинна я!—
 Такъ говорить:—Всевышній слышитъ
 Насъ Судія.

За что жъ рука твоя пронзила
 Алинѣ грудь?
 Но Богъ съ тобою; я все простила;
 Ты все забудь!—

Убийца съ той поры томится
 И ночь и день:
 Повсюду вслѣдъ за нимъ влачится
 Алины тѣнь;
 Обагрена кровавымъ токомъ
 Вся грудь ея;
 И говорить ему съ упрекомъ:
 — Невинна я!

ЭЛЬВИНА и ЭДВИНЪ. БАЛЛАДА.

Въ излучинѣ долины сокровенной,
 Тамъ, гдѣ блеститъ подъ рощею потокъ,
 Стояла хижина, смиренной
 Покоя уголокъ.

Эльвина тамъ красавица таплась—
 Въ ней зрѣла мать подпору дряхлыхъ дней,
 И только объ одномъ молилась:
 «Всѣ блага жизни ей!»

Какъ лилія, была чиста душою,
 И пламенѣлъ румянецъ на щекахъ—
 Такъ разливается весною
 Денница въ облакахъ.

Всѣхъ юношей Эльвина восхищала;
 Для всѣхъ подругъ красой была страшна,
 И, чудо прелестей, не знала
 Объ нихъ одна она.

Пришелъ Эдвинъ. Безъ всякаго искусства
 Эдвина плѣнила красота:
 Въ очахъ веселыхъ пламень чувства,
 А въ сердцѣ простота.

И заключенъ святой союзъ сердцами:
 Душѣ легко въ родной душѣ читать;
 Легко, что сказано очами,
 Устамъ досказать.

О! сладко жить, когда душа въ покоѣ,
 И съ тѣмъ, кто милъ, начавъ, кончаешь
 Вдвоемъ и радости все вдвое.... [день]
 Но ахъ! онъ какъ тѣнь!

Лишь золото любилъ отецъ Эдвина;
 Для жалости онъ сердца не имѣлъ;
 Эльвинѣ же дала судьбина
 Одну красу въ удѣлъ.

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
 На ихъ любовь—на счастье двухъ сердець.
 «Разстаньтесь!» роковое слово
 Сказалъ онъ наконецъ.

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ
 И ни одной нѣтъ силы побѣдить!.. [страсти]
 Какъ не признать отцовской власти?
 Но какъ же не любить?

Прелестный видъ, плѣнительныя рѣчи,
 Восторгъ любви—все было только сонъ!
 Онъ розно съ ней; онъ съ ней и встрѣчи
 Боятся осужденъ.

Лишь по утрамъ, чтобъ видѣть слѣдъ
Эльвины,
 Онъ изъ кустовъ смотрѣлъ, когда она
 Шла по излучинѣ долины,
 Печальна и одна;

Или, когда являя мѣсяцъ роги,
 Туманный свѣтъ на рощи наводилъ,
 Онъ, грустенъ, вдоль большой дороги
 До полночи бродилъ.

Задумчивый, онъ часто по кладбищу
 При склонѣ дна ходилъ среди крестовъ:
 Его тоскѣ давало пищу
 Спокойствіе гробовъ.

Знать, гробъ ему предчувствіе сулило!
 Уже ланить румяный цвѣтъ пропалъ;
 Ихъ горе блѣдностью покрыло...
 Несчастный увыдалъ.

И не спасутъ его младыя лѣты;
 Вотще въ слезахъ падъ нимъ его отецъ;
 Вотще и вопли и обѣты!..
 Всему, всему копецъ.

И молить онъ: «друзья, изъ сожалѣнья!..
 Хотя бы разъ мнѣ на нее взглянуть!..
 Ахъ! дайте, дайте отъ мученья
 При ней мнѣ отдохнуть!..

Она пришла; но зорь любви всеисильный
 Уже тебя, Эдвинъ, не воскресить:
 Уже готовъ покровъ могильный,
 И гробъ уже открытъ!

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
 Какъ измѣнилъ его послѣдній часъ!
 Ни тѣни прежняго Эдвина;
 Ликъ блѣдный, слабый гласъ!

Въ знакъ вѣрности онъ подаетъ ей руку,
 И на нее взоръ томный устремилъ:
 Какъ сильно вѣчную разлуку
 Сей взоръ изобразилъ!

И въ тьмѣ ночной, покинувши Эдвина,
 Домой одна вблизи кладбища шла,
 Души не чувствуя, Эльвина;
 Кругомъ густѣла мгла.

Отъ сѣвера подьмаясь, вѣтеръ хладной
 Качалъ, свистя во мракѣ, дерева;
 И выла на стѣнѣ оградной
 Полночная сова.

И вся душа въ Эльвинѣ замирая;
 И взоръ ся во всеяго встрѣчалъ;
 Казалось—гѣнь его летала!
 Казалось—онъ стоналъ!

Но... вотъ и въявь ужъ слышится Эльвинѣ:
 Вдали провылъ уныло тяжкій звонъ;
 Какъ смерти голосъ, по долигъ
 Промчавшись, стихнулъ онъ.

И къ матери безъ памяти вбѣжала:—
 Блѣдна, и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ.
 «Прости, все кончилось!—сказала:—
 Мой ангель улетѣлъ!

«Благослови... зовутъ... иду къ Эдвину...
 Но для тебя мнѣ жаль покинуть свѣтъ!..
 Умолила... мать зоветъ Эльвину...
 Эльвины больше нѣтъ.

А Х И Л Л Ъ.

БАЛЛАДА.

Отуманилася Ида;
 Омрачился Иліонъ;
 Спать во мракѣ станъ Атрида;
 На равнинѣ битвы сонъ.
 Тихо все... курясь, сверкаетъ
 Пламень гаснущихъ костровъ,
 И протяжно окликаетъ
 Стражу стража близъ шатровъ.

Надъ Эгейскихъ водъ равниной
 Свѣтель веходитъ рогъ луны;
 Звѣзды смящю пучиной
 И брега отражены;
 Виденъ въ полѣ опустѣломъ
 Съ колесницею Пріамъ:
 Онъ за Гекторовымъ тѣломъ
 Отъ шатровъ идетъ къ стѣнамъ.

И на брегѣ близъ кургана
 Зрится сумрачный Ахиллъ;
 Онъ одинъ, далеко отъ стана,
 Онъ главу на длань склонилъ.
 Смотритъ въ даль—тамъ съ колесницей
 На пути Пріама зреть:
 Отираетъ багрянницей
 Слезы бѣдный царь съ ланитъ.

Лиру взялъ; ударилъ въ струны;
 Тихъ его печальный гласъ:
 «Старецъ, палъ твой Гекторъ юный;
 Свѣтъ души твоей угасъ;
 И Гекуба, Андромаха
 Ждутъ тебя у градскихъ вратъ
 Съ ношей милаго имъ праха...
 Жизнь и смерть имъ твой возвратъ.

«И съ денницею печальной
 Воскурится ѳиміамъ,

Огласятся погребальной

Пѣсню каждый домъ и храмъ;
Мать, отецъ, вдова съ мольбою
Пепель въ урну соберутъ,
И молитвы ихъ герою
Миръ въ странѣ тѣней дадутъ.

«О, Пріамъ, ты предъ Ахилломъ
Здѣсь во прахъ главу склопяль;
Здѣсь молилъ о сынѣ миломъ,
Здѣсь, несчастный, ты лобзалъ
Руку, слезъ твоихъ причину!..
Ахъ, не сѣтуй! гласъ небесъ
Намъ одну изрекъ судьбину:
И меня постигъ Зевесъ!

«Близокъ часъ мой! рокова
Приготовлена стрѣла!
Нарка, жребію внимая,
Дни мой ужъ отвела!
И скрипятъ врата анда,
И вѣщаетъ грозный гласъ:
Все свершилось для Пеллида;
Факель дней его угасъ!

«Вѣрный другъ мой взять могилонъ;
Брата бой меня лишиль —
Велѣдъ за нимъ съ земли унылой
Удалится и Ахиллъ!
Такъ судилъ мнѣ рокъ жестокой:
Я паду въ весѣи моей
На чужомъ берегу, далеко
Отъ Пелевыхъ очей.

«Ахъ! и сердце запрещасть
Долъ жить въ земномъ краю,
Гдѣ ужъ другъ не усладясть
Душу сирую мою!
Гекторъ палъ — его паденьемъ
Тѣнь Патрокла я смирилъ;
Но себѣ за друга мщеньемъ
Путь къ Тенару проложилъ!

«Ты не жди, Менетій, сына!
Не придетъ онъ въ отчій домъ....
Здѣсь Эгейская пучина
Предъ его шумить холмомъ!
Спитъ онъ.... смерть сковала длани,
Позабылъ ко славъ путь;
И призывный голосъ брани
Не вздымасть хладну грудь.

«И Ахиллъ не возвратится!

Въ домъ отчемъ пуста
Скоро, скоро водворится...
О, Пелей, ты сирота!
Пронсется буря брани —
Ты Ахилла будешь ждать,
И чертогъ свой въ новы тканн
Для пріема убирать;

«Будешь съ берега уныло
Ты смотрѣть, — въ пустой дали
Не бѣлѣтъ ли вѣтрило,
Не плывутъ ли корабли?
Корабли придутъ отъ Трои —
А меня ни на одномъ!
Тамъ, гдѣ билися герои,
Буду спать — и вѣчнымъ сномъ!

«Тщетно, смертною борьбою
Мучимъ, будешь сына звать,
И хладѣющей рукою
Вкругъ себя его искать —
Съ милымъ свѣтомъ разлученья
Гласъ его не усладить;
И на брегъ воды забвенья
Зовъ отца не достигъ.

«Край отчизны! свѣтлы воды!
Очарованны мѣста!
Миртъ, оливъ и лавровъ своды,
Пышныхъ доловъ красота,
Расцвѣтайте, убирайтесь,
Какъ и прежде, красотой;
Какъ и прежде, оглашайтесь
Кликомъ радости одной;

«По Патрокла и Ахилла
Никогда вамъ не видать!
Воды Сперхія, сушила
Вамъ рука моя отдать
Волоса съ моей отъ брани
Уцѣлѣвшей головы....
Вебъ Патроклу въ даръ! и дани
Ужъ моей не ждите вы!

«Кони быстрые, изъ боя
(Тайный рокъ васъ удержалъ)
Вы не вынесли героя —
И на щитъ онъ мертвый палъ!
Кони бодрые, ретивы,
Что жъ теперь такъ мрачны вы?

По землѣ влачатся гривы;
 Наклонилися главы;
 «Позабита пища вами;
 Груды моцныя дрожать;
 Слышу стонъ вапъ, и слезами
 Очи гордыя блестятъ!
 Знать, Ахилловъ предъ собою
 Зрите вы послѣдній часть;
 Знать, внушень былъ вамъ судьбою
 Миѣ конецъ въцавшій гласъ!..
 «Скоро!... лукъ свой напрягаетъ
 Неизбѣжный Аполлонъ,
 И пришельца ожидаетъ
 Бѣ Стиксу черному Харонъ!
 И Патроклъ съ береговъ забвенья
 Въ полуночной тишинѣ
 Легкой тѣнью сновидѣнья
 Прилетаетъ уже ко миѣ!
 «Какъ Зефирово дыханье,
 Онъ провѣялъ надо мной;
 Миѣ послышалось призванье,
 Сладкій гласъ души родной;
 Въ вѣжномъ взорѣ скорбь разлуки,
 И слѣды минувшихъ слезъ....
 Я простеръ ко брату руки....
 Онъ во мглѣ пустой нечезъ!..
 «Отъ Скироса вдаль влекомый,
 Поплыветъ Неоптолемъ;
 Брегъ увидитъ незнакомый,
 И зеленый холмъ на немъ,
 Кормщикъ юношѣ укажетъ,
 Полный думы, на курганъ:—
 «Вотъ Ахилловъ гробъ (онъ скажетъ);
 «Тамъ вблизи былъ грековъ станъ.
 «Тамъ, ужасный на оградѣ
 «Намъ явился онъ въ ночи —
 «Нестершимый блескъ во взглядѣ,
 «Съ шлема грозные лучи —
 «И трикраты звучнымъ кликомъ
 «На врага онъ грянулъ страхъ,
 «И троянецъ съ блѣднымъ ликомъ
 Бросилъ щитъ и мечъ во прахъ.
 «Тамъ, Атриду давъ десницу,
 «Съ нимъ союзъ запечатлѣлъ;
 «Тамъ гремящій, въ колесницу
 «Прицувъ, къ Троѣ полетѣлъ;

«Тамъ по праху за собою
 Тѣло Гекторово мчалъ,
 «И на трепетную Трою
 «Взглядомъ мщенія сверкалъ!»
 И сойдетъ на брегъ священный
 Съ корабля Неоптолемъ,
 Чтобъ на холмъ уединенный
 Положить и мечъ и шлемъ.
 Вкругъ ужъ пусто.... смолкли бои;
 Тихи Кеантъ и Симонсъ;
 И уже на грудахъ Трои
 Плющъ и терше свились.
 «Обойдешь равнину брани....
 Тамъ, гдѣ раговалъ Ахиллъ,
 Ужъ стадыя робки лани
 Вкругъ оставленныхъ могилъ!
 И услышишь надъ собою
 Двухъ невидимыхъ полетъ...
 Это мы!.. рука съ рукою!..
 Мы, друзья минувшихъ лѣтъ!
 «Вспомни тогда Ахилла!
 Быстро въ мѣрѣ онъ протекъ!
 Здѣсь судьба ему сулила
 Долгій, но беззлавный вѣкъ;
 Онъ мгновение со славой,
 Хладну жизнь презрѣвъ, избралъ,
 И на друга трунъ кровавой,
 До могилы вѣрный, палъ!» —
 Онъ умолкъ.... въ туманѣ Ида;
 Отуманенъ Иліонъ;
 Спятъ во мракѣ станъ Атрида;
 На равнинѣ битвы сопъ;
 И куряеъ, едва сверкаетъ
 Пламень гаснущихъ костровъ;
 И протяжно окликаетъ
 Стража стражу близъ шатровъ.

ЭОЛОВА АРФА.

БАЛЛАДА.

Владыко Морвены,
 Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордакъ;
 Надъ озеромъ стѣны
 Зубчатая замокъ съ холма возвышалъ;
 Прибрежны дубравы
 Склонялись къ водамъ,

И стлался кудрявый
Кустарникъ по значимымъ окрестнымъ хол-
мамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто зай несовъ пару-
Рогатыхъ еленей [шаль;

И вепрей и ланей могучій Ордадь
Съ отважными псами
Гоняя по холмамъ;
И доли съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамаъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краевъ
Гостей собирала;

И убраны были чертоги пировъ
Еленей рогами;
И въ память отцамъ
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцовъ устремляя:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ;
Мечи ихъ зубчаты;
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительскіи домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣи депницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенъе вливалъ;
Потока журчанье—
Пріятность рѣчей;
Какъ роза, дыханье;
Душа же прекраснѣи и прелестей въ ней.

Гремѣла красую
Минвана и въ ближнихъ и въ дальнихъ
Въ Морвену толюю [краяхъ;

Стекалися витязи, славны въ бояхъ;
И дочерью гордился
Предъ ними отецъ...
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Армяннѣи-пѣвецъ!

Младой и прекраснѣи,
Какъ свѣжая роза-утѣха долигъ,
Пѣвецъ сладкогласный...
Но родомъ не знатный, не княжескѣи сынъ:
Минвана забыла
О саяѣ своемъ,
И сердцемъ любила,

Невинная, сердце невинное въ немъ.—
На темны своды

Багрянымъ щитомъ поватилаъ луна;
И озера воды

Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ замка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ
Огромны тѣней

Легли великаны по гладкимъ водамаъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ—

Свидѣтелемаъ тайныхъ свиданья часовъ—
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,

И въ страхѣ тайла дыханье она!

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.
Все было снокойно,

Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердець:
Прохлада и пѣга,
Мерцанье луны,
И ропоть у брега

Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.

«Какъ быстрыя воды
Потокъ свой ліють—
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ!»

— Что жъ сердце уныло?

Пусть воды лиются, пусть годы бѣгутъ;
 О, вѣрный! о, милой!
 Съ любовію годы и жизнь унесутъ! —
 «Минвана, Минвана,
 Я бѣдный пѣвецъ;
 Ты жъ царскаго сана,
 И предками славенъ твой гордый отецъ!»
 — Что въ славѣ и санѣ?
 Любовь—мой высокій, мой царскій вѣнецъ!
 О милый, Минванѣ
 Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ!
 Зачѣмъ же уныло
 На радость глядишь?
 Все близко, что мило;
 Оставимъ годамъ за годами летѣть! —
 «Минутная сладость
 Веселаго *смыслъ*, помедли, постой!
 Кто скажетъ, что радость
 Навѣкъ не умчится съ грядущей зарей!
 Проглянешь денница —
 Блажелству конецъ;
 Опять ты царица,
 Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ!»
 — Пускай возвратится
 Веселое утро, сияніе дни;
 Зарей озарится
 Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня!
 Лишь царскимъ уборомъ
 Я буду съ толпой;
 А мыслю, взоромъ
 И сердцемъ, и жизнью, о милый, съ тобой! —
 «Прости! ужъ блѣднѣеть
 Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
 Ужъ утренній вѣтъ
 Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ!»
 — О, нѣтъ! то зарница
 Блеститъ въ облакахъ;
 Не скоро денница!
 И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ! —
 «Ужъ въ замкѣ проснулись!
 Миѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ!»
 — О, нѣтъ! вострепунулись
 Дремавшія иташки на вѣтвяхъ кустовъ! —
 «Заря ужъ багряна!»
 — О, милый, постой! —
 «Минвана! Минвана!
 Почто жъ замираетъ такъ сердце тоской?»

И арфу упылой
 Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:
 «Будь, арфа, для милой
 Залогомъ прекрасныхъ минушаго дней!
 И сладкіе звуки
 Любви не забудь;
 Улада разлуки
 И вѣстникъ душѣ неизмѣнныя будь!»
 «Когда же мой юный,
 Убитый печалію, цвѣтъ опадетъ, —
 О, вѣрныя струны!
 Въ васъ съ прежней любовью душа не-
 Какъ прежде, взыграетъ [рейдеть!
 Веселіе въ васъ,
 И другъ мой узнаетъ
 Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.
 «И думай, ихъ пѣнью
 Внимая вечерней, Минвана, порой,
 Что легкою тѣнью,
 Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
 Что прежнія муки:
 Превратности страхъ,
 Томленье разлуки, —
 Всѣ съ трепетной жизнью онъ бросилъ
 во прахъ!»
 «Что, жизнь переживши,
 Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
 Что робко любившій
 Безъ робости любить и болѣе твой!
 А ты, дубъ вѣтвистый,
 Ее осѣняй;
 И, вѣтеръ душистый,
 На грудь молодую дышать прилетай!»
 Умолекъ — и съ прелестной
 Задумчивыхъ долго очей не сводилъ...
 Какъ бы неизвѣстный
 Вънемъ голосъ: *навски прости!* говорилъ.
 Горячей рукою
 Ей руку пожалъ,
 И, тихой стопою
 Отъ ней удался, какъ призракъ, пропагъ!...
 Луна возсіяла...
 Минвана у древа... но гдѣ же пѣвецъ?
 Увы! предугнала
 Душа, унывая, что счастьемъ конецъ!
 Молва о свиданьѣ
 Достигла отца....

И мчѣтъ ужь въ изгнанье
Ладья черезъ море младаго пѣвца.

И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана грустить.
Уныло съ Минваной

Одинъ лишь нагорный потокъ говорить;
Все пусто; день ясный
Взойдетъ и зайдетъ —
Пѣвецъ сладкогласный

Минваны подь древомъ свиданья не ждеть!

Прохладю дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ шу-
И вѣтви колыхетъ, [мѣтъ,

И арфу лобзасть.... по арфа молчить....
Творенія радость,
Настала весна —

И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земли убрала!

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерьющій день;
На землю съ молчаньемъ

Сходила почная, росстая тѣнь;
Ужъ снѣге своды
Блестали въ звѣздахъ;

Сравнилися воды;
И вѣтеръ улегся на снѣжныхъ листьяхъ.

Сидѣла уныло
Минвана у древа.... душой вдалекѣ!..
И тихо все было....

Вдругъ.... къ пламенной что-то коснулось
И что-то шатнуло [щекѣ;
Безъ вѣтра листья;
И что-то прильнуло

Бъ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ вы-
соты!..

И вдругъ.... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ;
И тише дыханья

Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!...

Земля опустѣла, и милаго нѣтъ!

Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобнѣй звуки

Надъ ней застепали въ смятенныхъ стру-
Когда жь возвратила [шахъ
Дыханье опа,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина!..

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечерь, ходила на холмъ,
И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жлзнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ —
И мнилъсь ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

«О, милыя струны,
Играйте, играйте.... мой часъ недалекъ!
Ужъ клонится юный
Главой педоцвѣтней ко праху цвѣтокъ!
И странникъ унылый
Завтра придетъ,
И спроситъ: гдѣ милый
Цвѣтокъ мой?... и болѣ цвѣтка не пайдетъ!»

И нѣтъ ужь Минваны!..
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей —
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣш....
И дубъ шевелится, и струны звучатъ!

А Б Б А Д О П А.

[изъ клонятока].

Сумрачень, тихъ, одипокъ на ступеняхъ
подземнаго тропа
Зрѣлся отъ вѣхъ удалель серафимъ Абба-
допа. Печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувнемъ: грозно
вдали передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тяжкія, тайны
скорби, являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна.
Онъ вспомнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный,
былъ другъ Абділла,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день воз-
мущенья предъ Богомъ:

Къ трону Владыки одинъ Абділѣ, пе-
 прельщенъ, возвратился.
 Другомъ влекомый, ужъ былъ далеко отъ
 враговъ Аббадона;
 Вдругъ сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ,
 гремя и блистая;
 Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ
 грянуло небо;
 Съ шумомъ помчался рати мечтой боже-
 ства упоенныхъ—
 Ахъ! Аббадона, бурей безумцевъ отъ друга
 оторвалъ,
 Мчится, не внемля прискорбной, грозной
 любви Абділа;
 Тьмой божества отуманенный, взоромъ
 молящихъ не видитъ!
 Другъ позабытъ; въ торжествѣ къ полкамъ
 сатаны онъ примчался.
 Мрачель, въ себя погруженъ, пробѣгалъ
 онъ въ мысляхъ всю повѣсть
 Пречней, невпниная младости; мыслилъ объ
 утрѣ созданья!
 Вкушъ и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель.
 Въ восторгъ рожденя
 Все вопрошали другъ друга: скажи, сера-
 фимъ, братъ небесный,
 Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно ль
 существуешь и зрѣлъ ли
 Прежде меня? О! повѣдай, что мыслишь?
 Намъ вмѣстѣ безсмертье!
 Вдругъ изъ дали свѣтозарной на нихъ
 благодатью слѣзла
 Божія слава; узрѣли все небо, шумящее
 сонмомъ
 Новосозданныхъ для жизни; къ Вѣчному
 облаку свѣта
 Ихъ вознесло, и, завидѣвъ Творца, воз-
 гласили: Создатель!..
 Мысли о прошломъ тѣснились въ душѣ
 Аббадоны, и слезы,
 Горькія слезы бѣжали потокомъ по впалямъ
 лаптямъ.
 Съ трепетомъ внялъ онъ хвалы сатаны
 и воздвигся нахмуренъ;
 Тяжко вздохнулъ онъ трикраты—такъ въ
 битвѣ кровавой другъ друга
 Братья сразившіе тяжело въ томленѣхъ
 копчины вздыхаютъ—

Мрачнымъ взоромъ окипнувъ совѣтъ сатаны,
 онъ воскликнулъ:
 Вудъ на меня вся неостовыхъ злоба—
 вѣщать вамъ дерзаю!
 Такъ! я дерзаю вѣщать вамъ, чтобъ Вѣчнаго
 судъ не сразилъ насъ
 Равною казню! Горе тебѣ, сатана-воз-
 мутитель!
 Я ненавижу тебя! ненавижу, убійца! Вовѣки
 Требуи Онъ, нашъ Судя, отъ тебя раз-
 вращенныхъ тобою,
 Нѣкогда чистыхъ послѣдниковъ славы! Да
 вѣчно: горе!
 Грозно гремитъ на тебя въ семь совѣтъ
 духовъ погубленныхъ!
 Горе тебѣ, сатана! Я въ безумствѣ твоёмъ
 не участникъ!
 Нѣтъ! не участникъ въ твоихъ замыс-
 леньяхъ возстать на Мессію!
 Бога-Мессію сразить!... О, ничтожный! о
 комъ говоришь ты?
 Онъ Всемогущій! а ты пресмыкаешься въ
 прахѣ, безсильный
 Гордый невольникъ... Пошлетъ ли смерт-
 ному Богъ искупленье,
 Тлѣна ль оковы расторгнуть помыслишь—
 тебѣ ль съ Нимъ бороться!
 Ты ль растерзаешь безсмертное тѣло Мессію?
 Забылъ ли,
 Кто Онъ? Не ты ль опаленъ всемогущими
 громами гнѣва?
 Иль на челя твою мало ужасныхъ слѣ-
 довъ отверженья?
 Иль Вседержитель добычею будетъ безум-
 ства безсильныхъ?
 Мы, заманившіе въ смерть чловѣка....
 О, горе мнѣ, горе!
 Я вашъ сообщникъ!... Дерзнемъ ли воз-
 стать на Подателя жизни?
 Сына Его громовержца хотимъ умертвить!
 о, безумство!
 Сами хотимъ въ слѣпотѣ истребить ко
 спасенію дорогу!
 Нѣкогда духи блаженные, сами навѣли
 надежду
 Пречнаго счастья, мукъ утоленія мчимся
 разрушить!
 Знай же, сколь вѣрно, что мы оиущаемъ
 съ сугубымъ страдаемъ

Муку паденья, когда ты въ сей безднѣ
изгнанья и ночи
Гордо о славѣ твердишь намъ; столь вѣрно
и то, что сраженный
Ты со стыдомъ на челѣ отъ Мессіа въ
въ свой адъ возвратишься.»
Вѣшенъ, кипи нетерпѣньемъ, внималъ
сатана Аббадонѣ;
Хочетъ съ престола въ него онъ ударить
огромной скалою—
Гнѣвъ обезопасилъ подъятую грозно съ
камнемъ десницу!
Топнулъ яряся ногой и трикратно отъ
бѣшенства вздрогнулъ;
Молча воздвигшись, трикратно сверкнулъ
онъ въ глаза Аббадоны
Пламеннымъ взоромъ, и взоръ былъ отъ
бѣшенства ярокъ и мраченъ;
Но презирать былъ не властенъ. Ему
предстоялъ Аббадона,
Тихій, безстрашный, съ унылымъ лицомъ.
Вдругъ восприянулъ свирѣпый
Адрамелехъ, Божества, сатаны и людей
ненавистникъ.
«Въ вихряхъ и буряхъ тебѣ я хочу отвѣ-
чать, малодушный!
Гряну грозою отвѣтъ! — сказалъ онъ. —
Ты ли ругаться
Смѣешь богами? Ты ли, презрѣннѣйшій
въ сонмѣ безплотныхъ,
Въ прахѣ своемъ сатану и мени оскорблять
замышляешь?
Идѣть тебѣ казни! казнь твоя—мыслей
безсильныхъ ничтожность.
Рабъ, удалецъ! удалецъ, малодушный! прочь
отъ могущихъ!
Прочь отъ жилища царей! исчезай непри-
мѣтный въ пучинѣ!
Тамъ да создастъ тебѣ царство мученія
твоей Вседержитель!
Тамъ проклинай безкопечность! или, ничтож-
ности алчный,
Въ низкомъ беземіи рабски предъ небомъ
глухимъ пресмыкайся!
Ты же, отважный! среди самаго неба на-
рекнись Богомъ!
Грозно въ книжныи гнѣва на брань по-
летѣвшій съ Могущимъ!

Ты, обреченный въ грядущемъ иссмѣтныхъ
міровъ повелитель,
О, сатана, полетимъ! да узрять насъ въ
могущество думи!
Да поразить ихъ, какъ буря, помысловъ
нашихъ отважность!
Всѣ лабиринты коварства предъ нами: пути
ихъ мы знаемъ;
Въ мракъ ихъ смерти! не найдетъ Онъ
изъ бѣдственной тьмы ихъ исхода!
Если жъ, наставленный небомъ, разрушить
Онъ хитрые ковы—
Пламенны бури пошлемъ, и Его не минуешь
погибель.
Горе, земля! мы грядемъ, ополченные
смертью и адомъ!
Горе безумнымъ, кто насъ отразитъ на
землѣ возмечаетъ!»
Адрамелехъ замолчалъ, и смутилось, какъ
бури, собранье.
Страшно отъ топота ногъ ихъ вся бездна
дрожала; какъ будто
Съ громомъ утесъ за утесомъ валился; съ
клинкомъ и воємъ,
Гордые славою грядущихъ побѣдъ, всѣ
воздвигаясь; дикій
Шумъ голосовъ поднялся, и отгрянулъ съ
востока на западъ;
Всѣ заревѣли: погибни, Мессія! Отвѣка
созданье
Столь ненавистнаго дѣла не зрѣло. Съ
Адрамелехомъ
Съ трона пошелъ сатана, и ступени, какъ
мѣдныя горы,
Тяжко подъ ними звенѣли; съ крикомъ,
зовущимъ къ побѣдѣ,
Кинулись смутной толпой во врата раство-
ренныя ада.
Издали, медленно, слѣдомъ за ними, летѣлъ
Аббадона;
Видѣть хотѣлъ онъ конецъ необузданно-
страшнаго дѣла.
Вдругъ, нерѣшимой ступою онъ къ ангеламъ,
стражамъ Эдема,
Робко подходитъ.... Кто же тебѣ предстоить,
Аббадона?
Онъ! Абдиалъ, непреклонный! иль когда другъ
твой.... а иль?...

Взоры потупивъ, вздохнулъ Аббадона. То
удалиться,
То подойти онъ желаетъ; то въ сиротствѣ,
безнадежный,
Огнь въ безпредѣльное броситься хочетъ.
Долго стоялъ онъ,
Трепетень, грустенъ; вдругъ, ободрясь,
приступилъ къ Абділу;
Сильно билось въ немъ сердце; тихія слезы
катились,
Ангеламъ токмо знакомыя слезы, по блѣд-
нымъ ланитамъ;
Тяжкими столами грудь воздымалась;
медленный трепеть,
Смертнымъ и въ самомъ бореньи съ концомъ
неиспытанный, мучилъ
Въ робкомъ его приближеньи.... Но, ахъ!
Абділовы взоры,
Ясны и тихи, неотвратно смотрѣли на
славу
Вѣчнаго Бога; его жъ Абділъ не замѣтилъ.
Какъ прелесть
Перваго утра, какъ младость первой весны
мірозданья,
Такъ серафимъ блистала, но блистала онъ
не для Аббадоны.
Онъ отлетѣлъ, и одинъ, посреди опустѣв-
шаго неба,
Такъ невидимымъ гласомъ зывалъ
издали къ Абділу:
«О, Абділъ! мой братъ! иль навѣки меня
ты отринулъ?
Такъ! навѣки я розно съ возлюбленнымъ...
страшная вѣчность!
Плачь обо мнѣ, все твореніе! плачьте вы,
первенцы свѣта!
Онъ не возлюбитъ уже никогда Аббадоны!
о, плачьте!
Вѣчно не быть мнѣ любимымъ; увяните
вы, тайныя сѣви,
Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ нѣжно
сливались!
Вы, потоки небесъ, близъ которыхъ, сладко
объемлясь,
Мы воспѣвали чистою пѣнію Вожію славу,
Ахъ! замолчите, всякните! нѣтъ для меня
Абділа!
Нѣтъ! и навѣки не будетъ! Адъ мой,
жилище мученья,

Вѣчная ночь, унывайте вмѣстѣ со мною!
навѣки
Нѣтъ Абділа! вѣчно мнѣ милого брата
не будетъ!»
Такъ тосковалъ Аббадона, стоя передъ
выходомъ въ созданье.
Строимъ катилися звѣзды. Блескъ и кры-
латые громы
Ветрѣчу ему Оріоновъ летящихъ его устра-
швили;
Цѣлые вѣки не зрѣлъ онъ, тоской оди-
нокой томимый,
Свѣтлыхъ міровъ; погруженъ въ созерцанье,
печально сказалъ онъ:
«Сладостный входъ въ небеса, для чего
загражденъ Аббадонъ?
О! для чего не могу я опять залетѣть
на отчизну,
Къ свѣтлымъ мірамъ Вседержителя, вѣчно
покинуть
Область изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя
чада созданья!
Въ оный торжественный часъ, какъ, бли-
стая, изъ мощной десницы
Вы полетѣли по юному небу — я былъ
вашъ прекраснѣй!
Нынѣ стою, помраченный, отверженный,
спрый изгнанникъ,
Грустный, среди красоты мірозданья. О,
небо родное!
Видя тебя, содрогаюсь: тамъ потерялъ я
блаженство!
Тамъ, отказавшись отъ Бога, сталъ грѣш-
никъ! О, миръ непорочный,
Милый товарищъ мой въ свѣтлой долині
спокойствія, гдѣ ты?
Тщетно! одно лишь смятенье при видѣ
небесныя славы
Мнѣ Судія отъ блаженства оставилъ —
печальный остатокъ!
Ахъ! для чего я къ нему не дерзну воз-
гласить: мой Создатель!
Радостно бѣ нѣжное имя Отца уступилъ
непорочнымъ;
Пусть неизгнанные въ чистомъ восторгѣ:
Отецъ! восклицаютъ.
О, Судія неперклонный! преступникъ мо-
литъ не дерзаетъ,

Чтобь хоть единымъ Ты взоромъ его по-
сѣтишь въ сей пучинѣ!
Мрачныя, полныя ужаса, мысли, и ты,
безнадежность,
Грозный мучитель, свирѣпствуй!... Почто
я живу? О ничтожность!
Или тебя не узать?... Проклинаю сей
день несчастный.
Зрѣвшій Создателя въ шестви свѣтломъ
съ предѣловъ востока,
Слышавшій слово Создателя: буди! слы-
шавшій голосъ
Новыхъ безмертныхъ, вѣщавшихъ: и братъ
нашъ возлюбленный созданъ!
Вѣчность! почто родила ты сей день?
Почто онъ былъ ясенъ,
Мрачностью не былъ той ночи подобенъ,
которою Вѣчный,
Въ гнѣвѣ своемъ неказанномъ, Себя
облекаетъ? Почто онъ
Не былъ, проклятый Создателемъ, весь
обнаженъ отъ созданій?...
Что говорю?... О худитель! Кого предъ
очами созданья
Ты порицася? Вы, солнцы, меня онадите!
вы, звѣзды,
Гряньтесь ко мнѣ на главу, и укройте
меня отъ престола
Вѣчныя правды и мщенья! О, Ты, Судя
непреклонный,
Или надежды вѣчность Твоя для меня не
скрываешь?
О, Судя! Ты Создатель! Отецъ!.. что ска-
заль я, безумецъ!
Мнѣ ль призывать Іегову, Его нарицать
именами,
Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ
одинъ Примиритель!
Ахъ! улетимъ; ужъ воздвиглись, Его все-
могущіе громы
Страшно ударить въ меня... улетимъ!..
но куда?... гдѣ отрада?
Быстро ударяся онъ въ глубину без-
предѣльныя бездны...
Громко кричалъ онъ: сожги, уничтожь
меня, огонь-разрушитель!
Крикъ въ безпредѣльномъ исчезъ... и огонь
не притѣлъ разрушитель!

Смутный онъ снова помчался къ мірамъ,
и приникъ утомленный
Къ повому пышно-блестящему солнцу. От-
толкъ на бездны
Скорбно смотрѣлъ онъ. Тамъ звѣзды ки-
пѣли, какъ свѣтлое море;
Вдругъ налетѣла на солнце заблудшая въ
безднѣ планета!
Чась ей настала разрушенья... она ужъ
дымилась и рѣла...
Къ ней полетѣвъ Аббадона, разрушиться
вкупѣ надѣясь...
Дымомъ она разлетѣлась, но, ахъ!.. не
погибъ Аббадона!

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Когда летице отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовутъ:
Великій!
Что скажетъ лирою незнаемый вѣнецъ?
Дерзнетъ ли свой лпстокъ онъ въ тотъ
влести вѣнецъ,
Который для тебя вселенная сплетаетъ?...
О, Русскій Царь, прости! невольно увлекаетъ
Могучая рука меня къ мольбѣ въ тотъ
храмъ,
Гдѣ благодарностью вознесенный ѳиміамъ
Стеклися въ даръ привести тебѣ народы
міра—
И, радости полна, сама играетъ лира!
Кто славныхъ дѣлъ твоихъ постигнетъ
красоту?
Съ благоговѣніемъ смотрю на высоту,
Которой ты достигъ по тернямъ испытанья!..
Когда, исполнены любви и упованья,
Мы шумною толпой тотъ окружали храмъ,
Гдѣ, вѣривъ быть царемъ клянясь Творцу
и намъ,
Ты клалъ на страшный крестъ державную
десницу,
И плечи юныя склопявъ подъ багряницу—
Скажи, въ сей важный часъ гдѣ мысль
твоя была?
Скажи, когда вѣнецъ рука твоя брала,
Что мыслилъ ты, вблизи посылавъ клики
славы,
А въ отдаленіи внимая, какъ державы

Ищровергала, врагъ земныхъ народовъ,
 Какъ троны падали подъ хищникову длань?
 Уже ль при слухъ семь душой не воз-
 мутился?
 Нѣтъ! выше бурь земныхъ ты ея вознослся,
 Очами твердыми сей ужасъ пронизалъ,
 И въ сердцѣ Промысла судьбу свою читалъ!
 Смирешю приступивъ къ сосуду при-
 миренья,
 Въ себѣ весь свой народъ ты въ руку
 Провидѣнья
 Съ спокойной на Него надеждой положишь—
 И Соприсутственный тебя благословящъ!
 Когда жъ священный храмъ при громахъ
 растворился—
 О! сколь плашнтеленъ ты намъ тогда явился,
 Съ младымъ, всѣхъ благостей неполнен-
 нымъ, лицомъ.
 Подъ прародательскимъ сіяющій вѣщомъ,
 Намъ обреченный вождь ко счастью и славъ!
 Казалось, къ пламенной въ рукѣ твоей
 державъ
 Тогда весь твой народъ сердцами полетѣлъ;
 Казалось, въ ней обѣтъ души твоей горѣлъ,
 Съ которымъ ты за насъ передъ алтарь
 явился—
 О, царь! благодаримъ! обѣтъ сей совершлся!..
 И Призванный тобой тебѣ не измѣнилъ.
 Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
 Онъ свѣтозарную печать благотворенья!
 Испосылаемый Имъ ангелъ разрушенья
 Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
 Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена—
 И, обповѣнныя, пышиѣ расцвѣтаютъ!
 Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ воз-
 рождаютъ!
 Давно ль одряхлѣвшій міръ мы зрѣли въ
 мертвомъ спѣ?
 Тамъ, въ проризающей падежь тишинѣ,
 Стояли царствія, какъ зданья обветшалы;
 Къ дремотѣ преклоны главы свои устали,
 Цари сей грозный сонъ считали за покой;
 И невнимательны, съ безпечной сѣнотой,
 Въ любви къ отечеству, ко славъ, къ вѣрѣ
 хладны,
 Длѣнь къ наслажденіямъ одной минуты
 жадны.

Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ
 тѣнь,
 Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій
 Народыликовать етекалися толпамъ!.. [сѣнь,
 И первый Дилій тронъ у галловъ надъ
 главами
 Выпылалъ, разверзнувшись, какъ гибель-
 ный вулканъ!
 Съ его дымящихся развалинъ великанъ,
 Питомецъ ужасовъ, безвластія и брани,
 Воздвигся, положилъ на скипетръ тяжки
 длани,
 И взорами на міръ ужасно засверкалъ—
 И предъ страннлицемъ весь міръ затре-
 петалъ!
 Сказавъ: нѣтъ Промысла! гигантскою стопою
 Шагнулъ съ престола онъ, и слѣдомъ за
 звѣздою
 Помчался по землѣ во блескъ и громахъ!
 И Промыселъ, утаясь, послалъ къ нему
 свой *страхъ!*
 Онъ тѣнью грозною вездѣ летѣлъ съ шмъ
 ридомъ!
 И раздробляющій полки и грады взглядомъ,
 Огромною рукой ту бездну покрывавъ,
 Къ которой гордаго путемъ усѣха мчалъ!
 Непобѣдимости мечтою ослѣпленный,
 Онъ мыслилъ: «мой престолъ престоломъ
 будь вселенны;
 Порфиры всѣхъ царей земныхъ я раздеру
 И всѣ ихъ скипетры въ одной рукѣ сберу;
 Народовъ бѣдствія — ступени мнѣ ко
 счастью;
 Все, все въ развалины! на нихъ возсяду
 съ властью;
 И буду царствовать, и мнѣ содартствуй
 страхъ!
 Исчезни все опять, когда я буду прахъ,
 Что изъ развалинъ брань и власть со-
 орудила—
 Безсмертною моя останется могилла!»
 И къ человечеству презрѣншемъ оноачепъ,
 На первый свой народъ онъ двинулъ раб-
 ства плѣтъ,
 Чтобы смѣлѣй сковать чужимъ народамъ
 длани—
 И стала Галлія сокровищницей брани!
 Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, взы-
 вало: брань!

Все, работѣствуя мечтамъ тирана, дань
 Къ его ужасному престолу приносил!
 Орадай, на бразды склоняя взоръ унылой,
 Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
 Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ;
 И мздой свою постель страдаше выкунал!
 И безопадною косою подѣскало
 Самовластительство прекрасный цвѣтъ
 людей;
 Чудовище, склоняся на колыбель дѣтей,
 Считало годы ихъ кровавыми перетамн;
 Сыны въ дому отцовъ минутными гостями
 Являлись, чтобы тамъ оставить скорби
 слѣдъ—
 И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ!
 Все поколѣніе, для жатвы бранной зрѣя,
 И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
 Невольно подвиговъ плѣнилось мечтой
 И бросилось на брань съ отважной сѣбною!..
 И велѣдъ ему всякъ часть за ратью рать
 летѣла!
 Стенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
 И, хитростью подрывъ, взмѣной потрясенъ,
 Добытый громами, за трономъ надалъ тронъ.
 Но нимъ свободы врагъ отважною стеною
 За всемогуществомъ шагаль отъ боя къ бою.
 Отъ Ренскихъ твердынь до Нѣмана валовъ,
 Отъ Сциллы древнія до Бельта береговъ
 Одна ужасная простерлася могила!
 Все смолкло... мрачная, съ кровавымъ
 взоромъ, сила
 На груди падшихъ царетвъ возсѣла, стражъ
 царей!
 Предъ симъ страшилищемъ и доблесть
 прежнихъ дней,
 И къ просвѣщенью жаръ, и помышленья
 славы,
 И непорочные семей смиренныхъ нравы,
 Пгибло все—окрестъ одинъ лишь стукъ
 оковъ
 Смущагъ угрюмое молчаніе гробовъ,
 Да ратей изрѣдка шумѣли переходы,
 Снѣжащихъ истребить еще ирютъ свободы!
 Унылость на сердца народовъ налегла—
 Лишь вѣра въ тишигъ звѣзды своей ждала,
 Съ святымъ терпѣніемъ тяжелый крестъ
 лобзала
 И взоры на востокъ съ надеждой обращала...

И грозно возблистала спасенія страншій
 годъ!
 За сей могилою народовъ, цвѣлъ народъ—
 О, царь нашъ! твой народъ! — могучій и
 смиренный,
 Не крѣпостью твердынь громовыхъ огра-
 жденный,
 Но вѣрностью къ царю и въ славу тишиной!
 Какъ юноша-атлетъ, всегда готовый въ бой,
 Смотрѣлъ на брани онъ съ безпечною
 силы...
 Такъ, юныя поджавъ, по опытнымъ крылы,
 На поднебесную глядитъ съ гнѣзда орель...
 И злобой на него губитель закнижъ!
 Въ несмѣтну рать столпя рабовъ жесто-
 ченныхъ,
 И на поляхъ, стопою врага не оскверненныхъ,
 Ужъ въ мысляхъ егромоздивъ престоль
 всемирный своей,
 Опъ кинулся на Русь свирѣпою войною...
 О, Провидѣніе! Твоя Россія вела,
 Твой ангелъ полетѣлъ, и брань твою
 венчала!
 Кто, кто изобразить безсмертный опый
 часть,
 Когда, въ молчаніи народномъ, царскій
 гласъ
 Послышался, какъ вѣсть надежды и спа-
 сенія?
 О, гласъ царя! о, честь народа! пламень
 мщенія
 Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ серд-
 цамъ!
 Все бранью вспыхнуло! все кинулось къ
 мечамъ!
 И грозно въ бой пошла съ насиліемъ
 свобода!
 Тогда явилось все величіе народа,
 Спасающаго тронъ и святость алтарей,
 И тихій гробъ отцовъ, и колыбель дѣтей,
 И старцевъ сѣдины, и младость дѣвъ
 цвѣтущихъ,
 И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ
 грядущихъ.
 Все въ пепель передъ нимъ! разлей по-
 жары, мечь!
 Стѣною рать! что шагъ, то бой! что бой,
 то честь!
 Предъ нимъ развалины и пепельныи пустыни;

Кругомъ пустынь полки, и грозныя твер-
дныи,
Вездѣ ревущія погибельной грозой —
И старецъ-вождь средь нихъ съ невиди-
мой судьбой!...
Холмы Бородина, дымитесь жертвой славы!...
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Таша по гибельнымъ отметителямъ слѣдамъ,
Грядеть, грядеть слѣпецъ, Москва, къ
твоимъ стѣнамъ!
О радость!... онъ вступилъ!... зажгись,
костеръ свободы!
Илаеть!... цѣпи въ прахъ! воскресните,
народы!
Вашъ стыдъ и плѣнь Москва, обрушась,
погребла,
И въ пещѣ мщенія свобода ожила!
И при сверканіи кремлевскаго пожара,
Съ развалинъ вставшая, призракъ ужас-
ный, *кари*
Пошла по трепетнымъ губителямъ полкамъ,
И, ужасъ пригвоздивъ къ надменнымъ
знаменамъ,
Надъ ними жалобно завывла: горе! горе!
И *ладь*, при кликѣ семъ, съ отчаяньемъ
во взорѣ,
Свирѣпый, бросился на ратныхъ и вождей...
Тогда помчались вепять; и грудами костей,
И брошенными въ прахъ потухшими гро-
мами
Означили своей слѣдъ предъ русскими пол-
ками;
И Нѣманъ льдистый мостъ для бѣгства
ихъ сковалъ!...
Сколь намъ величественъ ты, царь, тогда
предсталъ,
Сжимающій вождю, въ виду полковъ,
десницу,
И старца на свою ведущій колесницу,
Чтобъ вкупѣ съ нимъ летѣть съ от-
мщеньемъ велѣдъ врагамъ.
О, незабвенный часъ! За Нѣманъ знаменамъ
Ужъ отверзашь путь властительной ру-
кою...
Когда же двинулись дружины предъ Тобою,
Когда раздался стукъ помчавшихся громадъ.
И грозно брегъ покрылъ копей и ратныхъ
Пріосѣяемыхъ парящими орлами... [рядъ,
Сіе величіе окинувши очами,

Что опуталъ, нашъ царь, тогда въ душѣ
своей?
Передъ тобою міръ подъ бременемъ цѣпей
Лежалъ, растерзанный, еще звать не
смѣя;
И челоѣчество, изъ-подъ стопы злодѣя
Къ тебѣ подьсмля взоръ, молило пмъ: гряди!
И судія царей, потомство впереди
Вѣщало, сквозь вѣка явивъ свой ликъ
священный:
«Дерзай! и нареку тебя: Благословенный!»
И въ грозный между тѣмъ полки сляян-
ны строй,
На все готовые, съ покорной тишиной,
На твой смотрѣли взоръ и ждали маповенья.
А ты?... Ты отъ Небесъ молилъ благо-
словенья...
И ангелъ ихъ, гремя, на щитъ твой низ-
летѣвъ,
И гибелью врагамъ твой щитъ запламенѣлъ,
И руку ты простеръ... и двинулися рати!
Какъ къ возбѣстителю небесной благодати,
Во срѣтенъе тебѣ народы потекли,
И вайями твой путь смиренный облекли.
Привѣтственной толпой подвиглись вси,
грады;
Къ тебѣ желанія, къ тебѣ сердца и взгляды!
Тебѣ несетъ дары отъ нивы селянниги;
Зря бодрога тебя впреди твоихъ дружини,
Къ мечу отъ костыля безногий воинъ рвется,
Младая старикъ во грудь надежда зѣтается:
«Свободенъ, мнить, сойду въ свободный
гробъ отцовъ!»
И смотреть, не страшась, на зрѣющихъ
сыновъ.
И ты ередъ плесковъ сихъ — не гордый
побѣдитель,
Но воли Промысла смиренный соверши-
тель —
Шельтихій, благостью великость украшалъ,
Влескъ утѣшительный окрестъ тебѣ сіялъ,
И ликъ твой ясенъ былъ, какъ ясный
ликъ надежды!
И вождь нашъ смертію окованныя вѣжды
Подъялъ съ успіемъ, чтобы на славный
путь,
Въ который ты вступалъ уже не съ нимъ,
взглянуть,
И угасая дать царю благословенье!

Сколь сладостно его съ землею разлученье!
 Когда, въ послѣдній часъ, онъ рать тебѣ
 И ослабѣвшею рукою прижималъ [вручалъ,
 Къ пѣвѣющей груди царя и друга руку —
 О! въ сей великій часъ забылъ онъ смерти

Предъ нимъ былъ тайный свѣтъ грядущаго
 открытъ;

Онъ весело приникъ съдинами на щитъ,
 И смерть его крыломъ надежды осѣнила.
 И чуждый вождь — увь! судьба его падила,
 Чтобъ первой жертвой онъ на битвѣ прав-

Нашъ царь, узнавъ тебя, на смерть онъ
 не роигалъ;

Ты руку надшему, какъ братъ, простеръ
 средѣ боя,

И сердцу вѣрному вѣнчаннаго героя —
 Смягчившаго слезой его съ концомъ
 борьбу —

Онъ смѣло завѣщаль отечества судьбу!..
 И лишь горъ взлетѣлъ орелъ нашъ двос-

Линь крикнулъ голосомъ давно молчавшей
 славы —

Какъ всколебались тевтоновъ племена!
 Къ нимъ германъ съ хорда цесъ свободы
 знамена —

И все помчалось въ строй подъ знамена
 свободы,

Въ одну саялись грудь воскресіе народы,
 И вѣхъ царей рука, нашъ царь, въ рукѣ
 твоей

На жизнь, на смерть, на бралъ, на честь
 грядущихъ дней.

О, славный Кульмскій бой! о, доблесть
 славянина!

Вотще на нихъ рвался вѣ рати неполина,
 Вотще за громомъ громъ на строй ихъ
 налеталъ —

Все опрокинуто! — и русскій устоялъ!..
 И строемъ роковымъ отмстителей дружны

Ужь приближаются къ святящцу судьбины;
 Ужь видятъ тотъ рубежъ, ту цѣль, къ
 которой вель

Ихъ неслытапный по темной безднѣ золь,
 Въ пылающей грозѣ носясь надъ ихъ главою

И тяжелой опыта ихъ бремя рукою.

Се мѣсто, гдѣ Себя во правдѣ Онъ явить;
 Се то судилище, гдѣ мигъ одинъ рѣшить:
 Не быть, нль быть царямъ; возетать, нль
 пасть вселенной!..

И все въ собраніи... о, часть, вѣкамъ
 священной!..

Народы вѣхъ племенъ и вѣхъ племенъ
 Подъ сѣнію знаменъ святые алтари, [цари,
 Несмѣтный рядъ полковъ, вожди передъ
 полками,

И громы впереди съ поднятыми крылами,
 И на холмѣ, въ брошѣ, на грозный щитъ
 склонены,

Союза метителей младой Агамемнонъ,
 И тѣни вѣхъ вѣковъ внимательной толпою

Надъ свѣтозарною вожди царей главою...
 И въ ожиданіи священномъ все молчить...

И тихо мгла еще на небѣ томъ лежить,
 Отколъ съ грядущимъ днемъ изыдетъ Вес-

держитель...
 И загорѣлся день... Богъ грянулъ... нль
 губитель!

Вѣгутъ — во прахъ и громъ, и шлемъ, и
 мечъ, и щитъ!

Виреди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ
страхъ бѣжить

И жадною рукою *побѣда* ихъ хватаетъ!
 И небо тихое торжественно сіяетъ

Надъ преклопенною отмстителей главою!
 Побѣдная хвала летитъ изъ строя въ строй,
 И Рейнь восплескалъ, посылавъ лико-

валья...
 О, старецъ вѣдь! о ты, съ минуты мірозданья

Не зрѣвшій на берегу еще лица славянъ —
 Ликуй! и отражай въ волнахъ славянскій
 станъ!

И погрузился крестъ при громахъ въ
 древни воды!

И Рейнь, обновленъ, потекъ въ брегахъ
 свободы,

И заигралъ на нихъ веселья звонкій рогъ;
 И быстро ворвался полки въ тотъ страш-

ный логъ,
 Гдѣ, кроясь, хищникъ царствъ ковалъ
 нмъ цѣни плѣна.

Вотще, вотще воздвигъ онъ черныя зна-

мена —
 Лишь вѣсть погибели онъ съ ними водру-

Громъ русскій берега Секваны огласилъ —
 И надъ Парижемъ сталъ орелъ Москвы и
 мщенья!...
 Тогда, внезапнаго исполнень изумленья,
 Узрѣлъ величіе невиданное свѣтъ:
 О, Русская земля! спасителемъ грядеть
 Твой царь къ низринувшимъ царей тво-
 ихъ столицу!
 Опъ распростеръ на нихъ пощады багряницу;
 И мирно, славу скрывъ, безъ блеска, безъ
 громовъ,
 По стогнамъ радостнымъ ряды его полковъ
 Идутъ — и тишина востѣдъ имъ прилетаетъ...
 Хвала! хвала, нашъ царь! стыдливо от-
 клоняеть
 Рука твоя побѣдъ торжественный вѣнецъ!
 Ты предстоишь благій семьи враговъ отецъ,
 И первый ихъ съ землей и съ небомъ
 примиритель.
 О, незабвенный день! смотрите — побѣди-
 тель,
 Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ,
 Колѣнопреклонень, на страшномъ мѣстѣ
 томъ,
 Гдѣ царскій мученикъ подъ остріемъ сѣкиры,
 Въ виду разорванной отцовъ своихъ пор-
 фиры,
 Молилъ Всевышняго за бѣдный свой народъ;
 Гдѣ на дымящійся убійствомъ эшафотъ
 Злодѣйство блѣдную свободу возводило
 И Бога поразить своей хулою мило —
 На странномъ мѣстѣ томъ смиренный
 вождь царей
 Предъ миротворною святыней алтарей
 Велишь своимъ полкамъ склонить знамена
 мщенья,
 И жертву небесамъ приносить очищенья.
 Простеранъ въ во прахъ; въ вкупѣ
 слезы льютъ;
 И се!... подымается спасенія сосудъ...
 И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель!
 И побѣжденному лобзанье побѣдитель,
 Какъ братъ по Божеству, въ виду небесъ
 даетъ...
 Свершилось!... освященъ испытанный на-
 родъ,
 И гордо по зыбямъ потекъ отъ Альбіона
 Спасительный корабль, пещуцій кровь
 Бурбона;

Иптомецъ бѣдетвья патронъ отцовъ грядеть,
 И старцу братскую десницу подаетъ
 Побѣдоносный другъ въ залогъ любви мира,
 И Людовикова паброшена порфира
 На преступленія минувшихъ страшныхъ
 дѣтъ!...
 Свершилось... Русскій Царь! отечество и
 свѣтъ
 Уже рекли свой судъ дѣламъ неперече-
 пнымъ,
 И свой дадутъ отвѣтъ потомки современ-
 нымъ!...
 Богатый чувствомъ благу, содѣянныхъ
 тобой,
 И съ неприступною для почестей душой,
 Сяніе сокрывъ, ты въ нуть летинишь же-
 ланный —
 Отчизна сына ждетъ! объ ней средъ бури
 брашней,
 Объ ней среди торжествъ и плексовъ ты
 скорбѣлъ —
 И ты, невидимый, чрезъ земли полетѣлъ,
 Гдѣ во спасеніе твой прѣмчашеъ громы.
 Узкъ всюду заиѣвалъ свободы гласъ зна-
 комый:
 На оживающихъ подъ наугами поляхъ,
 На випоградномъ украшенныхъ холмахъ,
 На градекихъ торжищахъ, кипящихъ отъ
 народа,
 На самомъ прахѣ сель... вездѣ, вездѣ
 свобода,
 Вездѣ обліе, надежда и покой!..
 И все сіе, нашъ царь, дано землѣ тобой!
 Но что жъ ты ощутилъ, когда твой взоръ
 веселый,
 Завидѣлъ вдалекѣ отечески предѣлы,
 И вѣтеръ, вѣющій изъ-подъ родныхъ небесъ,
 Ко слуху твоему гласъ родины принесъ?
 Что ощутилъ, когда святого Петрограда
 Вдали передъ тобой возникнула громада;
 Когда предъ матерью колѣно преклонилъ;
 Когда, свершившій все, ко храму присту-
 шилъ,
 Гдѣ освященный мечъ пріялъ на совершенье,
 Гдѣ негребителя начавшій негребленье,
 Предтеча въ славу твою, герой спасенны
 свить?...
 Россія, опъ грядеть; уже алтарь горитъ,
 Уже его принять отверзлись двери храма

Ужъ благодарное куренье омиама
Съ сердцами за него взлетѣло къ небесамъ!
Иссл.. припикнувшій къ престола ступенямъ
Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ
славу!..

О, Вѣчный! осыни смиреннаго державу;
Его душа чиста: въ ней благодать лишь одна,
Лишь пламенемъ къ добру она воспалена...

Отважною вступать державу, царь, мечтою
Въ чертогъ священный твой, гдѣ ты
одишь съ собою,

Одишь, въ тотъ мирный часъ, когда ле-
житъ покой

Надъ скромнымъ жребіемъ безпечною главою,
Когда лишь бодрствуютъ цари Провидѣнье.
О, царь! въ сей важный часъ—когда Нева

Объемлетъ предъ тобой тотъ усипленный
храмъ,

Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ
оставилъ намъ.

Твой праотецъ, нашъ Петръ, царей
земныхъ учитель—

Я зрю тебя, племень несмѣтныхъ пове-
литель,

Сей окруженнаго всемірной тишиной,
Надъ полвселенною наряцаго душой,

Гдѣ все твое, гдѣ ты надъ всѣхъ судьбою
властень,

Гдѣ ты одишь всѣхъ благъ, одишь всѣхъ
бѣдъ причастень.

Уполномоченный отъ неба судія—
О, сколь божественна въ сей часъ душа твоя!

Сей полный взоръ твоей любви, сей взоръ
воспламененной—

За насъ онъ возведенъ къ Правителю
вселенной;

За насъ ты предстоишь, какъ жертва,
передъ Нимъ!

Отечество, внимаи: «Творецъ, всѣмъ благамъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный—

За власть благотворить, удѣлъ царей
прекрасный,

Склоняю, Царь земли, колѣна предъ тобой,
Везстрашный подъ твоей незримою рукой,
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!..

Покойся, мой народъ, не дремлетъ твой
хранитель;

Такъ, мой народъ! Творецъ, онъ весь къ
На удивленіе народовъ и царей, [душѣ моей;
Его могуществомъ и счастьемъ прославлю,
И тронъ свой алтаремъ любви моему поставлю;
Какъ небо, надъ моею простертое главою,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый
строй,

Такъ стройно будь мое владычество земное.
Правленье Божества зеркало мнѣ святое:
Все здѣсь для блага будь, какъ все для
блага тамъ!

А ты, дарующій и тронъ и власть царямъ,
Ты, на совѣтъ ихъ сѣдницѣй благодатью,
Ознаменуй твоей дѣла мои печатью:

Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ,
Съ примѣромъ благодети и славы передамъ,

Отецъ моей семьи и другъ твоей всеасиный!»...
Вопьми жъ и ты своей семьѣ, Благосло-

венный!

Оставь на время твой великолѣпный
тронъ—

Хвалою невѣрною тронъ царскій окру-
женъ,—

Сокрой свой царскій блескъ, втѣпенись
безъ украшенія

Одишь въ толпу, и тамъ винай благо-
словенія.

Въ чертогъ, въ хижины, вездѣ одишь языкъ;
На праздникахъ семей украшенный твой

ликъ—

Ликующихъ родныхъ родной благотвори-
тель—

Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья
зритель,

И чаша первая, и первый гимнъ тебѣ;
Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,

Что въ твой прекрасный вѣкъ онъ къ
жизни приступаетъ

И славой для него грядущее пыласть;
Старикъ свой взоръ на гробъ боялся

устремить,

И смерть посибшную онъ молить погодить,
Чтобъ жизни лучшій цвѣтъ расцвѣлъ

передъ могилой;

И вопишь, въ тишинѣ, своею гордымъ силой,
Пенатамъ посвятивъ изрубленный свой

лицъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ весельемъ
говорить,

Въ которыхъ зрѣлъ тебя, всегда въ
 кинящей сѣчѣ,
 Всегда подь свистомъ стрѣлъ, вездѣ побѣдъ
 предтечей;
 На лиру съ гордостью подьѣмлетъ взоръ
 пѣвецъ...
 О, дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царя—не
 льстецъ,
 Когда хвала — восторгъ, гласъ лиры —
 гласъ народа,
 Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
 Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
 Все, все слилось въ одно святое слово: царь.
 И кто не закипитъ восторгомъ пѣсноиѣнья,
 Когда и нищета подь кровлею забвенья
 Послѣдній бѣдный лентъ за лпкъ твой
 отдастъ,
 И опъ, какъ другатѣнь, отрадный свѣтъ глеть
 Пѣвчмъ присутвіемъ въ обители стра-
 данья!
 Пусть облечетъ во власть святой обрядъ
 вѣнчанья;
 Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
 Велятъ намъ за царя на жертву жизнь
 принести —
 Огъ поданныхъ царю колѣнопреклоненье!
 Но дань свободная, дань сердца—уваженье;
 Не власти, не вѣщцу, но человѣку дань!
 О, царь, не скипетромъ блистающая длань,
 Не прахомъ праотцовъ дарованная сила
 Тебѣ любовь твоихъ народовъ покорила,
 Но трона красота — великая душа!
 Безмерныя дѣла смиренно соверша,
 Воззри на твой народъ, простертый предъ
 тобою;
 Благослови его державною рукою;
 Тобою предводимъ, со славою перешедъ
 Указанный Творцомъ путь опыта и бѣдъ,
 Преобразованный, исполненъ жизни новой,
 По манію царя, на все, на все готовый—
 Довѣрпность, любовь и благодарность онъ
 Съ надеждой передъ тобой приносить царскій
 тронъ.
 Предстатель за царей народъ у Провидѣнья.
 О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья!
 Повѣрь народу, царь, имъ будешь счаст-
 ливъ ты!
 Ноставившій тебя въ семъ блескъ красоты
 Передъ ужасною погибели вучиной,

Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
 Уже ль на краткій мигъ Опъ намъ тебя
 явилъ?
 О, пѣтъ! Опъ нашихъ золь печатью
 утвердилъ
 Завѣтъ: хранить въ тебѣ все блага, намъ
 священные —
 И не обманетъ насъ отъ вѣка Неизмѣнный!
 Прими жъ въ виду небесъ, свободный
 нашъ обѣтъ:
 За благость царскую, краспѣйшую побѣдъ,
 За то величіе, въ какомъ явилъ ты міру
 Столь древле славную отновъ твоихъ пор-
 фиру,
 За вѣру въ страшный часъ къ народу
 твоему,
 За пмя, данное на все вѣка ему —
 Здѣсь, окружая твой престолъ, Влагосло-
 венпой!
 Подьѣмемъ руку все къ рукѣ твоей
 священной!
 Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
 Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву
 за царя!

МОЛИТВА РУССКАГО НАРОДА.

Боже! Царя храни!
 Славному долги дни
 Дай на земли!
 Гордыхъ смирителю,
 Слабыхъ хранителю,
 Всѣхъ утѣшителю
 Все ископши!

Перводержавицу
 Русь православную
 Боже, храни!
 Царство ей стройное
 Въ силѣ спокойное! —
 Все жъ недостойное
 Прочь отжени!

Воинство бранное,
 Славой избранное,
 Боже, храни!
 Воинамъ мстителямъ,
 Чести спасителямъ,
 Миротворителямъ —
 Долгіе дни!

Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрюю,
Пелищемѣрюю,
Доблестямъ вѣрюю
Ты помини!

О, Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ исполни
Къ благу стремленіе,
Въ счастье смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!

Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ спутникомъ
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная,
Жизнь надбесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

С О ВѢ С Т Ь.

Сколь неизбежна власть твоя,
Гроза преступниковъ, невинныхъ утѣ-
шитель,
О, совѣсть! нашихъ дѣлъ законъ и обви-
Свидѣтель и судья! [шитель,

С М Е Р Т Ь.

То сказано глумомъ и признано глумцами,
Что будто смерть для насъ творить ужас-
нымъ свѣтъ!
Пока на свѣтъ мы, она еще не съ нами;
Когда жъ пришла она, то насъ на свѣтъ
нѣтъ!

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОНЪ?

Законъ—на улицѣ натянутый канатъ,
Чтобъ останавливать прохожихъ средѣ до-
Пля ихъ сворачивать назадъ, [роги,
Или имъ пугать поги!
Но что жъ? Напрасный трудъ! Никто на-
задъ нейдетъ!

Никто и подождать не хочетъ!
Кто ростомъ малъ—тотъ внизъ про-
А кто великъ—перешагнетъ! [скочить,

БЕЗПОЛЕЗНАЯ СКРОМНОСТЬ.

Демида, подь одою своею, боясь зопла,
Ты имени не подписалъ!
Но глупость за тебя къ ней руку при-
И свѣтъ тебя узналъ. [ложгла

* * *

De Bouquillon
Je vais chanter la fête;
Je creuse dans ma tête,
Mais je me sens trop bête
Pour célébrer la fête
De Bouquillon.

Cher Bouquillon!
Je suis trop téméraire,
Je devrais bien me taire;
Mais comment ne pas braire,
Que la fête m'est chère,
Cher Bouquillon!

Pour Bouquillon
Invignons donc la rimel
Et grimpons sur la cime
De l'Olympe sublime!
La muse nous anime
Pour Bouquillon!

O, Bouquillon!
Ce jour, qui va paraître,
Il t'a déjà vu naître,
Mais il me fait connaître
Que tu n'es plus à naître,
O, Bouquillon!

Par Bouquillon
S'embellit la nature!
Son âme est bon et pure,
Je dis sans imposture,
Je l'aime, et je le jure
Par Bouquillon!

МАКСИМЪ.

Скажу вамъ сказку въ добрый часъ!
Друзья, извольте всё собраться!
Я раземѣшу, навѣрно, васъ —
Какъ скоро станете смѣяться.

Жилъ-былъ Максимъ, онъ былъ не
Прекрасенъ такъ, что заглядѣться! [глупъ;
Всегда онъ надѣвалъ тулупъ —
Когда въ тулупъ хотѣлъ одѣться.

Имѣлъ онъ очень скромный видъ;
Былъ вѣжливъ, не любилъ гордиться;
И лишь тогда бывалъ сердитъ —
Когда случалось разсердиться.

Максимъ за пятерыхъ ѣдалъ,
И болѣе всего окрошку:
И ротъ ужъ вѣрно раскрывалъ —
Когда въ него совалъ онъ ложку.

Онъ былъ кухмистеръ, господа,
Такой, какихъ на свѣтѣ мало,
И безъ яницъ ужъ никогда —
Его ячницъ не бывало.

Красавицъ восхищалъ Максимъ
Губами пухлыми своимъ;
Онѣ, бывало, всё за нимъ —
Когда гулялъ онъ передъ ними.

Максимъ жепитъся разсудилъ,
Чтобъ быть при случаѣ рогатымъ;
Но онъ до тѣхъ поръ холостъ былъ —
Пока не сдѣлаея жепатымъ.

Осьмое чудо былъ Максимъ,
Въ оригиналъ и портретъ;
Никто бъ не могъ сравниться съ нимъ —
Когда бъ онъ былъ одинъ на свѣтѣ.

Максимъ талантами блистаетъ
И просвѣщенія дарамъ;
И вѣчно прозой сочиняетъ —
Когда не сочиняетъ стихамъ.

Онъ жизнь свободную любилъ,
Въ деревню часто удалялся;
Когда же онъ въ деревнѣ жилъ —
То въ городѣ не попадался.

Всегда учтивость сохранялъ,
Былъ обхожденія простова;
Когда онъ въ обществѣ молчалъ —
Тогда не говорилъ ни слова.

Онъ бѣгло по складамъ читалъ;
Читая, шевелилъ губами;
Когда же книгу въ руки бралъ —
То вѣчно бралъ ее руками.

Однажды бодро носкакалъ
Онъ на конѣ по карусели,
И тутъ себя онъ показалъ —
Всѣмъ тѣмъ, кто на него смотрѣли.

Ни отъ кого не тренеталъ,
А къ трусости не зналъ и слѣду;
И вѣчно тѣхъ онъ побѣждалъ —
Надъ кѣмъ одерживалъ побѣду.

Онъ живъ еще, и проживетъ
На свѣтѣ, сколько самъ разсудитъ;
Когда жъ, друзья, Максимъ умретъ —
Тогда онъ, вѣрно, живъ не будетъ!

КЪ КАВЕЛИНУ.

Кавелинъ! другъ, поэтъ, директоръ
И медиковъ протекторъ,
Я съ просьбою къ тебѣ!
Угодно было такъ судьбѣ,
Чтобъ я въ Орлѣ узналъ Гаспари.
Природа не дала ему той важной хари,
Съ какою доктора
Одною чертой пера
Подписывають намъ патенты на могилу!
Пѣтъ! докторъ — Антиной!
Какъ ртуть живою,
И смерть съ нимъ потеряла силу.
За то, что онъ въ Орлѣ
Съ пзвѣстнымъ генераль-штабъ-докторомъ
Вицманомъ
Въ военномъ засѣдалъ госпиталѣ,
И докторскимъ своимъ фирманомъ
Надъ нимъ всѣхъ древнихъ правъ на-
вѣки смерть лишила;
За то, что не далъ онъ потачки
Вербовникамъ ея сестры — шишой горячки;
За то, что въ-время тѣ кратеры закрылъ,
Изъ конхъ къ намъ поносъ кровавой
Течетъ убійственною лавой,
Отъ коей гибнетъ все, и жизнь и красота, —
За это все, по праву,
Онъ получилъ ужъ славу!
Но для чего еще не получилъ креста?
Онъ Эскулаповъ сынъ! А за сію прижимку

Въ большой досадѣ Аполлонъ!
Итакъ, похлопочи, чтобъ онъ
Себѣ могъ получить скорѣе покойку!

ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоиннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ—
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изуряли;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минушіе дни,
Давно улетѣвшая младость...

Все тѣ жъ берега и поля и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жъ озарившая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова щетъ Эсхинъ.
Теонъ, при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ
Остался на брегѣ Алфея. [надеждъ,

Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣною оливъ и платановъ,
Смирную хижину видитъ Эсхинъ—
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны аѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душецтыя розы и гибкій яминъ
Вѣтвями пасть нимъ соплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленіи Теонъ,
Смотря на багряное море—
Вдругъ видитъ Эсхина, и вмигъ узнаеть
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянешь хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!»
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина.

И взгляды на него любопытный вперилъ—
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ—
Взоръ друга прискорбенъ, по ясенъ.

— Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опыты иное мнѣ въ жизни являть:
Надежда лукавый предатель.

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?

Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ пенатахъ?—

Теонъ указалъ, вздыхая, на гробъ...
«Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь—
Но съ нею печаль неразлучна.

«О! пѣть, не ронцу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны.

Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ
Я видѣлъ земное блаженство. [мечтахъ

«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца петлѣнные блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.—

«Вотъ счастье; о, другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

«При блескѣ возвышенныхъ мыслей я
Яснѣ великость творенья; [зрѣлъ
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

«Увы! я любилъ... и ся уже пѣть!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
Навѣки ль исчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

«О! пѣть: никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь,
Надъ сердцемъ утрата безвѣльна.

«П скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной страпѣ,
Погибшее намъ возвратится?

«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтъ, мой
Уже одинокимъ не будетъ... [другъ,
Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною цѣла—
Онъ тотъ же: все ею онъ пологъ.

«По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ—
Сихъ узъ не разрушить могила.

«Сей мыслью высокою украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшій жизни;
Сей сладкой надеждою мѣръ озарень,
Какъ небо сияньемъ Авроры.

«Съ сей сладкой надеждою я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я человекъ,
Всегда возвышалось душою.

«Аэтотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О, другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что *вѣрно* желанное будетъ;

«Сей гробъ, затворенная къ счастью дверь,
Отворится... жду и падаюсь!
За нимъ ожидаетъ спутникъ мепя,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

«О, другъ мой, некавъ измѣняющихъ благъ,
Некавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.

«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасень и
Дай руку: близъ вѣрнаго друга, [свѣтъ;
Съ природою и жизнью опять примирись;
О! вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.

«Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство;
И гореть, и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу—Зевесу!»

ВЪ АЛЪБОМЪ.

БАРОНУ П. И. ЧЕРНАСОВУ.

Мой опытный старикъ Теонъ

Сказалъ: «прекрасенъ свѣтъ!» стоя съ
душою упылой

Передъ безмолвною могилою.
Узнавъ несчастіе, все вѣрилъ жизни опъ!
А ты, мой милый другъ, лишь къ жизни
приступасишь,
И свѣтъ сей по однимъ лишь общаньямъ
Надежды молодой! [знаешь
Ахъ, вѣрь имъ! Съ ясною твоею, другъ,
душою
Что бъ ни случилось здѣсь, все будетъ
путь твой ясенъ!
Кто другъ прекраснаго, тому и свѣтъ
Я за тебя порукою тебѣ! [прекрасенъ;
Ты добръ—тебѣ дана быть счастливымъ
Оставь проказничать судьбѣ; [свобода!
Тебя не выдастъ ей заступница природа!

АМУРЬ И МУДРОСТЬ.

Богиня мудрости на землю испустилася;
Но у людей она худой приемъ нашла.
Однажды близъ рѣки она остановилася—
Нога бурная была;
У берега челнокъ, а въ челнокѣ малютка...
Не знаешь, плыть или нѣтъ?... А онъ ее
манялъ!
Рѣшилася!—поплыли—но то была лишь
шутка:
Плутиска мудрость утопиль!

* * *

Счастливымъ путь на берега Фокиды!
Счастливымъ будь въ отечествѣ боговъ!
Но, другъ, ужель одной корысти види
Влекутъ тебя къ странѣ твоихъ отцовъ?
Пускай вино и шелковыя ткани,
И ароматъ, и пламенный мока
Сбираютъ тамъ съ торгован жадной дань!
Твоя корысть—минувшіе вѣка!
Тамъ предъ тобою—отчизна вдохновенья,
И древоцети величественный храмъ!
Вослѣдь тебѣ мечтой воображенья
Переносишь къ чудеснымъ симъ брегамъ!..
Вотъ на волнахъ разсыпанны циглады
И пифіевъ пророческій Делосъ!
Но что же тамъ твои встрѣчаютъ взгляды?
Пустыню! Храмъ терновникомъ обросъ!...

ПЛАЧЪ О ПИНДАРѢ.

быль.

Однажды нашъ поэтъ Пестовъ,
 Неутонямый ткачъ стиховъ
 И Аполлоновъ жрецъ упрямый,
 Съ какою-то ученой дамой
 Сидѣлъ, о речахъ разеуждалъ,
 Свои творенія величалъ,—
 Лишь древнихъ сравнивалъ съ собою,
 И вздоръ свой клюквенной водою,
 Кобеися въ креслахъ, заивалъ.
 Коснулось до Пиндара слово!
 Друзья! хотя совсѣмъ не пово,
 Что славный былъ Пиндаръ поэтъ,
 И что онъ умеръ въ тридцать лѣтъ,
 Но имъ Пиндара жалко стало!
 Пиндаръ великій! грекъ! пѣвецъ!
 Пиндаръ, высокихъ одъ творецъ!
 Пиндаръ, какихъ и не бывало,
 Который могъ бы мало-мало
 Еще не томъ, не три, не пять,
 А десять томовъ написать,—
 Зачѣмъ такъ рано онъ скончался?
 Зачѣмъ еще онъ не остался
 Пожить, поить и побренчать?
 Съ печали дама зарыдала,
 Съ печали зарыдалъ поэтъ—
 За что, за что судьба сослала
 Пиндара къ Стиксу въ тридцать лѣтъ!
 Лакей съ метлою тутъ случился,
 Въ слезахъ ихъ видя, прослезился;
 И въ дѣтской пянька стала вѣтъ;
 Заплакалъ съ пянькою ребенокъ;
 Заплакалъ поваръ, поваренокъ;
 Вуфетчикъ, бросивъ чашки мыть,
 Заголосилъ при самоварѣ;
 Въ конюшнѣ конюхъ зарыдалъ,—
 И словомъ, цѣлый домъ стоналъ
 О пѣснопѣвцѣ, о Пиндарѣ.
 Да, признаться вамъ, друзья,
 Едва и самъ не плачу я.
 Что жъ вышло? Всѣ такъ громко выли,
 Что все сосѣдство взгомозили!
 Вѣзять сосѣдъ къ нимъ второяхъ,
 И вопить: «что случилось?
 О чемъ вы всѣ въ такихъ слезахъ?»
 Предъ нимъ все горе объяснилось
 Въ немногихъ жалобныхъ словахъ.
 «Да что за человекъ чудесный?

Откуда родомъ вашъ Пиндаръ?
 Какихъ онъ лѣтъ былъ? молодъ? старъ?
 И что о немъ еще извѣстно?
 Какого чину? гдѣ служилъ?
 Женатъ былъ? вдовъ? хотѣлъ жепиться?
 Чѣмъ умеръ? кто его лѣчилъ?
 Имѣлъ ли время причаститься?
 Или вдругъ свалилъ его ударъ?
 И словомъ—кто таковъ Пиндаръ?»
 Когда жъ узналъ онъ изъ отвѣта,
 Что все несчастье отъ поэта,
 Который между грековъ жилъ,
 Который въ славны древни годы
 Пѣвалъ на скачки грековъ оды,
 Язычникъ, не католикъ былъ;
 Что одами его пѣбился,
 Не понимая ихъ, весь свѣтъ,
 Что болѣе трехъ тысячъ лѣтъ,
 Какъ онъ во младости скончался—
 Поджавъ бока свои, сосѣдъ
 Смѣяться началъ, да смѣяться
 Такъ, что отъ смѣха надорвался!
 И смотришь, за сосѣдомъ вслѣдъ
 Всѣ— кучеръ, поваръ, поваренокъ,
 Буфетчикъ, пянька и ребенокъ,
 Лакей съ метлою и самъ поэтъ,
 И дама—взвзануси смѣяться!
 Хотѣлъ п рады бы удержаться,
 Но, признаюся вамъ, друзья,
 Смѣюсь за ними вслѣдъ и я!..

КЪ ВОЕЙКОВУ.

О, Воейковъ! видно, намъ
 Помышлять объ исправленіи!
 Если вѣрить должно спамъ,
 Скоро Пиндопреставленіе,
 Скоро должно наступить!
 Скоро, предлетящимъ громамъ,
 Аполлонъ придетъ судить
 По стихамъ, а не по томамъ!
 Намъ извѣстно съ древнихъ лѣтъ,
 Сны, чудовищей явленія,
 Грозно-пламенныхъ кометъ —
 Предвѣщали измѣненія
 Въ муравейникѣ земномъ!
 И всегда бывали правы
 Сны въ пророчествѣ своемъ.
 Въ міръ Феба—тѣ жъ уставы

Тьма страшнѣе межь стиховъ!
 Тьма чудесь!... дрожу отъ страху!
 Зрѣлъ оберткой пироговъ
 Я недавно Андромаху!
 Зрѣлъ, какъ ибѣй Асмодей
 Мазалъ, видъ принявъ лакея,
 Грозной кистію своею
 На заклею оконъ Грся!

Зрѣлъ недавно, какъ Пиндаръ,
 Въ воду огнь свой обративши,
 Затухилъ въ Москвѣ пожаръ,
 Вею дожечь ее грозившій!
 Зрѣлъ, какъ Сафу билъ голикъ;
 Какъ Раенъ крихтѣлъ нодь тѣетомъ;
 Зрѣлъ окутанный парикъ
 И Электрою и Орестомъ.

Зрѣлъ въ ночи, какъ въ высотѣ
 Кго-то грозный и унылый,
 Избоченясь, на котѣ
 Ъхалъ рысью—въ шуйцѣ вилы,
 А въ десницѣ грозный *икъ!*
 Но-славянски котъ мяукалъ;
 А внимающій старикъ
 Въ тактъ съ уѣмьшккой *икомъ* тукалъ!

Сей скакунъ но небесахъ
 Прокатился метеоромъ;
 Вдругъ отвертый вижу храмъ,
 И къ нему идутъ соборомъ
 Фебъ и музы... Что жъ? О, страхъ!
 Фебъ въ ужасныхъ рукавицахъ,
 Въ русской шапкѣ и котяхъ;
 Кички на его сестрицахъ!

Старика ввели во храмъ,
 При печальныхъ Смѣховъ ликахъ.
 Въ стихаряхъ Амуры тамъ
 И Хариты въ черевикахъ!
 На престолѣ золотомъ!
 Старина сидитъ богиня;
 Оденую Вкусъ съ бѣльномъ,
 Простофиля и розиня!

И, какъ будто близъ жены—
 Поручивъ kota Эроту,
 Сбѣлъ старикъ близъ старины,
 Сияясь скрыть свою перхоту!
 И въ гудокъ для прищелца
 Фебъ ударилъ съ важнымъ тономъ,

И пустился голубца
 Мельиомепа съ Купидономъ.
 Важно билъ кадаецъ старикъ
 И подмигивалъ старушкѣ.
 И его державный *икъ*
 Передъ нимъ лежалъ въ кадушкѣ.
 Тутъ къ престолу подошли
 Стихотворцы для присяги.
 Тѣ подь-мышками несли
 Расписныя съ квасомъ флаги;
 Тотъ тащилъ кису морщины;
 Тотъ прабабушкину мунду;
 Тотъ старинныхъ словъ кувипинъ;
 Тотъ кавыкъ и юсовъ кружку;
 Тотъ перину пзъ бородъ,
 Дрекле бритыхъ въ Петроградѣ;
 Тотъ славянской переводъ
 Басенъ Дмитрева въ окладѣ.

Всѣ, возрѣвъ на старину,
 Переты вверху и ставши рядомъ,—
 «Брань и смерть Карамзину!»
 Грянули, сверкая взглядомъ.
 «Зубы грѣшнику порвемъ!
 Осрамимъ хребетъ строптивый,
 Задъ во утро избѣемъ,
 Намъ обиды сотворивый!»

Вздрыгнулъ я—призракъ исчезъ!..
 Что жъ все это предвѣщаетъ?
 Ахъ! мой другъ, то гласъ небесъ!
 Полно медлить! наступаютъ
 Аполлоновъ страшный судъ!
 Дни послѣдніе Парнаса;
 На съ богини мщенья ждуть;
 Полно мучить намъ Пегаса!

Не покаются ли намъ
 Въ прегрѣшеньяхъ потаскиныхъ?
 Если вѣрять старикамъ,
 Муки Фебомъ осужденныхъ
 Неописанныя, другъ!
 Поспѣшимъ же покаяться,
 Чтобъ и намъ за ренемы—крякълъ
 Не былъ въ адѣ воздаяньемъ!

Мукъ тамъ бездна!.. Вотъ Хлыстовъ
 Межъ огромнымъ ушамъ,
 Какъ Тапталъ среди плодовъ,
 Съ непрочтенными стихами;

Хочетъ ихъ читать ушамъ,
 Но лишь губы шевельнутся,
 Чтобы дать просторъ стихамъ—
 Уши разомъ всё свернутя.

Вотъ на плечи стихъ выгрузивъ,
 На гору его волочить
 Пустопузовъ, какъ Сизифъ;
 Бьется, силится, хлопочетъ;
 На верху горы вдовецъ—
 Здравый смыслъ—торчитъ маякомъ;
 Вотъ ужъ близко! вотъ конецъ!
 Вотъ доползъ— и книзу ракомъ!..

Вотъ Грузочкинъ-траголюбъ
 Убираетъ лобъ въ морщины,
 И хитромъ свой тулупъ
 Въ угожденье Прозеррины
 Величаетъ невномадъ!
 Но хвастливость не у мѣста:
 Всѣхъ смѣшить его нарядъ,
 Даже фурій и Ореста.

Полопъ треску и огня,
 И на смыслъ весьма убогій,
 Вотъ на чахлаго коня
 Лѣзетъ Фирезъ коротконогій;
 Лишь уѣлся, конь распухъ;
 Ножки вверхъ—пѣтъ сплз держаться;
 Конь газопомъ; рыцарь—бухъ!
 Снова лѣзетъ—чтобъ сорваться!..

Ахъ! покаемся, мой другъ!
 Исповѣдъ—пользисправленья!
 Мы достойны этихъ мукъ!
 Я—за вѣдмъ, за привидѣнья,
 За чертей, за мертвецовъ;
 Ты жъ—за то, что въ переводѣ
 Очутился изъ «садовъ»
 Подъ капустой въ огородѣ!..

ВЪ АЛЬБОМЪ

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВНЪ ПРОТАСОВОЙ.

Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны,
 Дни чистые, когда все въ жизни такъ
 прекрасно,
 Такъ живо близкое, далекое такъ ясно,
 Когда лелѣютъ насъ магическіе сны;
 Тогда съ небесъ къ твоей спокойной ко-
 лыбели
 Святыя радости подругами сѣтъли—

Ихъ рой еномъ утреннимъ кругомъ тебя
 играя;
 И ангелъ прелести, твоя родня, съ любовью
 Песримо къ твоему прикипулъ изголовью,
 И никогда тебя съ тѣхъ норъ не покидалъ.
 Лѣта прошли—твоей всё спутники съ тобою;
 У входа въ свѣтъ съ живой и жаждущею
 душою
 Ты въ ихъ кругу стоишь, прелестна, какъ
 они.
 А я, знакомецъ твой въ тѣ радостныя дни,
 Я на тебя смотрю съ веселіемъ улылымъ;
 Тѣнишься въ сердце ты изображеньемъ
 милымъ
 Всего минувшаго, всего, чѣмъ жизнь была
 Такъ сладостно полна, такъ пламенно мила,
 Что вдохновеніемъ всю душу зажигало,
 Всего, что лучшаго въ ней было и пропало...
 О, упоеніе томительной мечты,
 Покинь меня! Желать—безжалостно ты
 учишь;
 Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
 Въ могилѣ мертвеца ты чувствуешь жизни
 мучишь.

* * *

Что дѣлалась, Сандрокъ?
 Кружишь ли, какъ сверчокъ,
 По ступлямъ, по окошкамъ?
 Стрижешь ли морды кошкамъ?
 Риеуешь ли усы,
 Крючки и колбасы
 На Вицмановой рожѣ?
 Или чортиковъ въ рогожѣ
 Сажалась на носы?
 Или мухъ сажалась въ банки,
 Или проповѣдъ съ лезанки
 Бутылкамъ, сундукамъ,
 И рыжымъ парикамъ,
 И разнымъ женихамъ?
 Рассказываешь съ жаромъ?
 Или рожамъ смѣшишь
 И споришь съ самоваромъ
 И чайники казнишь?
 Ты милое творенье;
 Ты взглядомъ обратишь
 И горе въ восхищенье;
 Съ тобой явилась въ свѣтъ
 Веселость, богъ крылатый;

Она твой провожатый,
При ней несчастья нѣтъ.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ

въ игру, называемую секретарь.

В. Какая разница между *разноты* и *раз-*
О. Свѣтлана—ангелъ красоты, [*пости?*
Тутъ я не вижу разноты;
Свѣтлана—безобразность,

Тутъ все: и *разница*, и *разнота*, и
В. Что такое буква я? [*разность.*

О. Губительнаго я
Нѣтъ хуже въ мѣрѣ слова;
Мнѣ жизнь мила моя—
Коль можетъ жизнью быть другова.

* * *

Поибрь, зимы посоль, подчасъ лихою ста-
И очень страшный въ гнѣвѣ, [крикъ
По милостивый къ намъ, напудриль свой
парикъ

И вась уже встрѣчать готовится въ Бѣлевѣ;
Ужъ въ Долбинѣ давно,

Въ двойное мы смотря окно
На обнаженную природу,
Молились, чтобъ сѣдой Борей

Прислалъ къ намъ поскорѣй

Сестру свою метель и бѣглоу бы воду
Въ оковы лядныя сковаль;
Борей услышалъ нашъ молебенъ: ужъ
крошится

На землю мелкій снѣгъ съ небесъ;

Ощипанный бѣлѣтъ лѣсъ,

Прозрачная рѣка ужъ болѣе не струится,
И растопоривши оглобли, сани ждуть,

Когда ихъ запрягутъ.

Иному будетъ жаль дней ясныхъ,—

А я жду, не дожуду холодныхъ и ненастныхъ.
Милѣй мнѣ свѣтлаго природы мрачный видъ!

Пусть вьюга на волѣ кинитъ

И снѣгъ въ насъ шапками бросаетъ,

Пускай насъ за носы хватаетъ

Морозъ, зимы сердитою кумъ,—

Сквозь страшный вихрей шумъ

Внѣ голосъ сладостный вызываетъ:

«Увидишь скоро ихъ! сей часъ не далеко!

И будетъ на душѣ легко!»

Ахъ! то знакомый гласъ надежды не-
измѣнной!...

Какъ часто вьюгою несчастья окруженной.
Съ дороги сбившияся, пришелецъ земной,
Пути не видя предъ собой
[*Передній* путь во мглѣ, покрытъ *обрат-*
ный мглой],

Робѣтъ, свѣта ждетъ, дождется ли, не знаетъ,
И въ нетерпѣнныи увываетъ...

И вдругъ... надежды гласъ!.. душа ободрена!
Сталь веселѣе мракъ ужасной

И ужъ незримая дорога не страшна!...

Онъ вѣрять, что она проложена
Вождемъ всезнающимъ и къ купцѣ без-
опасной,

И съ милымъ ангеломъ-надеждой онъ идетъ,

И, не дойдя еще, ужъ счастливъ ожиданьемъ
Того, что въ пристани обѣтованной ждегъ!

Такъ для меня своимъ волшебнымъ обѣ-
щаньемъ

Надежда и зимѣ красу весны даетъ!

О! жизнь моя вѣрна, и цѣль моя прекрасна,
И неизвѣстность мнѣ нисколько не ужасна,

Когда все милое со мной!...

Но вотъ и утро встало!

О, радость! на землѣ изъ снѣга одѣяло!
Друзья, домой!

ФЕНИКСЪ И ГОЛУБКА.

«Я на кострѣ себя сжигаю!»

— И я горю, и въ сердцѣ пламень мой!—

«Я каждый вѣкъ, чтобы воскреснуть,
умираю!»

— Бываетъ то жъ, но чаще, и со мной!—

«Эмблема славы я!»—Я счастья простого.—

«Зевесъ мой другъ.»—А мой богиня кра-
соты.—

«На свѣтѣ я одинъ! Нѣтъ Феникса другого!»

— Бѣднякъ безсмертный, жалокъ ты!—

КЪ АРФѢ.

Моя вторая мать, другъ юношескихъ лѣтъ,
На память о любви ее мнѣ подарила,

И я, какъ памятникъ любви, ее хранила,
И вѣчно сохранивъ дала себѣ обѣтъ,—

И нынѣ мысль перемѣню!

Мой другъ, она—твоя!..

Но что жъ, ужели чѣмъ обѣтъ свой нарушаю?

Ты—та же я!

ЗАПИСКА КЪ СВѢЧИНУ.

Извольте, мой полковникъ, вѣдать,
 Что въ завтрашній субботній день
 Я буду лично къ вамъ обѣдать!
 Теперь же недосугъ. Не лѣнь,
 А Февъ Зевесовичъ мѣшаетъ...
 Но буду я не почевать,
 А до вечерни поболтать,
 Да выкурить двѣ трубки,
 Да подсластить копыякомъ губки,
 Да сотню прочитатъ
 Кос-какихъ стишопоекъ,—
 Чтобъ могъ до утра просонокъ
 Полковникъ спать!

ЛЮБОВНАЯ КАРУСЕЛЬ.

ТУЛЬСКАЯ БАЛЛАДА.

Въ трактирѣ тульскомъ тишина,
 И на столѣ ужь свѣчки,
 Като на канале одна,
 А Азбукинъ у печки!
 Авдотья, Павловъ Николай
 Тутъ съ ними—нѣтъ лишь Анны.
 «О, другъ души моей, давай
 Играть съ тобой въ Татьяны!»
 Като сказала такъ дружкѣ—
 И милый пристунасть
 И просить скромно табачку,
 И жгутъ крутой свивасть.
 Катошка милого комшить,
 А онъ комшитъ Катошку;
 Сердца ихъ таютъ—столъ накрытъ
 И подаютъ окрошку.
 Садятся рядомъ и ѣдятъ
 Весьма, весьма прилежно.
 За каждой ложкой поглядитъ
 Въ глаза другъ другу нѣжно.
 Едва возлюбленный чихнетъ—
 Катоша тотчасъ: *здравстуй;*
 А онъ ей головой кивнетъ
 И нѣжно: *благодарстуй!*
 Близъ нихъ Плезирка-песъ кружить
 И моська ростомъ съ лось!
 Плезирка! милый говоритъ;
 Катоша кличетъ: *мось!*
 И милому дастъ кольцо...
 Но вдругъ стучитъ карета—
 И на трактирное крыльцо

Идетъ сестра Анета!
 Замѣтте: Павловъ Николай
 Давно ужь провалился—
 Анета входитъ невзначай—
 И милый подавился!
 —О, милый! милый! что съ тобой?
 Катоша закричала
 «Такъ ничего, дружочекъ мой,
 Мигъ въ горло кость попала!»
 Но то лишь выдумка—злодѣй!
 Онъ струсилъ отъ Анеты!
 Кольцо въ глаза мелькнуло ей
 И прочіе конжеты!
 И говоритъ: «Что за модель?
 Извольте признаваться!»
 Като въ отвѣтъ: «Ложись въ постель» —
 И стала раздѣваться...
 Надѣла спальный свой чепецъ
 И ватошникъ свой алой,
 И скомкалася наконецъ
 Совсѣмъ подь одѣяло!
 Оттуда выставя носокъ,
 Сказала: я пылаю!
 Анета ей въ отвѣтъ: «Дружокъ,
 Я васъ благословляю!
 Что счастье вамъ, то счастье мнѣ!»
 Като не улежала,
 И бросилась на шею къ ней,
 Авдотья заплясала.
 А пламенный штабсъ-капитанъ
 Лежалъ уже раздѣтый!
 Авдотья въ дверь, какъ въ барабанъ,
 Стучитъ и кличетъ: «Гдѣ ты?»
 А онъ въ отвѣтъ ей: Виновать!
 — «Скорѣй!» кричитъ Анета.
 И онъ надѣлъ, какъ на парадъ,
 Мундиръ, два эпюлета,
 Кресты и шпагу нацѣпилъ—
 Забылъ лишь панталоны...
 И важно двери растворилъ
 И сталъ творить поклонья...
 Какой же кончу я чертей?
 Бездѣлкой: многи лѣта!
 Тебѣ, Василиі! вамъ, Като,
 Авдотья и Анета!
 Веселье стало весельи;
 Печальное забыто;

И дружба съдвласяла дружнѣй;
И сердце все открыто!
Ето панъ—для счастья тотъ живи,
И въ землю Провидѣню!
Ура! надеждѣ и любви
И книси терпѣню!

1815.

А Р Е О П А Г У.

О, мой Ареопагъ священной,
Ся моею музою смиренной
Я преклонюсь предъ тобой!
Публичный обвинитель твой,
Матюшка-Ватюшковъ, гигантъ по даро-
ванью,
Ужъ судъ твой моему «Посланию»
Въ парнасскій протоколъ внисалъ
За скрѣпой Аполлона,
И я къ подпожію божественнаго трона
Съ повинной головой предсталъ,
Съ поправкамъ «Послания»
И парой словъ для оправданья!
Прошу, да предъ него и Аристархъ-пѣвецъ
Съ своею критикой предстанеть,
И да небесный Фебъ, по Ницуду нашъ отецъ,
На наше преніе не гнѣвнымъ взоромъ
взглянетъ!
За что жъ о планѣ ты, мой грозный судія,
Ни слова не сказалъ? О, страшное молчанье!
Имъ муза робкая оглушена моя!
И ей теперь мое «Посланье»
Уродомъ кажется подъ маской красоты!
Злодѣй! молчаніемъ сказать мнѣ больше ты
Одинъ, чѣмъ критиковъ крикливое собранье
Разбора строгаго шумящею грозой!
Но такъ и быть, передъ тобой
Всѣ тайныя ошибки!
О чемъ молчишь—о томъ и я хочу молчать!
Чтобъ безошибочно, мой мзлый другъ,
писать,
На то талантъ твой нуженъ гибкій!
*Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ
влести вѣнецъ?*
Ужасный стихъ! такъ ты воскликнулъ,
мой пѣвецъ!
И музы всѣ съ тобой согласны!
Да я и самъ кричу, паморщившись:
ужасный!

Вотще жую перо, вотще молюсь богамъ,
Чтобъ отъ сего стиха очистили «Послание»!
Напрасное пера невиннаго жеванье,
Напрасныя молбы!—поправь его ты самъ!
Не можешь? Пусть живетъ въ камъ на
посѣянъ!
Кто славы твоя ошметъ красоту!
Ты правъ: *ошметъ*—взоръ, напсап-
ный водою,
А *твоя*—уродъ! Готовъ одной чертою
Убить сей стихъ! Но, другъ! смиренную чету
Двухъ добрыхъ рюмъ кто разлучитъ рѣ-
шителя?
Да, можетъ-быть, моя поправка пригодится?..
*Кто славныхъ дѣлъ твоихъ постигнетъ
красоту?*—
Не лучше ли? Прими жъ, мой другъ, сію
поправку,
А прежній вздорный стихъ въ отставку.
Что даше?.. Увы! я слышу не впервой,
Что стихъ: *дробила надъ главою*
Земныхъ народовъ брань, и что жъ еще:
державы!—
Смѣшной и темный стихъ! Быть-можетъ,
Моихъ балладъ герой, [бѣсъ лукавый,
Спутнлъ такимъ стихомъ коварно надо
мною.
Надъ некусителемъ себя мы позабавимъ.
Балладой новою, а стихъ хоть такъ по-
правимъ:
*Писпровернала, врагъ земныхъ наро-
довъ, брань!*...
Нить! вѣние бурь вѣнца... Ты здѣсь, мой
другъ, въ сомнѣнъ:
Но *буря жизни* есть для всякаго пѣвца
Не запрещенное отъ Феба выраженъе!
А *буря жизни*, другъ, чѣмъ лучше
бурь вѣнца?
Итакъ, сомнѣніе принявъ за одобренье,
Я съ *бурями вѣнца* отважно осталось—
Вѣтряясь твоему сомнѣнью,
Спокойно на берегу съ моею подругой лѣбною
Служу и бурямъ критики смѣюсь.
Другой же стихъ—твоя, а не моя по-
грѣшность;
Затмила, кажется, разсудокъ твой поспѣш-
вѣдъ *невнимательныхъ царей* [ночь:
Въ посланъѣ ибѣть! ллѣи ты, по милости
Былъ невнимательный читатель; [своей,

А можетъ-быть, п то, что мой переписатель
Царей не отдѣлялъ
Отъ ихъ народовъ запятою,
И такъ одной пера чертою
Земной порядокъ помутилъ.
Итакъ—здѣсь виновать не я, а запятая,
И критика твоя косая.—
Подъ наклонившихся престоловъ цар-
Какъ и пр.— [скажи тыль,
[По мнѣнью твоему туманъ].
Прости! но съ критикой твоей я несо-
гласенъ,
И въ этихъ двухъ стихахъ смыслъ, ка-
жется мнѣ, ясенъ!
Зато другіе два, какъ шумный барабанъ,
Разсудку чуждые, лишь только надъ ушами
Господствуютъ: мой *тронъ у шловоъ надъ*
Разрлянувшись... [главами
Своими страшными кусками
Подобенъ сухарю и такъ же сухъ, какъ онъ.
Словечко *вспыхнуть* мнѣ своею быст-
ротою
Поправилось — винюсь, смирясь предъ
И робкою пишу рукою: [тобою,
Вспылавъ, разверзнувшись, какъ шибель-
ный волканъ.
Но чѣмъ же страненъ великанъ,
Съ развалинъ пламенныхъ ужасными очами
Сверкающій на блѣдный свѣтъ?—
Тутъ, право, милый другъ, карикатуры нѣтъ!
Вотъ ты бѣ, малютка, былъ карикатура,
Когда бы мелкая твоя фигура
Задумала съ развалинъ встать
И на вселенну посверкать.
А тыш огромная свирѣпаго тирапа...
Нѣтъ... Я горой за великана!
Зато, мой другъ,
При сихъ забавныхъ трехъ стихахъ
Предъ критикой твоей бросаю лирой въ
прахъ,
И радъ хоть казачка плясать надъ ихъ
Тамъ все... [могилой:
И вотъ, какъ этотъ вздоръ поправилъ
Фебъ мой хилый:
Тамъ все—и весь, и градъ, и храмъ
взывало: брань!
Все, раболѣтствуя мечтавъ тирана,
дань
Къ его ужасному престолу приносило...

Поправка—но вопросъ, удачна ли она?
И мздой свою постель страданье выку-
пало!
Конечно, здѣсь твой вкусъ надменный
испугало
Словечко бѣдное: *постель?* Постель бѣдна
Для пышности стиховъ—не спорю и нимало;
Но если муза скажетъ намъ:
И мздой свой бѣдный одръ страданье
выкупало,—
Такой стишокъ ея понравится ль унамитъ?
Какъ быть! но мой пригвѣзъ: поправъ,
какъ хочешь, самъ!
И дай вздохнуть моею ты лѣни—
Тѣмъ болѣ, что твои совѣмъ не кетати
пени—
За этотъ добрый стихъ, въ которомъ
[смысла] нѣтъ:
И юность ихъ была, какъ на могилъ
цвѣтъ!
Здѣсь свѣжестъ юная и блескъ цвѣточка
Противоположенъ унынію могилы; [милой
На гробъ раецвѣтя, цвѣтокъ своей красой
Намъ о ничтожности сильнѣйш паномнаетъ:
Не украшаетъ онъ, а только обнажаетъ
Предъ нами ужасъ гробовой.
И гроба гость, цвѣтокъ—символь для насъ
унылый,
Что все живеть здѣсь мигъ, п для одной
И хитростью... [могила...
Мой другъ, я не коснусь до первыхъ
двухъ стиховъ!
Въ нихъ вся политика видна Наполеона!
И всемъ извѣстно намъ, что неизбѣжный
ковъ
Пзмѣны, хитрости разставивши близъ
трона
Лишь только *добивалъ* его громами онъ.
Не будь Наполеонъ —
Разбитый громами охотно я бѣ поста-
вилъ!
Послѣдніе жъ стихи смиренно я поправилъ,
А можетъ-быть, еще поправкой и *добилъ*:
По нимъ свободы вразъ, отважною
стопою,
За всемоуцествомъ *шагалъ* отъ боя къ
Что скажешь? угодилъ?— [бою!
А слѣдующій стихъ, на *ратей* *переходы*
Служащій риемоу, я такъ перемѣнилъ:

*Стишаницъ раздробить еще престолъ
свободы.*

Еще тремъ карачупъ; ихъ смуглый мой зоплъ
На смерть приговорилъ: [Воейковъ

*И вельдъ ему всякъ часъ за ратью
ратъ летѣла—*

*И по слѣдамъ ея на мѣсто: вельдъ
всякъ часъ*

Поставить рожница мнѣ смуглая вельдла!

И я исполнилъ сей приказъ!

Ужъ указуешь путь державною рукою—

Приказа пописать: *Ужъ отверзаешь путь.*

Передъ тобою весь миръ—писать: передъ

Миръ—весь же замеркнулъ... [тобою

Еще на многіе стихи онъ покосился,

Да я не согласился.

* * *

Предъ судилище Миноса
Собралися для допроса
Подлѣ стиковыхъ береговъ
Души блѣдныя скотовъ.

Воронъ, моська, котъ, телушка,
Попугай, баранъ, ипдюшка,
Соловей, пѣтухъ съ свиньей—
Стали предъ Миносомъ въ строй.

«Говорите, какъ вы жили?
Много ль въ свѣтѣ вы грѣшили?»
Такъ сказать имъ судія.
«Начинай хоть ты, свинья.»

—«Я нѣсколько не грѣшила;
Не жалѣя морды, рыла
И на свѣтѣ семь навозъ;
Въ этомъ пѣтъ грѣха, Миносъ!»

—«Я, баранъ, жилъ тихомолкомъ,
На бѣду столкнулся съ волкомъ:
Волкъ меня и задавилъ,—
Тѣмъ лишь я и согрѣшилъ.»

—«Я смиренная корова;
Нраву я была простова;
Грѣхъ мой, право, не великъ,—
Ободралъ меня мясникъ.»

—«Хоть слыву я понугаемъ,
Но на свѣтѣ быть считаю
Съ человѣкомъ паравиѣ;
Этотъ грѣхъ прости ты мнѣ!»

—«Я котомъ служилъ на свѣтѣ,
И имѣлъ одно въ предметѣ:
Билъ мышей и сыръ таскалъ;
Этотъ грѣхъ, по чести, малъ.»

—«Я, ппчужка, вѣчно пѣла;
По-славяски Филомела,
А по-русски соловей;
Не грѣшна ни въ чемъ, сѣ-ей!»

—«Я курносая собака,
Моська, родомъ забѣлка,
И зовутъ меня Барбосъ;
Попадаи меня, Миносъ!»

—«Я пѣтухъ, будильникъ ночи,
Съ крику выбился изъ мочи,
И принесъ на Стиксъ-рѣку
Я свое кукареку.»

—«Я ипдюшка хлопотунья,
Цутомели и крикунья;
У меня махровый носъ;
Не покинъ меня, Миносъ!»

—«Воропъ я, вѣщунъ и плакса;
Быль я черенъ такъ, какъ вака,
Каркалъ часто на бѣду;
Радъ я каркать и въ аду.»

Царь Миносъ сердитымъ взглядомъ
На скотовъ, стоящихъ рядомъ,
Разъяренный засверкалъ...
И—ни слова не сказалъ.

ПРОЩАНІЕ.

Воейковъ, этотъ день для сердца незаб-
Здѣсь возвращеніе мое [венный!
Ты за годъ праздновалъ въ родной друзей
семьѣ.
Какъ странникъ, въ кругъ ея случаемъ
заведенный,
Ты мыслилъ между насъ минуту отдохнуть,
Потомъ опять идти въ свой одинокій путь
Съ несовершеннѣшимся желаньемъ,
И съ темнымъ счастья ожиданьемъ!
Но здѣсь тебѣ твое *не дамъ* рокъ сказать...
И Провидѣніе здѣсь вѣзмъ, что въ жизни
мило,
Тебя въ душѣ твоей Свѣтланы наградило!
Другъ, благодарственный фіалъ
Незримоу, Тому, Кто намъ не измѣняетъ,

Который всюду спутникъ намъ,
Который и самимъ бѣдамъ
Всегда во благо быть для насъ повелѣваетъ!
Ему повѣримъ ихъ! Ему отъ насъ объѣтъ—
Украстить жизнью Его прекрасный свѣтъ!
И быть въ кругу Его прекраснѣйшихъ
созданій,
Достойнымъ вещь Его святыхъ благодѣяній!

* * *

Вамъ, милая, нашъ другъ-благодетель,
Отъ счастливыхъ дѣтей мольба въ веселый
часъ:
Вкушайте счастье безопасно между насъ!
Покой вашъ нашего спокойствія хранитель!
Съ доврѣемъ подайте руку намъ,
И вѣрнымъ вашихъ чадъ сердцамъ
Себя съ надеждою поручите;
Ихъ на добро благословите,
А общій жребій свой—оставимъ небесамъ!

* * *

Друзья, въ сей день былъ мой возвратъ!
Но онъ для насъ и день разлуки;
На дружбу вѣрную дадимъ другъ другу руки!
Кто братъ любовію, тотъ и въ разлукѣ братъ!
О, нѣтъ! Не можетъ быть для дружбы раз-
стоянья!
Вдали, какъ и вблизи, я буду вамъ родной,
А благодарныя объ васъ воспоминанья
Возьму на самый край земной!

* * *

Васъ, добрая сестра, на жизнь другъ вѣрный
мой,
Всего, что здѣсь мое, со мною раздѣлитель!
Васъ братъ вашъ, долбиинскій минут-
ный житель,
Благодарить растроганной душой
За тѣ немногія мгновенья,
Которыя при васъ, въ тиши уединенья,
Спокойно музамъ онъ и дружбѣ посвящалъ!
Что бъ рокъ ни присудилъ,
Но съ долбиинской моей семьею
Разлука самая меня не разлучитъ!
Она лишь дружескій союзъ нашъ утвердитъ!

* * *

Мой ангелъ, Ванничка, съ певниной красо-
Съ улыбкой милой на устахъ, [тою,
Съ слезами на глазахъ,
Боюсь со мной разлуки,

Ко мнѣ бросающійся въ руки,
И Машенька, и мой угрюмый Штушокъ,
Мои друзья безцѣпны...
Могу ль когда забыть ихъ ласки незабвенны!
О, будь же, доблинскій мой уголокъ,
Спокоенъ, тихъ, хранимъ святыми небесами!
Будь радость ясная вамъ вѣрный семья-
нинъ.

И чтобъ изъ васъ въ сей жизни ни одинъ
Не познакомился съ бѣдами!
А если ужъ нельзя здѣсь горе не узнать,
Будь неизмѣнная надежда вамъ подруга!
Чтобъ вы при ней могли и горе забывать...
Что бъ ни было, не забывайте друга!..
6 января 1815 г.

къ ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРУ

В. В. ПОЛУЕКТОВУ,

на выступленіе въ походъ 1815 г. 17 февраля.

Нашъ кулямскій богатырь, ура! счастливый
путь!
Лети съ полками въ поле брани,
Сбирай съ покорной славы дани,
И новые кресты панизывай на грудь!
Твоя судьба — парить подъ небомъ за
орлами,
А наша—за твое здоровье робко нить,
Хвалить исподтишка дѣла твои стихами,
И вслухъ тебя любить!

С Т И Х И,

вырезанные на гробѣ А. Д. ПОЛТОРАЦКОЙ.

Какъ радость чистая, сердца влекла она;
Какъ неперочная надежда расцвѣтала!
Была певниность ей въ сонутницы дана,
И младость ей свои все блага обѣщала.
Но жизнь ея—призракъ! Плънилъ насъ и
исчезъ.
Лишь плачущимъ о ней гласить ея могила,
Что совершенное судьба опредѣлила
Не для земли, а для небесъ.

Ф У Р М А Н У.

Въ корыстолюбін себя ты упрекаешь,
Но безкорыстія являешь образецъ:

За бѣдныя стихи ты щедро предлагаешь
 Богатый дружбы даръ. Но знай, что твой
 пѣвецъ,
 Тобою прозванный славянскимъ Оссианомъ,
 Любя небесныхъ музъ, не любитъ жить
 обманомъ:
 Опъ дружбу добрую дасть въ придачу самъ
 Тебѣ къ дурнымъ своимъ стихамъ.

Дерптъ. 1815, апрѣля 11.

КЪ Т. Е. БОКУ.

I.

Мой другъ, въ тотъ часъ, когда луна
 Взойдетъ падъ русскимъ станомъ,
 Съ бутылкой свѣтлаго вина,
 Съ зановѣднымъ стаканомъ,
 Передъ дружиной у огня
 Ты сядь на барабамъ—
 И въ сонмѣ храбрыхъ за меня
 Прочти *Пѣвца во стане*.
 Пѣсьи брани вамъ зажжетъ сердца!
 И, въ бой летя кровавый,
 Про отдаленнаго пѣвца
 Вспоманутъ чада славы!

1815, апрѣля 7.

II.

Любезный другъ, гусарь и Бокъ!
 Планетамъ пмѣнять нимало намъ не
 Ихъ путь отъ насъ далекъ; [стыдно!
 Къ тому жъ, мой другъ, для звѣздъ не-
 бесныхъ не обидно,
 Когда забудешь ихъ на часъ для звѣздъ
 земныхъ!
 Для безпредѣльности одной онѣ сіяютъ,
 И въ гордости своей советамъ не замѣчаютъ
 Слѣпцовъ, которые изъ мрачности земной
 Ихъ куртизируютъ подозрною трубой!
 Хоть я и не гусарь, но клятеся радъ съ
 Священнымъ именемъ пророка, [твоей,
 Что, ветрѣтвишись, какъ ты, съ прекрас-
 ною четой,
 Забылъ бы звѣзды всѣ, Жуковскаго и Бока!
 Въ осьмомъ часу тебя готовъ я ждать!
 Позавяжи глаза, чтобъ къ намъ дойти вѣр-
 Чтобы опять сирены не видать! [пѣе,
 Близъ пропасти слѣпой всегда пройдетъ
 смѣлье.

III.

Мой милый Бокъ!

Не думай, чтобъ я былъ лѣзвивый лежебокъ!
 Или пренебрегалъ твоимъ кабриолетомъ—
 Нѣтъ, нѣтъ! но какъ гусарь ты посту-
 пилъ съ поэтомъ!

[Какъ другъ-гусарь, прошу меня понять]:
 Какъ *другъ*, ты, согласивъ съ своимъ мое
 Спѣшишь скорѣй меня обнять, [желанье,
 Скорѣе раздѣлить со мной очарованье,
 Которое сестра прелестная твоя
 Своимъ присутствіемъ вокругъ насъ раз-
 ливаетъ—

И дружба этому прямую цѣну знаетъ.
 Но, какъ *гусарь*, ты все смутилъ, душа моя:
 Ты хочешь приступомъ взять мирнаго поэта;
 Ты сплю кабриолета
 Затѣявъ, въ мигъ одинъ, весь планъ его
 взорвать!..

Послушай: снявъ мундиръ, привычку раз-
 оставь съ мундиромъ и усамъ! [руналь
 Капитуляція была ужъ между нами;
 Стояло въ ней: *тебѣ отъ друга вѣсти*
ждать;
Дождавшись же, за нимъ, въ своемъ
кабриолетъ,

И налицо во весь опоръ скакать.

Но, видно, это все ты предалъ жадной Летѣ,
 И въ памяти одну лишь дружбу сохранилъ!
 Итакъ, чтобъ памяти ты вновь не утопилъ,
 Вотъ для тебя рецентъ отъ сей чумы
 ужасной,

Вотъ планъ мой *письменный*, но пунктъ-
 тамъ, точный, ясный:

Пунктъ первый: подождать!

Ты знаешь, до Печеръ я ѣду провожать
 Своихъ друзей—на то дней семь нль во-
 семь сроку.

Коль скоро возвращусь, тотчасъ записку
 къ Боку,

И въ этомъ *пунктѣ второй*—но какъ
 ее послать?

Не лучше ли тебѣ меня ужъ въ Дерптъ
 Мы *вместѣ* славно прокатимся! [ждать?
 Мой планъ не весь! еще есть пунктовъ
 пять,

Но на словахъ мы лучше объяснимся!
 Прости! завидуя моимъ дурнымъ стихамъ,
 Намъ събѣ ихъ теперь желать бы быть я самъ.

Полно жизни и надежды;
Твой раздался первый гласъ;
И твои раскрылись вѣжды!..

Тамъ грядетъ съ востока къ намъ
Утро, гость небесъ прекрасный,
И спокойнымъ небесамъ
День пророчествуетъ ясный!

Ободримся! въ добрый часъ,
Новый жизни посѣтитъ!
Небеса его—для насъ!
А надъ нами нашъ хранитель!

26 июля 1815.

КЪ КН. ВЯЗЕМСКОМУ.

Благодарю, мой другъ, тебя за доставленье
Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ!
На Волгѣ встрѣтилось съ тобою вдохновенье!
Ты, съ крутизны ея лѣпестыхъ береговъ
Смотря на пышныя окрестностей картины,
Съ природы списокъ намъ похожий напечатъ.

И я тебѣ востѣдъ мечтою пробѣгалъ
Прибрежныхъ скалъ вершины;
Смотрѣлъ, какъ быстрые крылатые струга,
Сокровищъ земледѣлья полны,

Руками острыми разрѣзывали волны;
Какъ села между роуцъ пестрили берега;
Какъ дымъ ихъ, тонкими подъемася стол-
бами,

Взвивался и бѣлѣлъ на синевѣ лѣсовъ

И медленно входя, свивался съ обла-
камъ—
Вотъ что, по милости твоихъ, мой другъ,
стиховъ,

Какъ на яву, я видѣлъ предъ собою.
Прочелъ я ихъ одинъ, потомъ прочли со-
мною

Тургеневъ съ Гнѣдичемъ, и Блудовъ, и
Дашковъ.

Потомъ и критику-богиню пригласилъ
Ихъ съ хладнокровиёмъ, ей ероднымъ, про-
читать.

Мы, слушающа ея, стихи твои херили,
Тебѣ же по херамъ осталось поправлять!
Вотъ общій приговоръ богини безпристраст-

«Вашъ Вяземскій прямой поэтъ! [пой:
«Онъ ищетъ простоты, но простоты пре-
красной;

«И вялости въ его стихахъ признакъ нѣтъ.

«Даръ живописи онъ имѣетъ превосходный!

«Природу наблюдать его умѣетъ взоръ!

«Презрѣвши вымысловъ блантательный
уборъ,

«Онъ въ скромной простотѣ, красамъ при-
роды еродной,

«Живописуетъ намъ природы красоты!

«Онъ въ ней самой беретъ тѣ сильныя черты,
«Изъ коихъ создается изображенья».

Такой былъ общій приговоръ!

Потомъ перебирать свободно

Богиня принялась стихи поочередно,

И вышла строгій переборъ!

Послушай и поправь, когда тебѣ угодно!

Благоухаетъ древъ

Трепещущая снѣгъ. Богиня утверждаетъ

[Я повторяю то, поэту не во гнѣвъ],

Что худо дѣлаетъ, когда *благоухаетъ*

Твоя трепещущая снѣгъ!

Переступившее жгъ послѣднюю ступень

На небо влamenteмъ вечернее свѣтило—

Въ прекраснѣйшихъ стихахъ ее пере-
ступило,

Да жалъ, что въ точности пошло на
пути;

Нельзя ль ему опять на небеса взойти,

Чтобъ съ нихъ по правиламъ грамматки
спуститься

Чтобъ было ясно все на небѣ и въ стихахъ?

И скатерть синихъ водъ сравнялась въ

берегахъ:

Равняться въ берегахъ твоихъ ей не
годится

Когда въ *моихъ* она сравнялась давно

Не синей скатертью, а попросту рѣкою

Мой стихъ передъ тобою,

Но красть у бѣдняка богатому грѣшно!

О семь стихъ, гдѣ живописи много:

Кто въ облачной дали конецъ тебѣ

Богиня говоритъ, [прозритъ?

И справедливо, хоть и строго:

Прозрѣть, предвидѣть—все равно!

Прозрѣть намъ можно то одно,

Что не сбылось еще, чему лишь можно
сбыться;

Итакъ, сіе слово не можетъ пригодиться

Къ *концу рѣки!* Онъ есть давно, хотя
и скрытъ.

Ты вмѣсто вялаго словечка *различитъ,*

Велколѣнное *прозритъ* вконецъ не къ
мѣсту;

И безобразную съ нимъ сочетать невѣсту:
И неподвижный взоръ окованный

Какъ хочешь стой, по онъ въ жестокомъ
положенъ! *стоитъ!*

Изъ одинакихъ весь сей стихъ лоскутьевъ
снять:

Стоитъ, оковы, недвиженъе—
Одно! Такой халатъ читателя смѣшить!
*Огромныя суда въ медлительномъ на-
рень:*

Запрещено, мой другъ— и печѣмъ посо-
бить!—

Указомъ критикѣ *судамъ* твоимъ *парить:*
Имъ предоставлено смиренное *теченье;*

А странное: *столбы на нихъ—*
Простымъ словомъ: *и мачты ихъ*

Сама своей рукой богиня замѣнила!
По тѣ твои стихи она лишь похерила,

Въ которыхъ ты, *внимая гласу воли,*
Намъ говоришь: *люблю мать рыво*

чолнъ
По *ропотнымъ* твоимъ *зыблѣмъ* и *серд-*
цемъ *весель,*

Подъ шумомъ дружннхъ *всѣхъ*
И прочее: *зво... чолнъ*—ей неприятный
звукъ.

А *всѣхъ* рѣма ли на *весель,* милый другъ?
Жаль! Видь послѣдній стихъ разительно
прекрасен!

Воображенію онъ сильно говорить;
По рѣма вздорная коется и брызжитъ!
Какъ быть? Она десноть, и гнѣвъ ея ужа-
сень!

Нельзя ли рѣму намъ другую приискать.
Не опасаяся, чтобъ вздорщицу смутили,
И также, чтобы насъ *воздушными мечты,*
А не тяжелыя *затяны* *всѣлили?*

По паше дѣло—*херъ!* Поправки дѣлай ты.
Пока ты ирѣ крутыхъ!—не лучше ли
пещеры?

Воспрянувшихъ дубравъ!—развѣсь-
стыхъ дубравъ,

Или *проснувшихся!* Слова такой же мѣры,
А лучше! Въ этомъ вкусъ богини нашей
правъ!

Воспрянувшихъ, мой другъ, понятно,

Всѣ прочее прекрасно! [да не ясно.
Но я бѣ весьма желалъ, чтобъ *своды*
гласъ забавъ

Не галлицизмами окрестности *втыряли,*
А русскимъ языкомъ *волнамъ передавали.*
Младое плыне ихъ—прекрасная черта!
Ихъ слава ясная, какъ вода твоихъ
зерцало!

Стихъ сильный, а нельзя не похерить
начало!

Поставь, прошу тебя: *и слава ихъ чиста,*
Чтобъ слѣдующимъ тремъ былъ способъ
пріютиться.

О двухъ другихъ стихахъ—прекрасныхъ,
слова нѣтъ—

Ни я, ни критика не знаемъ, какъ рѣ-
нитъея:

Въ нихъ тьма, но въ этой тьмѣ сврывается
поэтъ!

Гремящихъ буръ боецъ, онъ ярости
упорной!

Смѣется, опершись на брегъ ему по-
корной!

Боецъ не то совсѣмъ, что ты хотѣлъ сказать.
Твой *геній, буръ боецъ* есть просто *буръ*
служитель,

Наемный ихъ боецъ; а мнѣ бѣ хотѣлось знать,
Что онъ ихъ *побѣдитель!*

Нельзя ли этотъ стихъ хоть такъ перемарать:
Презритель шумныхъ буръ, онъ злобъ
ихъ упорной!

Смѣется, опершись на брегъ ему по-
корной?

Презритель—повое слово; по признаюсь:
Не примешь ты его, я самъ принять рѣшусь!
Твоей, мой другъ, *Отидѣ...*

Я радъ бы изъ стиховъ дорогу указать.
Вълучину *Каспій* приличнѣй бы сказать.
Сравненіе полей, и Каспій не въ обидѣ!

А *блнъ вноющийся ручья*—
Неловко, власть твоя;

Я бѣ смѣло написалъ: *журчащую въ*
дубравъ.

Спроси о томъ хоть музу ты свою,
Вноющийся идетъ не къ *блнъ,* а къ *ручью.*
Вотъ все!.. Согласенъ будь или нѣтъ, ты
въ полномъ правѣ!

Ю. А. НЕЛЕДИНСКОМУ-МЕЛЕЦКОМУ.

Друзья, стакапъ къ стакану!
 Парнаса капитулу
 Я, рядовой поэтъ,
 Желая многихъ лѣтъ!
 Безсмертье ужъ имѣеть
 За пѣсни онъ давно,
 И, въ свой чередъ, оно
 За жизнью поспѣеть!
 Но въ свѣтъ будетъ онъ
 Жить долго памъ на радости!
 Ему Анакреонъ
 Души веселой младость
 Съ струнами завѣщаль!
 Хотъ Кронъ и насчиталъ
 Ему съ тремя годами
 Ужъ полныхъ шестьдесятъ!
 Но все подъ сѣдинами
 Глаза его блестятъ!
 И въ сердце молодое
 Хладъ жизни не проникъ:
 Младой съ нимъ молодъ вдвое!
 Старикъ съ нимъ не старикъ!
 Для бога Аполлона
 Стократъ Анакреона
 Милѣи быть долженъ онъ!
 И чѣмъ Анакреонъ
 Извѣстенъ? Лишь стихами.
 Онъ сладко ѣлъ и пилъ
 И звонкими струнами
 Въ хмелю сквозъ сонъ хвалилъ
 Вино, Кириду, радость
 И быстротечну младость!
 Но такъ ли добръ онъ былъ,
 Какъ нашъ поэтъ безцѣнный?
 Не вѣрится! Пльненный
 Той млой простотой,
 Той нѣжностью родного,
 Съ какой нѣвца молодого,
 Меся, сравнивъ съ собой!
 Забывши санъ и лѣта,
 Онъ былъ товарищъ мой
 При входѣ скользкомъ свѣта:
 За добраго поэта
 Я душу радъ отдать!
 Теперь же хотъ сказать
 Въ задатокъ: многи лѣта!

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

(изъ шиллера.)

Не узнавай, куда я путь склопила,
 Въ какой предѣлъ изъ міра переншла...
 О, другъ, я все земное совершила;
 Я на землѣ любила и жила.
 Нашла ли ихъ? Сбылся ли ожиданья?...
 Безъ страха вѣрь; обманя сердцу нѣтъ;
 Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья
 Изнаю *здѣсь*, сколь *вашиъ* прекрасенъ свѣтъ.
 Другъ, на *землѣ* великое не тицетно;
 Будь твердъ, а *здѣсь* тебѣ не измѣнять;
 О, милый, *здѣсь* не будетъ безответно
 Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни
 взглядъ.
 Не унывай: минувшее съ тобою;
 Незрима я, но въ мірѣ мы одною;
 Будь вѣрнѣ мнѣ прекрасною душою;
 Сверши *одинъ* начатое *вдвоемъ*.

Н О Ч Ь.

Уже утомившійся день
 Склопился въ багрянца воды,
 Темнѣють лазурныя своды,
 Прохладная стелется тѣнь;
 И почъ молчаливая мирно
 Пошла по дорогѣ эфирной,
 И Гесперь летить передъ ней
 Съ прекрасной звѣздой своей.
 Соиди, о небесная, къ памъ
 Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
 Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
 Дай мира усталымъ сердцамъ.
 Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
 Своимъ усыпительнымъ нѣшемъ,
 Тонимую душу тоской,
 Какъ матеръ дитя, успокой.

И Ъ С Н Я.

Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?
 Прошлою весной
 Здѣсь поилъ ее потокъ
 Свѣжею струею?..
 Нѣтъ ея; весна прошла,
 И фіалка отцвѣла.
 Розы были тамъ въ сѣни
 Рошницы тѣпистой;

Оживляли долъ опи
 Красотой душистой...
 Лѣто быстрое прошаю,
 Лѣто розы унесло.
 Гдѣ фіалку я видалъ,
 Тамъ потокъ игривой
 Сердце въ думу погружалъ
 Струйкой говорливой...
 Пламень лѣта былъ жестокъ;
 Истощенный смолкъ потокъ.
 Гдѣ видалъ я розы, тамъ
 Ронцида, бывало,
 Въ зной пріютъ давала намъ...
 Что съ пріютомъ стало?
 Вѣтръ осенній бушевалъ,
 И пріютный листъ опалъ.
 Здѣсь перѣдко по утрамъ
 Мнѣ пѣвецъ встрѣчался,
 И живымъ его струнамъ
 (Отзывъ откликался...
 Нѣтъ его; пѣвецъ увялъ;
 Съ нимъ и отзывъ замолчалъ

П Ъ С Н Я.

Итичкой пѣвицею
 Быть бы хотѣлъ;
 Съ юной депшицею
 Я бѣ прилетѣлъ
 Первый къ твоимъ дверямъ;
 Въ нихъ бы порхнулъ,
 И къ молодымъ грудямъ
 Милой прильнулъ.

Будь я сіяніемъ
 Дневныхъ лучей,
 Снятый съ пыланіемъ
 Яркихъ очей,
 Щеки бѣ румяны
 Жарко лобзалъ,
 Въ перси бы рдяны
 Вкравшись, пылалъ.

Если бѣ я сладостнымъ
 Былъ вѣтеркомъ,
 Вѣянъ радостнымъ
 Тайно кругомъ
 Милой леталъ бы я;
 Съ доловъ, съ луговъ

Къ ней привѣвалъ бы я
 Запахъ цвѣтовъ.

Сталь бы я, сталь бы я
 Эхомъ лѣсовъ;
 Все повторялъ бы я
 Милой: *любовь*...
 Ахъ! по напрасное
 Я загадалъ;
 Тайное, страстное
 Кто выражалъ?.

Итичка, небесный цвѣтъ,
 Бѣгъ вѣтерка,
 Эха лѣной привѣтъ
 Издалека
 Быстры, по ясное
 Намъ безъ рѣчей,
 Тайное, страстное
 Все ихъ быстрый.

ПѢСНЬ РУССКОМУ ЦАРЮ

отъ его воиновъ.

Гряди, нашъ *царь*, твоя дружба
 Благословляетъ твой возвратъ;
 Вселенной рѣшепа судьбина,
 И испровергнуть супостатъ.
 Гряди, гряди къ страшѣ своей,
 Нашъ *царь*, нашъ славный вождь царей

Къ его стопамъ мечи кровавы;
 Къ его стопамъ и шлемъ и щитъ;
 Его главу да знамя славы
 При кликахъ славы обѣнитъ;
 Ему вѣнцы готовьте въ дань—
 Рѣшившему святую брань.

Нашъ *царь*, въ отчизну съ поля чести
 Твою мы славу принесли;
 Вотъ громъ, твоей свершитель мести;
 Вотъ знамена еще въ пылу;
 Вотъ нашей вѣрности алтарь;
 Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и царь!

Младый наследникъ полвселенны—
 Межъ насъ впервой ты мечъ пріялъ;
 Нашъ *царь*—ко брани ополченный,
 Ты путь намъ къ славы указалъ;
 Нашъ вождь—ты былъ предтечей намъ
 Вездѣ во сраженіи врагамъ.

Скажи жѣ, о вождь, гдѣ нзмѣнилась

Твоя дружина предъ тобой?
 Погибель насъ пожрать стремилась—
 Ее отбилъ нашъ твердый строй.
 Намъ взоръ *царя*, какъ Божій лучъ,
 Свѣтлалъ на мглѣъ громовыхъ тучъ.

Ко мщенью ты воззвалъ народы;
 Ты спасъ владычество царямъ;
 Ты знамена святой свободы
 Покорнымъ даровалъ врагамъ;
 И твой покрывъ вселенну щить;
 И брань окованна молчать.

Отъ Имана до океана
 Твоихъ трофеевъ славный рядъ;
 И гдѣ парилъ орелъ тирана,
 Тамъ днесь твои орлы парять;
 И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
 На брань и бунтъ наводитъ страхъ.

Но кто на Русь твою возстанеть?
 Противныхъ нѣтъ полкамъ твоимъ;
 Твой страшный гнѣвъ съ престола грянетъ,
 И сѣверъ грянетъ вельдъ за нимъ;
 И, казни вѣстникъ, грозный страхъ,
 Враговъ умчить, какъ дымъ и прахъ.

Гряди, нашъ *царь*, твоя дружина
 Благословляетъ твой возвратъ;
 Вселенной рѣшена судьбина,
 И ниспровергнуть супостатъ.
 Гряди, гряди къ странѣ своей,
 Нашъ *царь*, нашъ славный вождь царей.

С Л А В Я Н К А .

элегія.

Славянка тихая, сколь токъ пріятель твой,
 Когда, въ осенній день, къ твои глядятъ
 Холмы, одѣтые послѣднею красой [воды
 Полуотцвѣтшія природы!

Снѣгу къ твоимъ брегамъ... сводъ неба
 тихъ и чистъ;
 При свѣтѣ солнечною прохлада повѣваетъ;
 Послѣдній запахъ свой осыпавшійся летъ
 Съ осенней свѣжестью сливаетъ.

Иду подъ рощею пзлучистой тропой;
 Что шагъ, то новая въ глазахъ моихъ кар-
 тина!

То вдругъ, сквозь чащу дровъ, мелькаетъ
 предо мной,
 Какъ въ дымѣ, свѣтлая долина;

То вдругъ исчезло все... окрестъ сгустилася
 лѣсъ;
 Все дико вокругъ меня, и сумракъ и молчанье;
 Лишь изрѣдка, струей сквозь темный сводъ
 древесъ
 Прокравшись, дневное сіянье

Верхи поблескые и корни золотить;
 Лишь, сорвавшъ вѣтерка минутнымъ дуно-
 веньемъ,
 На сумракъ листовъ трепещущій блестятъ,
 Смущая тишину паденьемъ...

И вдругъ пустынный храмъ въ дачи пе-
 редо мной;
 Заглохшая тропа; кругомъ кусты сѣдые;
 Между багряныхъ лицъ чернѣтъ дубъ гу-
 И дремлютъ ели гробовыя. [стой

Вспоминанье здѣсь унылое живеть!
 Здѣсь, къ урнѣ преклонясь задумчивой
 главою,
 Оно бесѣдуетъ о томъ, чего ужъ нѣтъ,
 Съ неизмѣняющей мечтою!

Все къ размышленью здѣсь влечетъ не-
 вольно насъ;
 Все въ душу томное уныніе вселяетъ;
 Какъ будто здѣсь она изъ гроба важный гласъ
 Давно минувшаго внимаеть.

Сей храмъ, сей темный сводъ, сей тихій
 мавзолей,
 Сей факель гаснущій и долу обращенный,
 Все здѣсь свидѣтель намъ, сколь блага
 нашихъ дней,
 Сколь всѣ величія мгновенны!

И нечувствительно съ превратности мечтой
 Дружится здѣсь мечта безмертія и славы:
 Сей витязь, на руку склонившійся главой;
 Сей громоносецъ двоеславый,

Подъ шуйцей твердою сѣдиціи на щитѣ;
 Сія печальная семья кругомъ царицы;
 Сіи небесные друзья на высотѣ,
 Младые спутники денницы...

О! сколь они, въ виду сей урны гробовой,
 Для унывающей души краснорѣчивы:

Тоскуя ль полетить она за край земной—
Тамъ всё утраченные живы!

Бъ землѣ ль поклонить взоръ— великій
рядъ чудесъ:

Борьба за честь; народъ, покрытый блескомъ
славнымъ;

И мѣръ, воскреснувшій по маію небесъ,
Спокойный подъ щитомъ державнымъ!..

Но вдругъ меня опять свѣтлѣетъ частый
лѣсъ;

Опять рѣка вдали мелькаетъ средь долины,
То въ свѣтъ, то въ тѣни, то въ ней ла-
зурь небесъ,
То обращенныхъ древъ вершины.

И вдругъ открытая равнина предо мной:
Тамъ мыза, блескомъ дня подъ рощей оза-
Спокойное село надъ ясною рѣкой, [ренна;
Гумно и шива обнажена.

Все здѣсь оживлено: съ овинновъ дымъ сѣдой
Клубяся, по браздамъ ложится и рѣдѣетъ,
И нива подъ его прозрачной пеленой
То померкаетъ, то свѣтлѣетъ.

Тамъ слышенъ на току согласный стукъ
цѣповъ;

Тамъ пѣня пастуха и шумъ отъ стада
бѣгунчихъ;

Тамъ медленно, скрипя, тащится рядъ во-
зовъ.

Тяжелый грузъ споновъ везунчихъ.

Но солнце катится безнойное съ небесъ;
Окрестъ него закатъ спокойно пламенѣетъ;
Завѣсой огненной подернуть дальній лѣсъ;
Востокъ безоблачный синѣетъ.

Спускаюсь въ доль къ рѣбѣ: брегъ темень
падо мной,

И па воды легли деревъ кудрявыхъ тѣни;
Противный брегъ горитъ, осыпанный зарей;
Въ волнахъ блеститъ прибрежны сѣни;

То отраженный въ нихъ сіяетъ мавзолей;
То холмъ муравчатый, увѣчанный древами;
То ива дряхлая, до свиншихъ корпей
Склонившіеся гибкими вѣтвями,

Сѣплетую главу купаетъ въ ихъ струяхъ.
Здѣсь храмъ между березъ и яворовъ мель-
каетъ;

Тамъ лебедь, притаеся у берега въ кустахъ,
Недвижимъ въ сумракѣ сіяетъ.

Вдругъ гладкимъ озеромъ является рѣка!
Сколь здѣсь ея бреговъ пѣлительна картина!
Въ лазоревый кристаллъ сліяся вокругъ чел-
Яснѣетъ вода ея равнина. [шока,

Но гаснетъ дещь... Въ тѣни склонился лѣсъ
къ водамъ;

Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихимъ ихъ верхамъ
Заря багряной полосой;

Лишь ярко заревомъ восточный брегъ
облито;

И пышный домъ царей на скатѣ озлащен-
номъ,

Какъ исполнитъ, глядясь въ зеркало водъ,
Въ величїи уединенномъ. [блеститъ

Но вечеръ на него покровъ накиннулъ свой;
И рощи и берега, смѣшавшись, поблѣднѣли;
Послѣдніи облака, блиставшіи зарей,
Съ небесъ, потухнувъ, улетѣли.

И воцарилася повсюду тишина!
Все спать... лишь изрѣдка въ далекой тѣмѣ
промчитея

Невнятный гласъ... или колыхнется волна...
Иль сонный листъ зашевелится.

Я на берегу одинъ... Окрестность вся мол-
чить...

Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою.

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный
кровъ;

Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ
слышитъ:

Какъ бы эфирное тамъ вѣетъ межъ листовъ,
Какъ бы невидимое дышетъ;

Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корою,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною,
Душа незримая подъземлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душою!

И пѣкто уриѣ сей безмолвный приѣдитъ;
И, мпитея, на меня вперилъ онъ темны очи;
Везъ образа лицо, и зракъ туманный слить
Съ туманнымъ мракомъ полуочи.

Смотрю... и, мнѣя, все, что было жертвой
 лѣтъ,
 Опять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
 И все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ ней
 нѣтъ,
 Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ!

Но гдѣ онъ?.. Скрылось все!.. лишь только въ
 тишинѣ
 Какъ бы знакомое мнѣ слышится призванье,
 Какъ будто гений путь указываютъ мнѣ
 На неизвѣстное свиданье.

О! кто ты, тайный вождь? Душа тебѣ вослѣдъ!
 Скажи: безсмертный ли предѣловъ сихъ хра-
 питель,
 Или гость минутный ихъ? Скажи: земной ли
 Или небеса твоя обитель?.. [свѣтъ,

И ангелъ отъ земли въ сіяньѣ предо мной
 Взлетаетъ! на лицѣ величіе смиренья;
 Взоръ къ небу устремленъ; надъ юною главою
 Горитъ звезда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сынъ небесъ!
 Младая жизнь въ слезахъ простерта предъ
 тобою...

Но гдѣ я?.. Все вокругъ молчить... призракъ
 И небеса покрыты мглою. [исчезъ,

Одна лишь смутная мечта въ душѣ моей:
 Какъ будто мѣръ земной въ ничто преобра-
 тилась;

Какъ будто та страна знакомѣй стала ей,
 Куда сей чистый ангелъ скрылся!

СТА И С Ы.

Можно ль въ жизни молодой
 Средце мучить лживой тѣнью?
 Нѣтъ, считай мечту мечтой,
 Остальное жъ—Провидѣнью!

Въ бурю въ легкомъ челнокѣ,
 Окруженный тучи мглою,
 Илылъ младенецъ по рѣкѣ,
 И несло челнокъ волною!

Буря вдругъ него кипитъ—
 Чолпъ ужасно колыхаетъ—
 Беззаботно онъ сидитъ
 И весломъ своимъ играетъ.

Волны брызжутъ на челнокъ—
 Отъ веселыми глазами
 Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
 Какъ цвѣтокъ кружить волнами.

Чолпъ, ударяеъ у береговъ
 Объ утесы, развалился,
 И на брегѣ межъ цвѣтовъ
 Мореходецъ очутился.

Чолпъ забыть!... А гибель страхъ?
 Ихъ невинность и не знаешь!
 Улыбаясь, на цвѣтахъ
 Мой младенецъ засыпаетъ!

Вотъ примѣръ! Безъ страха въ свѣтъ!
 Пусть гроза, пускай волнение;
 Намъ погибели здѣсь нѣтъ!
 Править чолпъ нашъ Провидѣнье!

Здѣсь стезя твоя вѣрна!
 Меньшй, чѣмъ другимъ, опасна!
 Жизнь красой души красна—
 А твоя душа прекрасна!

КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ДАМѢ,

въ отвѣтъ на лестную отъ нея похвалу.

Хвала стихи пѣвца, ты насъ сама плѣ-
 гармоніей стиховъ; [ицель
 И, слава скудный даръ его, лишь убъ-
 ждаешь,
 Что твой, а не его родной языкъ боговъ.

ИРИНѢ ДМИТРИЕВНѢ ПОЛТОРАЦКОЙ.

(при посылкѣ стихотвореній въ первомъ изда-
 нии 1815 г.).

Пѣвцомъ невинности, любви и красоты
 Назвалъ меня поэтъ, къ стихамъ моимъ
 пристрастной.
 Когда бъ владѣлъ его я лирой сладкогласной,
 Когда бъ моихъ стиховъ была предметомъ
 ты—
 Я пѣлъ бы, все забывъ, однимъ собой
 счастливой,
 И былъ бы нареченъ отъ славы справед-
 ливой:
 Пѣвцомъ невинности любви и красоты.

1814—1816.

ПѢВЕЦЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

ПѢвецъ.

Бѣгите въ Кремль! На холмѣ томъ,
Гдѣ пѣли наши дѣды
Побѣдну пѣшь предъ Божествомъ,
Мы грянемъ пѣсню побѣды!
Зовесть Кремля священный гласъ,
Какъ древо вѣстникъ славы;
Съ его высотъ глядитъ на насъ
Орелъ нашъ двоголовый!
Бѣгите въ Кремль и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья,
Объемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часть свиданья.

Народъ.

Бѣгите въ Кремль и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья,
Объемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часть свиданья!

ПѢвецъ.

О, Кремль отеческій! твой прахъ
Лобзаемъ въ умиленьѣ!
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное мщенье
Слѣдъ черныи впечатлѣно свой!
Казня въ безумствѣ камень,
Губитель трещетной рукой
На нихъ свой бросилъ пламень.
«Не будь Кремля!» презрѣвъ злодѣй;
Но Кремль стоитъ священный;
Вспылалъ лишь древній домъ царей,
Убийцей оскверненный.

Но ты, дари вѣнчавшій храмъ!..
Рукой небесъ хранимый,
Свѣтлый вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый!
И ты, царей минувшихъ прахъ,
Твой сонъ не возмутился,
Когда въ пожарѣ и громахъ
Духъ злобы разразился
Надъ тихой сѣню твоею!..
О, нашъ Сіонъ священный,
О, Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

Народъ.

О, нашъ Сіонъ священный,

О, Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

ПѢвецъ.

Съ хвалою первой къ Богу силъ,
Друзья, подыmemъ длани!
Онъ здѣсь, въ Кремлѣ, себя явилъ
Ужаснымъ богомъ брани;
Онъ, въ заревахъ по небесамъ
Надъ рдѣющей Москвою
Промчавшись, сталъ въ лицо врагамъ
Карающей бѣдою.
Онъ въ дымъ Москвы себя облетъ,
И знаменіемъ мести,
Какъ предъ Израилемъ, потекъ
Передъ полками чести!

И славою ему вослѣдъ
Шумѣли ихъ знамена;
При звучномъ кликѣ ихъ побѣдъ
Распались цѣпи плѣна;
На брань пошли рука съ рукой
Владыки и народы;
И грянулъ страшный Божій бой,
И гимнъ его свободы!..
Греми жъ торжественно въ Кремль
Днесь: «Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И Вѣчному держава!»

Народъ.

Греми торжественно въ Кремль
Днесь: «Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И Вѣчному держава!»

ПѢвецъ.

Тебѣ Россію, царь земли!
Народъ твой уповастъ!
Прими ее и повели,
Да славою процвѣтастъ!
Да сила, ипоземнымъ страхъ,
Брежеть ея предѣлы;
Да на святыхъ ея поляхъ
Сіяетъ мнръ веселый;
Да правовъ древнихъ чистотой
Союзъ семей хранится;
Да въ нихъ съ невинной прѣстотой
Свѣтъ знаній водворится!

О! повели, чтобъ нашъ орелъ,
Веселеной стражъ могучій,
Спокоенъ на громахъ сидѣлъ;

А въ брани вражьей тучи,
Какъ пылъ, грудью пробивалъ,
И подъ небесныя своды
Всегда при кликахъ возлеталъ
Спасенья и свободы!
Вели, да восшумятъ моря
Подъ русскими рулями,
И слава русскаго царя
Восцарствуй надъ водами!

Вели, да помнитъ славянннхъ,
Что онъ насгбдникъ славы,
Что онъ великихъ предковъ сынъ,
Которыхъ мечъ кровавый
И древле былъ противнымъ страхъ!..
Друзья! отцы предъ нами!
На тѣхъ же мы цвѣтемъ поляхъ,
Подъ тѣми жъ небесами,
Гдѣ чада славы расцвѣли;
Предъ нами та жъ дорога,
Но коей дѣды протекли
За Русь, царя и Бога!..
О, Русь! да нашъ языкъ прильнетъ
Иссохнувшій къ гортани!
Да крѣпость древняя снадетъ
Съ увядшей нашей длани,
Когда престанешь ты для насъ—
И въ часъ борьбы кровавой,
И въ ночь, и въ день, и въ смертный часъ—
Быть радостью и славою!..
А Ты, Всевышній, нашъ обѣтъ
Прими въ Твою десную,
И горней благодати свѣтъ
Пролей на Русь святую!

Народъ.

Прими, Всевышній, нашъ обѣтъ,
Прими въ Твою десную!
И горней благодати свѣтъ
Пролей на Русь святую!

Пѣвецъ.

Храни царя! царю пошли
Твое благословенье!
Ему все радости земли!
Тебѣ жъ благодаренье
За царственную высоту
Его души благія;
За чистой славы красоту,
Въ какой имъ днесъ Россія;

За первенство среди царей,
Огъятое не бранью,
Но некупленіемъ людей
И миротворной дланью;
За твердое презрѣнье бѣдъ;
За благодать въ правой мести;
За кротость на верху побѣдъ
И вѣрность царской чести;
За блескъ, въ какомъ умѣлъ лвить
Онъ доблесть славянина;
За сладкій жребій нашъ: любить,
Какъ друга, властелина—
О, всемогущій Царь земли,
Тебѣ благодаренье!
Храни его, ему пошли
Твое благословенье!

Храни его! то обіцїи кликъ
Съ Кремлевскія вершины!..
И угасающей старикъ,
Въ виду своей кончины
Молящій ясныхъ дней сынамъ;
И брани сынъ ретивый,
Привыкшій, къ тремету врагамъ,
Знамена горделивы,
Царемъ ведомый, воздвизать;
И юпоша цвѣтущій,
Минуты славою заблестать
Въ волненьѣ сердца ждущій;

И безмятежный селянинъ,
Воспитанникъ природы;
И смѣлый просвѣщенья сынъ,
Алкающій свободы
Воспламенить во благо свой
Свѣтильникъ вдохновенный—
Все, все съ молитвою одной
Къ Тебѣ, Царю вселенны:
Твою щедроту посели
Надъ царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И трона красотою!

Народъ.

Твою щедроту посели
Надъ царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И трона красотою!

Пѣвецъ.

Тебѣ спасительную рать!

Тебѣ вождей спасенья!
 На нихъ да снудеть благодать!
 На нихъ благословенья
 Съ Кремлевскихъ благодарныхъ стѣпъ!
 Ихъ груди, какъ твердыни,
 Отъ пастъ отбили срамъ и плѣтъ,
 И бѣшенство гордыни!
 Москва! они твоимъ стѣпамъ
 Рекли: «одѣньтесь въ пламень!
 Взлетите гибелью врагамъ!
 Будь ратникъ—каждый камень!»
 И мщенье—грозный ихъ обѣтъ!
 Ему не измѣнили!
 Твоей дружной, царь побѣдъ,
 Они себя явили!
 Безтронетны сквозь зной и хладъ,
 Сквозь пепельны пустыни,
 Пронзая силой сильныхъ рядъ,
 Перунами твердыни,
 На мышцу мышцу, грудь на грудь,
 И брань самой природѣ,
 Кровавый протоптали путь
 И чести и свободѣ!
 Вездѣ, во славу Бога силъ,
 Воздвиглись ихъ знамена;
 Орелъ свободныхъ—раздробилъ
 Ора рабовъ, и Ссна,
 Послышавъ громъ ихъ, чрезъ поля
 Помчала обновленье—
 И за развалины Кремля
 Парижу мзда: спасенье!
 И се! на родину стеклись!
 Въ погнахъ ужъ мечъ кровавый!..
 О, Кремль священный, оживись!
 Яви имъ пепель славы!
 Стекитесь, чада и отцы,
 Младья дѣвы, жены,
 На ихъ главы надѣтъ вѣнцы,
 Ихъ увѣнчать знамены,
 Съ рамень могучихъ снять щиты,
 Принять изъ рукъ ихъ громы,
 Узрѣтъ возлюбленны черты,
 Услышать гласъ знакомый!
 Се на Кремлевской высотѣ,
 Еще подъ прахомъ брани,
 Стоять въ смиренной красотѣ,
 И къ вамъ простерли длани...

Благославляемъ вашъ возвратъ
 Въ отчизну съ поля чести!
 Сятое титло вѣрныхъ чадъ
 Цѣной кровавой мести,
 Цѣною ранъ купили вы!..
 Здѣсь, на скалѣ пожарной,
 На ваши бодрья главы
 Рукою благодарной
 Отчизна славная кладеть
 Печать любви и славы,
 И слезы нецѣнаеья леть
 На рапы ихъ кровавы!..
 На нихъ, на нихъ Твой крѣпкій щитъ
 Склони, о, Вседержитель!
 Да и предъ мирными дрожатъ.
 Какъ въ бранный день, губитель!
 Народъ.
 На нихъ, на нихъ Твой крѣпкій щитъ
 Склони, о, Вседержитель!
 Да и предъ мирными дрожатъ,
 Какъ въ бранный день, губитель!
 Пѣвецъ.
 Простри, Всевышній, длань Твою
 На бранныхъ спомъ почившихъ,
 За Русь главы свои въ бою,
 За правду положившихъ!
 Введи ихъ въ ту безсмертну сѣнь,
 Гдѣ миръ Твой обитаетъ,
 Да Твой незаходимый день
 Имъ радостью сіетъ;
 Да тамъ для нихъ о жизни еси
 Живеть воспоминанье;
 Да будутъ родины своей
 И щитъ и уюванье!
 Друзья! съ молитвою о немъ,
 О старцѣ, о великомъ!..
 О, нашъ герой! когда съ мечомъ,
 Съ покойнымъ свѣтлымъ ликомъ,
 Во храмъ, объ руку царя,
 Младый подъ сѣдинами,
 Передъ святыней алтаря,
 Внимаемъ небесами,
 Обѣтъ спасенья ты изрекъ,
 Мы мнили, ослѣпленны—
 Забывъ, что вождъ нашъ человекъ—
 Что дни твои пелѣнины!
 И гдѣ же ты, о вождъ побѣдъ?
 Мы гимнъ поемъ спасенья:

Почто жь снасителя здѣсь ибѣтъ?
 На праздникъ Провидѣнья
 Мы пышѣ въ Кремль своей притекли...
 А нашъ герой не съ нами!
 Здѣсь громы вражески въ нѣми
 Безмолвными ридами;
 Здѣсь ихъ разбитые щиты,
 Ихъ знамена кровавы;
 Здѣсь наша слава!.. гдѣ же ты,
 Создатель нашей славы?...
 Друзья! сей день да освятитъ
 О немъ воспоминаше;
 Да къ тѣни бранной долетитъ
 Отчества призванье!
 На верхнихъ славы ступеняхъ
 Ему рука судьбыны,
 При блескѣ молвій, при громахъ,
 Постлала одръ кончины!
 На немъ простертъ, оль угасалъ,
 Какъ вечеръ свѣтозарной
 И, угасающій, внималъ
 Отчизнѣ благодарной...
 Почій же въ славу, нашъ герой!
 Да при твоей гробницѣ
 Архистратигъ, соратникъ твой,
 Съ мечомъ небесъ въ десницѣ,
 Стражъ пѣла твоего, сѣдитъ!
 Предъ ней, неугасимый,
 Да пламеникъ любви горитъ,
 Отчизною хранимый!
 И будь сей огнь священный знакъ,
 Что свыше Провидѣнье
 На Русь, сквозь самый бѣдствій мракъ,
 Сіяетъ во спасенье!
 И вы, которыхъ бурный бой
 Похитилъ средь полета,
 Вы, быстро за рубежъ земной
 Утекшие изъ свѣта,
 Друзья! благословенье вамъ!
 Вы пали за отчизну!
 И здѣсь, прискорбная, сынамъ
 Она свершаетъ тризну!
 И Кремль ея преобращенъ
 Въ алтарь благодаренья!
 На немъ былъ первый воспаленъ
 Свѣтильникъ Провидѣнья!
 Вы, въ память чадамъ позднихъ лѣтъ,

Своимъ геройскимъ прахомъ
 Спасенный одарили свѣтъ!
 И врагъ свободы съ страхомъ
 Отъ зеленѣющихъ холмовъ,
 Гдѣ пепель вашъ храпится,
 Какъ отъ карающихъ боговъ,
 Смятенный, отстранился!
 Они народамъ будутъ вѣсть,
 Сколь шатки зданья силы—
 Вы проновѣдовать имъ: *честь!*
 Оставили могилы.
 Здѣсь все въ воспоминаше вамъ!
 Сей пиръ Кремля священный;
 Сей гимнами гремящій храмъ;
 Сей градъ, за честь сожженный;
 И сей народъ, толпа семей,
 Лягующихъ въ покоѣ—
 Все вы! все намъ отъ вашихъ дней
 Наслѣдіе святое!..
 Простри жь, Всевышній, длань Твою
 На браннымъ спомъ почившихъ,
 За Русь главы свои въ бою,
 За правду положившихъ!
 Народъ.
 Простри, Всевышній, длань Твою
 На браннымъ спомъ почившихъ,
 За Русь главы свои въ бою,
 За правду положившихъ.
 Пѣвецъ.
 Тебѣ Россія вѣрныхъ чадъ,
 Подпоръ могучихъ трону!..
 О! какъ ихъ двинулъ царскій взглядъ
 Отчизнѣ въ оборону!
 Летятъ! огню дома, поля!
 Перунамъ грудь и длани!
 И грозно Русская земля
 Встаегъ гигантомъ брани!
 Гремитъ ея призывный питье...
 И, гнѣвомъ мести рдѣя,
 Войной Иртышъ и Допь шумитъ,
 Войной—скалы Рифея!
 Калмыкъ, башкиръ, черкесъ и финнъ
 Къ знаменамъ побѣжали,
 И всею оградой изъ дружинъ
 Кругомъ престола стали!..
 Гдѣ жь врагъ?... о, Русская земля!
 Готовъ твой пиръ священный!
 И се! на высотѣ Кремля

И селянинъ смиренный,
 И вѣрный славныхъ предковъ сынъ,
 И алтара служитель,
 Къ тебѣ, ликуя, гласъ единъ
 Возносятъ, Вседержитель!

Вы, чада бодрственныхъ сыновъ,
 Потомки знаменитыхъ!
 Близъ ихъ изрубленныхъ щитовъ,
 Близъ ихъ кольчугъ разбитыхъ,
 Свои кольчуги и щиты
 Повѣйте въ отчемъ домѣ;
 На нихъ чудесныхъ дѣлъ черты,
 Для чады, при браниомъ громѣ,
 Мечомъ кровавымъ врѣзалъ врагъ!
 Пускай на ихъ обломкахъ
 Хранится повѣсть объ отцахъ
 Великая въ потомкахъ!

Вамъ подвигъ новый предлежитъ:
 Величіе въ покоѣ!
 Да сладкій миръ не измѣнитъ
 Васъ, неизмѣнныхъ въ боѣ!
 Да вокругъ васъ тишина цвѣтеть,
 Устройство и свобода;
 Да вамъ покорная даетъ
 Сторичну дань природа!
 Къ зеркалу—совѣтъ и законъ;
 Въ семействѣ—чисты нравы;
 Безъ рабства вѣрность—передъ тропь;
 Предъ Бога—души правы!

Ты жъ, чудо вѣрности, народъ!
 Покорностью могущій,
 Цвѣти! да заградится входъ
 Въ твои смиренны кущи
 Судьбы посланиницамъ—бѣдамъ;
 Да плугъ трудолюбивый
 Даруетъ жизнь твоимъ полямъ!
 Умѣреннымъ счастливый,
 Чуждъ развратительныхъ суетъ,
 Презрѣвъ роскошныхъ пѣгу,
 Теки безнечю черезъ свѣтъ
 Къ счастливѣйшему берегу!

А ты ихъ, Вышній, осѣни
 Отческой рукою!
 Да будутъ благъ Твоихъ они
 Достойны предъ Тобю!
 Народъ.
 Дѣтей, Всевышній, осѣни

Отческой рукою!
 Да будутъ благъ Твоихъ они
 Достойны предъ тобою!

Пѣвецъ.
 Тебѣ народовъ и царей!..
 Да знаешь всякъ властитель,
 Что оны лишь мудрости Твоей
 Безвластный совершитель!..
 Вы, неподвижные въ пыли,
 Невольники могилы,
 Цари—смутители земли!
 Царь—земли свѣтилы!
 Призраки! встаньте изъ гробовъ
 На голосъ, къ вамъ зовущій!
 Кто были вы: друзья боговъ?
 Иль боги всемогущи?

О, пѣтъ! орудіе одно
 Въ десницѣ Провидѣнья!..
 Внимай! внимай! летитъ Оно
 Съ жезломъ міроуправленья
 Надъ темной бездною время,
 И съ вѣчной колесницы
 Судьбы державъ, судьбы племенъ
 Бросаетъ изъ десницы!
 Кто быстрый перемѣнитъ токъ?
 Чья сила? чья упорность?
 Летитъ!.. а намъ Его урокъ:
 «Умѣренность, покорность!»

О! совершися, святой завѣтъ!
 Въ одну семью, народы!
 Цари! въ одинъ отцовъ совѣтъ!
 Будь, сила, шить свободы!
 Духъ благодати, пронесися
 Надъ мирною вселенной,
 И вся земля совокупись
 Въ единый градъ петлянный!
 Въ совѣтъ къ царямъ, небесный Царь!
 Символь имъ: Провидѣнье!
 Тронъ власти, обратися въ алтарь!
 Въ любовь,—повишенье!

Утихни, ярый духъ войны!
 Не жизни истребитель,
 Будь жизни благъ и тишины
 И вѣчныхъ правъ хранитель!
 Ты, мудрость смертныхъ, усмирися
 Предъ мудростію Бога,
 И въ мракѣ жизни озарися,
 Къ небесному дорога.

Будь, вѣра, твердый якорь намъ
 Средь волнъ безвѣстныхъ рока,
 И ты въ перукотворный храмъ
 Свѣти, звѣзда востока!
 Пѣвецъ и народъ.
 Свѣти, свѣти, звѣзда небесъ!
 Къ ней взоры! къ пей желанья!
 Къ ней, къ ней, за тайну сихъ завѣсь,
 Земныя уюванья!
 Тамъ все, что здѣсь плавило насъ
 Явленіемъ мгновеннымъ,
 Что взявъ у жизни смертный часть,
 Воскреснетъ обповлненнымъ!
 Рука съ рукой! вождо вослѣды!
 Въ одну, друзья, дорогу!
 И съ нами въ братскомъ хорѣ, свѣтъ,
 Пой: слава въ вышнихъ Богу!

1816.

С О Н Ъ.

(пѣзъ уланда).

Заснувъ на холмѣ луговомъ,
 Вблизи большой дороги,
 Я унесенъ былъ легкимъ сномъ
 Туда, гдѣ жили боги.

Но я проснулся, наконецъ,
 И смутно озирался:
 Дорогой шелъ молодой пѣвецъ
 И съ пѣвьемъ удалялся.

Вдали пропалъ за рощей онъ—
 Но струны все звенѣли.
 Ахъ! не онъ ли дивный сонъ
 Миѣ на душу напѣля?

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

(пѣзъ уланда).

Куда миѣ голову склонить?
 Покинуть я и сирь;
 Хотѣлъ бы весело хоть разъ
 Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
 Когда-то счастливъ былъ;
 Но горе—спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
 Какъ я ихъ схоронилъ.

Я вижу замки богачей
 И ихъ сады кругомъ...

Моя жъ дорога мимо нихъ
 Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь;
 Моя печаль въ тиши,
 Я веѣмъ веселымъ радъ сказать:
 Богъ помочи! отъ души.

О, щедрый Богъ, не вовсе жъ я
 Тобою позабытъ;
 Источникъ милости Твоей
 Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селенѣ каждомъ есть Твой храмъ
 Съ сіяющимъ крестомъ,
 Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
 Доступнымъ алтаремъ.

Миѣ свѣтитъ солнце и луна;
 Любуюсь на зарю;
 И, слыша благовѣсть, съ Тобой,
 Создатель, говорю.

И знаю: будетъ добрымъ пиръ
 Въ небесной сторонѣ;
 Тамъ буду праздновать и я;
 Тамъ мѣсто есть и миѣ.

СЧАСТІЕ ВО СНѢ.

(пѣзъ уланда).

Дорогой шла дѣвица;
 Съ ней другъ ся молодой:
 Болѣзненны ихъ лица;
 Наполненъ взоръ тоской.

Другъ друга лобызають
 И въ очи и въ уста—
 И снова расцвѣтають
 Въ нихъ жизнь и красота.

Минутное веселье!
 Двухъ колоколовъ звонъ:
 Она проснулась въ кельѣ;
 Въ *торьямъ* проснулся онъ.

М И Щ Е Н І Е.

БАЛЛАДА.

(пѣзъ уланда).

Измѣной слуга паладина убилъ:
 Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убійство ночью порой—
 И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.

И шпоры и латы убища надѣлъ,
И въ нихъ на коня паладинова сѣлъ.
И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ:
Но конь поднялся на дыбы и хранитъ.
Онъ шпоры вопзаетъ въ крутые бока:
Конь бѣшенный сбросилъ въ рѣку сѣдока.
Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается сплъ:
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

ГАРАЛЬДЪ.

БАЛЛАДА.

(изъ уланда).

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что порхаетъ по кустамъ?
Что зыблется въ листьяхъ?
Что палетасть съ вышины,
И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ?
Что пѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?

То Фен... въ легкой хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья ибѣтъ; ужъ все бойцы
Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ:
Въ петлянный съ погъ до головы
Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны
Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вотъ шумить, журчить ручей—

Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.

Но только жажду утолить:
Вдругъ обезсилялъ онъ;
На камень сѣлъ, попякъ главою,
И иструился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ:
Сѣдые кудри, борода;
У погъ конь и щитъ.

Когда жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

ТРИ ПѢСНИ.

БАЛЛАДА.

(изъ уланда).

Сноеть ли мигъ пѣсню веселую скальдъ?
Спросилъ, озираясь, могучій Освальдъ.
И скальдъ выступаетъ на царекую рѣчь,
Подъ мышкою арфа, на поясъ мечъ.

«Три пѣсни я знаю: въ одной старина!
«Тобою, могучій, забыта она;
«Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сложилъ;
«Та пѣсня: *отца моею ты убилъ.*»

«Есть пѣсня другая: ужасна она;
«И мною подъ бурей почной сложена;
«Пою ее ранней и поздней порой;
«И пѣсня та: *бейся, убища, со мной!*»

Онъ въ сторону арфу, и мечъ наголо;
И бѣшенство грозныя лица зажгло;
Запрыгали пскры по звонкамъ мечамъ—
И рухнулъ Освальдъ—голова пополамъ.

«Раздайся жъ, послѣдняя пѣсня моя;
«Ту пѣсню и утромъ и вечеромъ я
«Гремѣть не устану предъ дѣвой любви;
«Та пѣсня: *убища поверженъ въ крови.*»

Н Ъ С Н Я.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?

Шепнулъ души привѣтъ бывалой;

Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ же
 онъ зябнетъ! какъ поеть!
 Что съ нимъ будетъ? земля заперлась и
 негдѣ взять нищи.
 «Гдѣ же (опъ думаетъ) красное солнышко?
 Что не выходить?
 «Или боится замерзнуть? Или и его пѣтъ
 на свѣтѣ?
 «Ахъ! зачѣмъ покидалъ я родимое зер-
 нышко? дома
 «Было мнѣ лучше; сидѣть бы въ пріют-
 номъ теплѣ подъ землею.»
 Дѣтунки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и
 вамъ доведется
 Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ
 трудомъ добывая
 Хлѣбъ свой пасущій, сквозь слезы ска-
 зать въ одинокой печали:
 «Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у ро-
 димой за печкой...»
 Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть
 копецъ; веселѣе
 Будетъ и вамъ, какъ былинчкѣ. Слу-
 шайте: въ ясный день майскій
 Свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на
 горы вышло,
 Смотрить: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ
 нимъ? и крошку цѣлуешь.
 Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ ве-
 селья не помнить.
 Мало-по-малу одѣлся поля муравой и
 цвѣтами;
 Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива,
 и въ полѣ
 Гуще становится рожь, и ячмень, и пше-
 ница и просо;
 Наша былинчка думаетъ: «я назадъ не
 останусь!»
 Катитъ ль! листки распустила... кто такъ
 прекрасно соткалъ ихъ?
 Вотъ стебелекъ показался... кто изъ жл-
 лочки въ жллку
 Чистую влагу провелъ отъ корня до ма-
 ковки сочной?
 Вотъ проглянулъ, налился и качается въ
 воздухѣ колосъ...
 Добрые люди, скажите: кто такъ искусно
 развѣсилъ

Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ,
 шелковыхъ нитяхъ?
 Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки
 къ былинкѣ
 По полю взадъ и впередъ съ благодатью
 небесной летаютъ.
 Вотъ ужъ и цвѣтомъ пѣжрый, зыбучій
 колосикъ осыпанъ;
 Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ
 уборѣ въначальномъ.
 Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ;
 былинка
 Шепчетъ, качая въ раздумьѣ головкой: я
 знаю, что будетъ.
 Смотришь: слетаются мошки, жучки мо-
 лодую поздравить;
 Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ
 ей: *многія лета*;
 Въ сумерки жъ, только-что мошки, жучки
 позаснутъ и замолкнутъ,
 Тапцуютъ въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ
 посвѣтитъ ей въ потемкахъ.
 Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь,
 васъ помилуй.
 Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался,
 и сѣно скосяли;
 Собраны вишни; въ саду ни одной не
 осталось сливки;
 Вотъ ужъ пожали и рожь, ячмень, и пше-
 ницу, и просо;
 Ужъ и на живо собирать боскомъ ребя-
 тишки сходились
 Колосъ оброшенный; имъ помогла тихо-
 молкомъ и мышка.
 Что-то былинчка дѣлаетъ? О! ужъ давно
 пополнила;
 Много, много въ ней зернышекъ; гнется
 и думаетъ: «полно;
 «Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной
 оставаться
 «Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пух-
 лою рѣпой и свеклой?»
 Вотъ съ сернами пришли и Ивашъ, и Лука,
 и Дуныша;
 Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и
 вечеромъ пальцы;
 Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ
 ихъ молотилъ

Съ трехъ часовъ по-утру до пяти попо-
лудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ
возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молотъ; и зернышки стали
муюю;
Вотъ молочка надоила отъ нестрой коровки
родная
Полный горшочекъ; сварила кисель, чтобы
дѣтушкамъ кушать;
Дѣтушки екушали, ложки обтерли, сказали:
спасябю.

КРАСНЫЙ КАРБУНГУЛЬ.

СКАЗКА.

(изъ ГЕВЕЛЯ).

Дѣдушка рѣзалъ табакъ на прилавкѣ; къ
нему подлетѣла
Съ видомъ умильнымъ Луиза. Дѣдушка,
сядь къ намъ, голубчикъ;
Сядь, разскажи намъ, какъ поминишь, когда
сестра Маргарета
Чуть не заснула. Вотъ Маргарета, Луиза
и Лотта
Съ донцами, съ пряжей проворно подѣлалъ
къ огню и прижогли;
Фрицъ, наколовши лучины, придвинулъ
къ подвѣщнику лавку,
Сѣлъ и сказалъ: мнѣ смотрѣть за огнемъ;
а Энни, на печкѣ
Нѣжась, поглядывалъ внизъ и думалъ:
здѣсь мнѣ слышнѣе.
Вотъ, табакъ накрошпвши, дѣдушка вы-
чистилъ трубку,
Туго набилъ, подошелъ къ огоньку, осто-
рожно приставилъ
Трубку къ горячей лучинѣ, раза два
пыкнулъ—струею
Легкій дымокъ побѣжалъ; онъ, пальцемъ
огонь придавивши,
Кровелькой трубку закрылъ и сказалъ:
послушайте, дѣти,
Будетъ вамъ сказка; но съ уговоромъ—
дослушать порядкомъ;
Слова не молвить, пока не докончу; а ты
на печуркѣ
Полно валяться, дѣшнвецъ; онятъ, какъ въ
норѣ, закопался;

Слѣзь, говорятъ. Ну, дѣти, вотъ сказка про
красный карбунгуль.
Знайте: есть страшное мѣсто; на немъ не
падутъ, не сѣютъ;
Болѣ ста лѣтъ, какъ оно густою крапивой
заглохло;
Тамъ дрозды не поютъ, не водятся лѣтнія
пташки;
Тамъ стерегутъ огромныя жабы проклятое
тѣло.
Всѣмъ былъ Вальтеръ хорошъ, и умень,
и проворень; по рано
Сталъ онъ трактиры любить; не пеалтирь,
не молитвенникъ—карты
Бралъ онъ по праздникамъ въ руки, когда
христиане молились.
Часто ругался онъ именемъ Бога такъ
страшно, что вѣдьма,
Сидя въ трубѣ, творила молитву, и звѣзды
дрожали.
Вотъ однажды косматый стрѣлокъ въ зе-
леномъ кафтанѣ,
Молча, смотрѣлъ на игру ихъ и слушалъ,
съ какими божбами
Карту за картой и деньги проигрывалъ
бѣшенный Вальтеръ.
—Ты не уйдешь отъ меня!—проворчалъ,
покосившись, Зеленый.
«Вѣрно рекрутскій наборщикъ?» шепнула
хозяйка, подслушавъ.
Итъ, то былъ не рекрутскій наборщикъ,
узнаете сами,
Только-что женится Вальтеръ и все про-
мытарить на картахъ.—
Гдѣ же, скажите, у Мины былъ умъ?
Изъ любви согласилась
Мина за Вальтера выйти; да! изъ любви...
но къ нему ли?...
Итъ, друзья, не къ нему: къ отцу, къ
матери—имъ въ угожденье.
Слушайте жъ: за день до свадьбы Мина
съ печалью заснула;
Вотъ, ей страшный, пророческій сонъ къ
полночи приснился;
Видитъ, будто куда-то одна идетъ по до-
рогѣ;
Черный монахъ на дорогѣ стоитъ и чи-
таетъ молитву.

«Честный отецъ, подари мнѣ святой образокъ; я невѣста. Вынь мнѣ: что вынешь, тому и со мной неминуемо сбытся.»
 Долго, долго качалъ головою чернецъ; изъ монюнки Гореть образочковъ досталъ онъ.—Сама выбирай—говорить ей.
 Вотъ она вышлала... что жъ ей, подумайте выпулось? Карта.
 — Тузъ бубновый, не такъ ли? Плохо: вѣдь *красный карбункулъ*
 Значить онъ... доля недобрая.—«Правда.»
 Мина сказала.
 — Мой совѣтъ, говорить ей чернецъ, попытаться въ другой разъ.
 Что? Семерка крестовая?—«Правда», сказала, вздохнувши,
 Мина.—Господь защити и помилуй тебѣ!
 Вынь, дружокъ,
 Въ третій разъ; можетъ-быть, лучше удастся. Что тамъ? Червоновый Тузъ?.. Кровавое сердце.—«Ахъ, правда!»
 Мина сказала,
 Карту изъ рукъ урониши.—Послушай, отидай еще разъ.
 Что? Не тузъ ли вишновый?—«Смотри, я не знаю.»—Опъ, точно!
 Ахъ! невѣста, черный заступъ, заступъ могильный;
 Горе, горе! молися, дружокъ: онъ тебя закопаетъ.—
 Вотъ что, друзья, наканунѣ свадьбы пришлось Мнѣ.
 Что жъ, помогло предвѣщанье? Все Мина за Вальтера вышла.
 Мина подумала, Мина сказала: «какъ Богу угодно!
 Семь крестовъ, да кровавое сердце; а послѣ... что жъ послѣ?
 Воля Господня! пусть черный мой заступъ меня закопаетъ».
 Дѣти, сначала было ей сносно: хотъ Вальтеръ и часто
 Нилъ и игралъ, и святыней ругался, и бѣдную мучилъ;
 Но случалось, что, тронутый горемъ ея и слезами,

Опъ утихалъ—и вотъ что однажды сказалъ онъ ей: «слушай;
 Я отъ игры откажусь и карты проклятыя брошу;
 Душу возьми Сатана, какъ скоро хотъ пальцемъ ихъ трону.
 Но отстать отъ вина—и во снѣ не проси; не отстану.
 Плачь и крунися, какъ хочешь; хотъ съ гори умри; не поможешь.»
 Ахъ! друзья, не сдержалъ одного, да сдержалъ онъ другое.
 Вотъ пришелъ онъ въ трактиръ; а Зеленый ужъ тамъ, и тасуетъ
 Карты, сидя за столомъ самъ-третей, и Вальтера кличетъ:
 «Вальтеръ, со мной поподамъ; садись, сыграемъ игорку.»
 — Я не играю, Вальтеръ сказалъ и прива навѣнилъ
 Полную кружку. — «Вадоръ!—возразилъ, сдавая, Зеленый:—
 Мы играемъ не въ деньги, а даромъ; садись, не упрямься.»
 — Что же? (думаетъ самъ въ себѣ Вальтеръ) если не въ деньги,
 То и игра не въ игру... и садитя рядомъ съ Зеленымъ.
 Вотъ бѣлокуренькій мальчикъ къ окну подошелъ и стучится.
 Вальтеръ (кличетъ онъ), Вальтеръ, послушай, выдь на словечко.
 Вальтеръ ни съ мѣста.—Послѣй приди,—говорить онъ.—Что козырь?
 Взятку беретъ онъ за взятой. «Ты счастливъ, замѣтилъ Зеленый.
 Дай, сыграемъ на крейцеръ; бездѣйка!»
 Задумался Вальтеръ.
 — Въ деньги нль даромъ... игра все игра...
 Согласись!—сказалъ онъ.—
 Вальтеръ (кличетъ мальчикъ опять и пуще стучится),
 Выдь на минутку; словечко, не болъ.—
 Отстанъ же, не выду;
 Козырь!.. тузъ бубновый!.. семерка крестовая!.. козырь!—
 Крейцеръ, да крейцеръ, а тамъ, поглядишь, вынимай и дублоны.

Кончивъ игру, Зеленый сказалъ: «Со мною
нѣтъ денегъ.
Хочешь ли? Вотъ тебѣ перстень; возьми:
онъ стоить дороже;
Камень рѣдкій, карбункулъ; въ немъ же
есть тайная сила.»
Въ третій разъ кличуть въ окошко: *видь,*
Вальтеръ, пока еще время.
«Пусть кричить, — Зеленый сказалъ: —
покричитъ и отстанетъ,
Что жъ, возьмешь ли мой перстень? Бери,
въ убытокъ не будешь.
Знай: какъ скоро нѣтъ денегъ, ты перстень
на палецъ, да смѣло
Руку въ карманъ — и вынется звонкій, се-
ребряный талеръ.
Но берегись... разъ на день не болѣ; и въ
будни, не въ праздникъ;
Слышишь ли, слышишь ли, Вальтеръ? Я
самъ не совѣтую въ праздникъ.
Если жъ пужда случится во мнѣ; ты крикни
лишь *Бука!*
(*Букой* слыву я въ народѣ) откликнусь
тотчасъ. До свиданья.»
Что-то дѣлаетъ Мина?.. Одна, запершись въ
камеркѣ,
Мина сидятъ надъ разодранной библіей въ
тяжкой печали.
Мужъ пришелъ и война поднялась. «Не-
насытная плакала,
Долго ль молитвы тебѣ бормотать? Когда
ты уймешься?
Вотъ, горемыка, смотри, что я выигралъ:
перстень карбункулъ.»
Мина, взглянувъ, обомлѣла: карбункулъ!
Творецъ милосердный,
Доля недобрая!.. сердце въ ней сжалось,
и замертво пала...
Вѣдная Мина, зачѣмъ ты, зачѣмъ ты въ
себя приходила?
Сколько бь кручины жестокой тебя мино-
вало на свѣтѣ!
Вотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже; день ли въ
деревнѣ торговый,
Ярморка ль въ праздникъ у церкви — Валь-
теръ нашъ тамъ. Кто заглянетъ
Въ полночь въ трактиръ, иль въ полдень,
иль въ три часа пополудни —

Вальтеръ сидитъ за столомъ и тасуетъ
крапленныя карты.
Брошены дѣти; что было, то сплыло; поле
за полемъ
Проданы все съ молотка, и жена прона-
даетъ отъ горя.
Дома же только и дѣла, что крикъ, да упре-
ки, да слезы;
Нынче драка, а завтра къ пастору, а тамъ
для отвѣта
Въ судъ, а тамъ и въ тюрьму на хлѣбъ
съ водой попоститься.
Плохъ онъ пойдетъ, а воротится хуже. Бука
не дремлетъ;
Бука въ уши свиститъ и желчи въ кровь
подливааетъ.
Такъ проходить семь лѣтъ. Ну, послушай-
те жъ: Вальтера Бука
Вывелъ опять изъ тюрьмы. «Не зайти ль
по дорогѣ, сказалъ онъ,
Выпить чарку въ трактиръ? Съ чѣмъ ты
покажешься дома?
Какъ тебя примутъ? Ты голодець, холо-
дець, худъ и оборванецъ.
Что на свиданье жена припаса, то тебѣ
не согрѣетъ.
Правду молвить, ты мученикъ; лошнуть
готовъ я съ досады,
Видя, какую ты отъ жены пьешь горькую
чашу.
Много ль подобныхъ тебѣ? Что сутки, то
талеръ, и даромъ.
Права пословица: счастливъ игрою, не-
счастливъ женою.
Будь ты одинъ — ни заботъ, ни хлопотъ;
женится — каковъ ты?
Нѣтъ лица на тебѣ; какъ усопшій; кожа
да кости.
Выпей же чарку, дружокъ: авось, на душѣ
просвѣтлѣетъ.»
Мина, тѣмъ временемъ, ружь къ сердцу
прижавши, въ потемкахъ
Дома сидитъ одинешенька, смотреть сквозь
слезы на небо.
— Такъ, семь лѣтъ, семь крестовъ!.. (и
слезы ручьемъ полилися)
Все, какъ должно, сбылось; понли же ко-
нецъ, мой Создатель! —

Молвила, книжку взяла и молитву прочла по усвошемъ.
 Вдругъ растворилася дверь, и Вальтеръ вбѣжалъ, какъ безумный.
 «Плачешь, змѣя? (загремятъ онъ) плачи! теперь не напрасно!
 Ужиги проворѣе!»—Гдѣ взять? Все пусто; въ домѣ ни корки.—
 Ужиги, тебѣ ль говорятъ? Хоть тресни, или ножъ тебѣ въ сердце!»
 — Что жъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; въ могилу сплещутъ, да и только;
 Мнѣ же тамъ быть не одной: дѣтей давно ты зарѣзалъ.—
 «Сгинь же! онъ гаркнулъ»... и Мина въ крови ударилаcь объ полъ.
 — Ахъ! мое кровавое сердце (она простонала)!
 Гдѣ ты, заступъ? Твоя чередка: закопай меня въ землю.—
 Ужасъ, какъ холодъ, обнялъ убійцу... бѣжить неоглядкой;
 Ночь; подъ нимъ шевелится земля; въ орѣшникѣ шорохъ.
 «Бука, гдѣ ты?» онъ крикнулъ... Громко откликнулось въ полѣ.
 Бука стоитъ за орѣшникомъ... выступилъ...—Что ты?—спросилъ онъ.
 «Бука... и Мину зарѣзалъ...—скажи, при совѣтуй, что дѣлать?»
 — Только? тотъ возразилъ. Чего жъ испугался, безмозглый?
 Мину зарѣзалъ!.. великое диво! туда и дорога!
 Но... послушай, здѣсь оставайся теперь не годится;
 Будетъ плохо; Рейнъ близко—стунай, перѣбѣдемъ.
 Лодка у берега есть...—Садятся, плывутъ, переплыли,
 На берегъ вышли, и по полю бѣгомъ.
 Въ сторонкѣ, въ трактирѣ
 Свѣтится свѣчка. Зеленый сказалъ: зайдемъ на минутку;
 Тутъ есть добрые люди; помогутъ тебѣ разгуляться.—
 Входятъ. Въ трактирѣ сидятъ заповодные, пьютъ и играютъ.

Вальтеръ съ Зеленымъ подвинулись къ нимъ, и война закинула.
 Бей! — кричать — «Подходи!» — Я лопнулъ! — «Козырь!» — «Зарѣзалъ!» —
 Вотъ они козыряютъ, а маятникъ ходить да ходить.
 Стрѣлка взошла на двѣнадцать... Ахъ! бѣлокуренькій мальчишкѣ,
 Стукни въ окошко!.. Не стукнетъ: дѣло кончается, Вальтеръ.
 Какъ же ты плохо играешь!.. зарѣзалъ... глубоко, глубоко
 Въ сердце къ нему заронилось тяжелое слово; а Бука,
 Только-что взятку возьмутъ, повторить, да на Вальтера взглянуть.
 Вотъ пробило двѣнадцать. Къ Вальтеру масть, какъ на выборъ,
 Все негодная сыплетъ; мѣлкомъ онъ проигрываетъ ишеть.
 Вотъ... и перваго четверть. Съ перетнемъ на пальцѣ онъ руку
 Веунулъ въ карманъ! — «Размѣняйте мнѣ талеръ».—Плохая монета,
 Вальтеръ, плохая монета: въ карманѣ битыя стекла...
 Руку отдернувъ, въ страхѣ глаза онъ уставилъ на Буку;
 Бука сидитъ да вино попиваетъ, и пьетъ ему дѣла.
 — Вальтеръ (допивши, сказалъ онъ), пора! хозяинъ ужъ дремлетъ.
 Нынче праздникъ, двадцать пятое августа; много
 Будетъ въ трактирѣ гостей; пойдемъ, зачѣмъ намъ тѣсниться?
 Полно перетнемъ вертѣтъ; не трудись, ишеть не добудешь.—
 Праздникъ!.. Ахъ! Вальтеръ, какъ бы ты радъ былъ ослышаться! какъ бы
 Радъ былъ погами къ столу прирасти, чтобъ не сдвинуться съ мѣста!
 Поздно, поздно; ничто не поможетъ... Блѣденъ, какъ мертвый,
 Всталъ онъ, ни слова не молвилъ, и въ поле темное съ Букой—
 Бука впередъ, а онъ позади—нобрель, какъ ягненокъ

Всякъ за своимъ мясникомъ бредеть къ
 кровавой володѣ.
 Бука ставить его на выстрѣль ружейный
 отъ мѣста.
 — Видишь, Вальтеръ (сказалъ онъ)? Звѣз-
 ды на небѣ смеркли
 Видишь? Тяжелыми тучами небо кругомъ
 обложилось;
 Воздухъ душень; вѣтка не тропетая; ли-
 стикъ не дрогнетъ.
 Вальтеръ, что же ты такъ замолчалъ?.. Ужъ
 не молишься ль, Вальтеръ?
 Или считаешь свой проигрышъ? Все про-
 игралъ невозвратно.
 Какъ быть! а выборъ остался плохой, я
 самъ признаюся.
 Вотъ тебѣ ножъ... я укралъ у убійцы.
 когда обдиралъ онъ
 Мертвое тѣло... зарѣжь себя самъ, такъ
 за трудъ не заплатишь. —
 Такъ рассказывалъ дѣдушка ввучкамъ.
 Чуть смѣя дыханье
 Въ страхѣ отвести, говоритъ ему бабушка:
 «скоро ль ты кончишь?»
 Дѣвки боятся; на что ихъ страдать не-
 бывальщиной? Полно!»
 — Я докончилъ, старикъ отвѣчалъ. Тамъ
 лежитъ онъ и съ перетнемъ
 Въ дикой крапивѣ, гдѣ нѣтъ дроздовъ и
 не водятся пташки. —
 Тутъ Луиза примолвила:—бабушка, кто же
 бонется?
 Или, думаешь, трудно до смысла сказки
 добраться?
 Я добралася: Бука есть *искушение злое*.
 Развѣ не вводитъ оно насъ въ грѣхъ и
 въ напасти, когда мы
 Бога не помнимъ, совѣтовъ не любимъ,
 не дѣлаемъ дѣла?
 Мальчикъ въ окошечкѣ... кто онъ? Вѣр-
 ный учитель нашъ, *совѣсть*.
 О! я дѣдушку знаю, я знаю и всѣ его
 мысли.»

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ

въ полночь.

[изъ гевела.]

Полночь било; въ добрый часъ!
Спите; Богъ не спитъ за насъ.

Какъ все молчить!.. Въ полночной глубинѣ
 Окрестность вся какъ будто притаилась;
 Нѣтъ шороху въ кустахъ; тиха дорога;
 Въ цутой дали не простучитъ телѣга;
 Не скрипнетъ дверь; дыханье не провѣтъ;
 И коростель замолкъ въ травѣ болотной.
 Все, все теперь подъ занавѣсомъ спитъ;
 И легкою ль, неслышную стоною
 Прокрался здѣсь безплотный духъ... не
 знаю.

Но чу... тамъ прудъ шумитъ; перебираясь
 По мельничнымъ колесамъ неподвижнымъ,
 Сопливою струей бѣжитъ вода;
 И ласточка тайкомъ ползеть по бревнамъ
 Подъ кровлю; и сова перелетѣла
 По небу тихому отъ колокольни;
 И въ высотѣ, фонарь почной, луна
 Виситъ межъ облаковъ и свѣтитъ ясно,
 И звѣздочки въ дали небесной брезжутъ...
 Не такъ же ли, когда, осенней ночью,
 Измокнувшій, усталый отъ дороги,
 Придешь домой, еще не видишь кровель,
 И огонекъ ужъ тамъ и тутъ сверкаетъ?..
 Но что жъ во мнѣ такъ сердце разгорѣлось?
 Что на душѣ такъ радостно и смутно?
 Какъ будто въ ней по родинѣ тоска!
 Я плачу... но о чемъ? И самъ не знаю!

Полночь било; въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ.

Пушкай темно на высотъ;
Сіяютъ звѣзды въ темнотъ.
То свѣтъ родимой стороны;
Про насъ онъ тамъ зажеженъ.

Куда идти мнѣ? Въ нижнюю деревню,
 Черезъ кладбище? Дверь отворена.
 Подумаешь, что въ полночь изъ могилъ
 Покойники выходятъ навѣстити
 Свое село, провѣдать, все ли тамъ,
 Какъ было въ старину. До сей поры,
 Мнѣ помнится, еще ни одного
 Не встрѣтилъ я. Не прокрывать ли *полночь*
 Покойникамъ?.. Нѣтъ, лучше по гробамъ
 Пройду я молча, сечь у нихъ на башнѣ
 Свой часы. Къ тому же... какъ узнать,
 Прошла ль уже ихъ полночь, или нѣтъ?
 Быть-можетъ, что теперь лишь только тьма
 Стучается въ могиллахъ... ночь долга;

Быть-можетъ также, что струя разсвѣта
Уже мелькнула и для нихъ... кто знаетъ?
Какъ смирно здѣсь! знать, мертвые по-
койны?

Дай Богъ!.. Но мнѣ чего-то страшно стало.
Не все здѣсь умерло: я слышу, ходитъ
На башнѣ маятникъ... ты скажешь, бьется
Пульсъ времени въ его глубокомъ спѣ.

И холодомъ съ вершины дуетъ полночь;
Въ дугу ея дыханье бродитъ тихо
Соломою на кровляхъ шевелитъ,
И пробирается слезы твѣ со свѣстомъ,
И сыростью отъ стѣнъ церковныхъ па-
Окончины трясутся, и порой [шеть—
Скринитъ, качаясь, крестъ—здѣсь поду-
ваетъ

Оно въ открытую могилу... Вѣдпый Фрицъ!
И для тебя готовить ужъ постелю,
И каменный покровъ лежить при пей,
И на все огни отчизны свѣтять.

Какъ быть! а всѣмъ одно; всѣхъ на пути
Застыгнуть сонъ... что жъ нужды! все мы
будемъ

На милой роднѣ; кто на кладбищѣ
Нашель постель—въ часъ добрый; вѣдъ
могила

Послѣдній на землѣ почлеетъ; когда же
Проглянетъ день, и мы, проснувшись, вы-
На новый свѣтъ, тогда пути и часу [демъ
Не будетъ намъ съ почтаго до отчизны.

*Полночь било; въ добрый часъ!
Сните, Богъ не стѣтъ за насъ.*

*Сяютъ звѣзды съ вышныи,
То стѣтъ родимой стороны:
Туда черезъ могилу путь;
Въ могилъ жь... только отдохнуть.*

Гдѣ быть я? гдѣ теперь? Иду деревней;
Промель черезъ кладбище... Все покойно
И здѣсь и тамъ... И что жъ деревня въ
полночь?

Не тихое ль кладбище? Развѣ тамъ,
Равно какъ здѣсь, не спать, не отдыхаютъ
Отъ долга усталости жителейской,
Отъ скорби, радости, подъ властью Бога,
Здѣсь въ хижнѣ, а тамъ въ сырой землѣ,
До яснаго, небеснаго разсвѣта?

А онъ ужъ недалеко... Какъ бы ночь
Ни дѣлалась и неба ни темнела,
А все разсвѣта намъ не миновать.
Деревню разъ, другой я обойду—
И пѣтухи начнутъ мнѣ отклякаться,
И воздухъ утренній начнетъ въ лицо
Мнѣ дуть; проснется день въ бору, отдер-
Небесный занавѣсь, и утро тихой [негъ
Струей пролетаетъ въ сумракъ; наконецъ,
Посмотришь: холмъ, и доль, и лѣсъ сіяютъ;
Все ветренулося; тамъ ставень вскрылся,
Тамъ отворилась дверь; и все очнулось,
И всюду жизнь свободная изыграла.
Ахъ! Царь небесный, что за праздникъ
Когда послѣдняя промчится ночь! [будетъ,
Когда все звѣзды, малыя, большія,
И мѣсяцъ, и заря, и солнце вдругъ
Въ небесномъ пламени растаетъ; свѣтъ
До самой глубины могилъ прольется,
И скажутъ матери младенцамъ: *утро!*
И все отъ сна пробудится; тамъ дверь
Тяжелая отворится, тамъ ставень;
И выглянуть усопшіе оттуда!
О! сколько бѣдъ забыто въ тихомъ спѣ!
И сколько рапъ глубокихъ въ самомъ сердцѣ
Нецѣлено! Встаютъ, здоровы, ясны;
Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ крѣ-
пость

Имъ въ душу... Но когда жъ тому случиться?

*Полночь било; въ добрый часъ!
Сните, Богъ не стѣтъ за насъ.*

*Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
Еще далеко свѣтлый день;
Но живъ Господь; онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышлетъ утро на востокъ.*

ТѢВНОСТЬ.

РАЗГОВОРЪ НА ДОРОГѢ, ВЕДУЩЕЙ ВЪ ВАЗЕЛЬ, ВЪ
ВИДУ РАЗВАДИНЪ ЗАМКА РЕГЕЛЪРА, ВЕЧЕРОМЪ.

[изъ пѣселя.]

Внукъ.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Регелъра,
Приходитъ въ мысль: что, если то жъ слу-
чится

И съ нашей хижинкой?.. Какъ странно тамъ!
Ты скажешь: смерть сидитъ на этнхъ кам-
няхъ.

А домикъ нашъ?.. Взгляни: какъ будто
церковь,
Свѣтлѣть на холмѣ, и окна блистать.
Скажи жь, какъ можетъ быть, чтобы и съ
нимъ
Случилось то жь, что съ этимъ старымъ
зѣмкомъ?

Дѣдушка.

Какъ можетъ быть?.. Ахъ! другъ мой, это
будеть.

Всему чередъ: за молодостью велѣдъ
Тащится старость: все идетъ къ концу,
И ни на мигъ не постоитъ. Ты слышишь:
Безумолку шумитъ вода; ты видишь:
Въ небесахъ сіяютъ звѣзды; можно
Подумать, что онѣ ни съ мѣста... нѣтъ!
Все движется, приходитъ и уходитъ.
Дивись, какъ хочешь, другъ, а это такъ.
Ты молодъ; я былъ также молодъ прежде;
Теперь ужъ все иное... старость, старость!
И что жь? Куда бы я ни шелъ—на пашню,
Въ деревню, въ Базель—все иду къ кладъ-
бищу!

Я не тужу... и ты, какъ я, созрабешь.
Тогда посмотришь, гдѣ я?.. Нѣтъ меня!
Ужъ вкругъ моей могилы бродятъ козы;
А домикъ, между тѣмъ, дряхлѣй, дряхлѣй;
И дождь его сбьетъ, и зной налитъ,
И тихомолкомъ червь буравитъ стѣны,
И въ кровлю течъ, и въ щели свиснетъ
вѣтеръ...

А тамъ и ты закрылъ глаза; дѣтей
Смѣшили внуки; то чины, другое;
А тамъ и нечего чинить... все стигло!
А погляднись: лѣтъ тысяча прошло—
Деревня вся въ могилѣ; гдѣ стояла
Когда-то церковь, тамъ соха гуляетъ.

Внукъ.

Ты шутишь: быть не можетъ!

Дѣдушка.

Будеть, будетъ!

Дивись, какъ хочешь, другъ; а это такъ!
Вотъ Базель нашъ... сказать, прекрасный
городъ!

Домовъ не счесть—иной огромнѣй церкви;
Церквей же болѣ, чѣмъ въ иной деревнѣ
Домовъ; все улицы кипятъ пародомъ;
И сколько жь добрыхъ тамъ людей!.. Но
что же?

Какъ многихъ нѣтъ, которыхъ я, бывало,
Встрѣчалъ тамъ... гдѣ они? Лежать давно
За церковью и спать глубокимъ сномъ.
Но только ль, другъ? Ударить часъ—и
Базель

Сойдетъ въ могилу; кое-гдѣ, какъ кости,
Выгяядывать здѣсь будутъ изъ земли:
Тамъ башня, тамъ стѣна, тамъ сводъ
упадшій;

На нихъ же, по мѣстамъ, береза, кусть,
И мохъ сѣдой, и вѣвъ на гнѣздахъ цапли...
Жаль Базеля! А если люди будутъ
Все такъ же глупы и тогда, какъ нынче,
То заведутся здѣсь и привидѣнья,
И черный волкъ, и огненный медвѣдъ,
И мало ли...

Внукъ.

Не громко говори;

Дай мостъ намъ перейти; тамъ у дороги,
Въ кустарникѣ, прошедшю весною
Похороненъ утопленникъ. Смотри,
Какъ пятится Гнѣдко, и уши подыаятъ;
Глядитъ туда, какъ будто что-то видитъ.

Дѣдушка.

Молчи, глупецъ; Гнѣдко пужливъ; тамъ
кусть

Черибется—оставъ въ покоѣ мертвыхъ:
Намъ ихъ не разбудить; а рѣчь теперь
О Базелѣ; и онъ въ свой часъ умретъ.
И много, много лѣтъ спустя, быть-можетъ,
Здѣсь остановится прохожий: взглянетъ
Туда, гдѣ нынче городъ... тамъ все чисто,
Лишь солнышко надъ пустыремъ играетъ;
И спутнику онъ скажетъ: «въ старину
Стоялъ тамъ Базель; эта груда камней
Въ то время церковью Петра была...
Жаль Базеля.»

Внукъ.

Какъ можетъ это статья?

Дѣдушка.

Не вѣрь, иль вѣрь, а это не мнущеть.
Придетъ пора—сгоритъ и свѣтъ. Послушай:
Вдругъ о полуночи выходитъ сторожъ—
Кто онъ, не знаютъ—онъ не здѣшній; ярче
Звѣзды блеститъ онъ и гласитъ: *просни-
тесь!*

Проснитесь, скоро день!.. Вдругъ небо
И загорается, и громъ сначала [рѣбеть
Едва стучитъ; потомъ сильнѣй, сильнѣй;

И вдругъ отвсюду загремяю; страшно
Дрожить земля; колокола гудить,
И сами свѣтъ сзываютъ на молитву:
И вдругъ... все молится; и вѣсходитъ день—
Ужасный день: безъ утра и безъ солнца;
Все небо въ молніяхъ, земля въ блистаніи;
И мало ль, что еще!.. Все, наконецъ,
Зажглось, горитъ, горитъ и прогораетъ
До дна, и некому тушить, и само
Потухнетъ... Что ты скажешь? Какова
Покажется тогда земля?

Внукъ.

Какъ страшно!

А что съ людьми, когда земля сгоритъ?

Дѣдушка.

Съ людьми?.. Людей давно ужъ нѣтъ: они...
Но гдѣ они?.. Будь добръ; смиреннымъ
сердцемъ
Вѣрь Богу; береги въ душѣ невинность—
И все тутъ!.. Посмотри: тамъ свѣтятся
звѣзды;
И что звѣзда, то ясное селенье;
Надъ ними жъ, слышно, есть прекрасный
городъ;
Онъ невидимъ... но будешь добръ, и будешь
Въ одной изъ звѣздъ, и будетъ миръ съ
тобою;

А если Богъ посудитъ, то найдешь
Тамъ и своихъ: отца и мать и... дѣда.
А можетъ-быть—когда идти случится
По млечному пути въ тогъ тайный городъ—
Ты вспомнишь о землѣ, посмотришь внизъ.
И что жъ внизу увидишь? *Замокъ*
Ретлеръ.

Все въ уголь сожжено; а наши горы,
Какъ башни старья, чернѣютъ; вокругъ
Зола; въ рѣкѣ воды нѣтъ, только дно
Осталось пустое—мертвый слѣдъ
Давнишняго потока; и все тихо,
Какъ гробъ. Тогда товарищу ты скажешь:
«Смотри: тамъ ветарину земля была;
«Близъ этихъ горъ и я живаль въ ту пору,
«И пасъ коровъ, и сѣялъ, и пахаль;
«Тамъ дѣда и отца отнесъ въ могилу;
«Былъ самъ отцомъ, и радостнаго въ жизни
«Мнѣ было много; и Господь мнѣ далъ
«Кончину мирную... и здѣсь мнѣ лучше.»

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Легкій, легкій вѣтерокъ,
Что такъ сладко, тихо вѣешь?
Что играешь, что свѣтлѣешь,
Очарованный потокъ?

Чѣмъ опять душа полна?
Что опять въ ней пробудилось?
Что съ тобой къ ней возвратилось,
Перелетная весна?

Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сіяютъ,
И, сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая песется?
Или снова раздается
Милый голосъ старины?

Или тамъ, куда летитъ
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный,
Край *желаннаго* сокрытъ?..

Кто жъ къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ! найдется ль, кто мнѣ скажетъ,
Очарованное *тамъ*?

Тамъ небеса и воды ясны!
Тамъ нѣсни птичекъ сладкогласны!
О, родина, веѣ дни твои прекрасны!
Гдѣ бъ ни былъ я, по все съ тобой—
Душой.

Ты помнишь ли, какъ подъ горою,
Осеребряемый росой,
Свѣтились лучъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ—
Съ небеса?

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойный,
И тѣнь отъ нѣвъ въ часъ полдня знойный,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройный,
И въ аонѣ водъ, какъ сквозь стекло,—
Слово?

Тамъ на зарѣ пичужка лѣла,
Даль озарялась и свѣтлѣла,—

Туда, куда дуна моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ—
Все тамъ!..

СТИХИ НА СЛУЧАЙ ПЕРВАГО ОТРЕЧЕНІЯ

БОНАПАРТА,

ПЬЯТЫЕ НА ПРАЗДНИКЪ, ДАННОМЪ АНГЛІЙСКИМЪ
МИНИСТРОМЪ ЛОРДОМЪ КАТКАРТОМЪ.

Сей день есть день суда и мщенья!
Сей грозный день землѣ явилъ
Необѣдимость Провидѣнья,
И гордыхъ силу пристыдилъ.

Гдѣ тотъ, предъ кѣмъ гроза не смѣла
Валовъ покорныхъ воздымать,
Когда ладья его летѣла
Съ фортуной къ берегу приетать?

Къ стопамъ рабовъ бросалъ онъ троны,
Срывалъ съ царей красу порфирь, *)
Сдвигалъ народы въ легионы
И мыслялъ весь заграбить міръ.

И гдѣ онъ?.. Міръ его не знаетъ!
Забить разбитый истуканъ;
Лишь предъ изгнанникомъ зяеть
Неумолимый океанъ.

И все, что рушилъ онъ, природа
Уже красую облекла;
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла!

И честь тому, кто вѣрный чести
Свободѣ мечъ свой посвятилъ,
Кто въ грозную минуту мести
Лишь благодатью отомстилъ!

Такъ, честь ему: и миръ вселенной,
И царекія въ вѣнцахъ главы,
И блескъ Лютеціи спасенной,
И прахъ низринутой Москвы!

О немъ молитва Альбіона
Одна съ сыновъ его мольбой:
«Чтобъ доаго былъ красую трона
И чловѣчества красой!»

*) «Дерзость, честолюбца, ему же въ казнь
обратившаяся!»

ВОСПОМИНАНІЕ.

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не пажить!
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья!
Ахъ! лучше бъ васъ совѣмъ мнѣ позабыть!

Къ вамъ часто мчить привычное же-
лаще—
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить!
Несчастье—о васъ воспоминанье!
Но болѣе несчастье—васъ забыть!

О! будь же, грусть, замѣной упованья!
Отрада намъ—о счастье слезы лить!
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
Но можно ль жить,—увы!—и позабыть!

* * *

Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ,
Кто близъ одра, какъ близъ могилы,
Въ ночи, безсонный, не рыдалъ,—
Тотъ васъ не знаетъ, вышши Силы!

На жизнь мы брошены отъ васъ!
И вы жъ, давъ знатися намъ съ виною,
Страданью выдаете насъ,
Вну преслѣдуете злою.

П Ъ С Н І Я.

Кольцо души-дѣвицы
Я въ море уронилъ;
Съ моимъ кольцомъ я счастье
Земное погубилъ.

Мнѣ, давъ его, сказала:
«Нося! не забывай!
Пока твое колечко,
Меся своей считай!»

Не въ добрый часъ я неводъ
Сталъ въ морѣ полоскать;
Кольцо юркнуло въ воду;
Искалъ... но гдѣ смекать!..

Съ тѣхъ поръ мы какъ чужіе!
Приду къ ней—не глядитъ!
Съ тѣхъ поръ мое веселье
На днѣ морскомъ лежитъ!

О, вѣтеръ полуночный,
Просися! будь мнѣ другъ!

Схвати со дна колечко,
И выкати на лугъ.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня въ слезахъ!
И что-то, какъ бывало,
Зажглось у ней въ глазахъ!

Ко мнѣ подошла съ лаской,
Мнѣ руку подала;
И что-то ей хотѣлось
Сказать, но не могла!

На что твой мнѣ ласка!
На что мнѣ твой привѣтъ!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мнѣ и нѣтъ!

Ищи, кто хочетъ, въ морѣ
Богатыхъ янтарей...
А мнѣ—мос колечко
Съ надеждою моею.

ЯВЛЕНІЕ БОГОВЪ.

Знайте, съ Олимпа
Являются боги
Къ намъ не одни;
Только-что Бахусъ придетъ говорливый;
Мчится Эротъ, благодатный младенецъ;
Слѣдомъ за ними и самъ Аполлонъ.
Слетѣлись, слетѣлись
Всѣ жители неба,
Небесными полно
Земное жилище.

Чѣмъ угощу я,
Земли уроженецъ,
Вѣчныхъ боговъ?

Дайте мнѣ вашей, безсмертные, жизни!
Боги! что, смертный, могу поднести вамъ?
Къ вашему небу возвысьте меня!

Прекрасная радость
Живеть у Зевеса!
Гдѣ нектаръ? налейте,
Налейте мнѣ чашу!
Нектара чашу
Пѣвцу, молодца
Геба, подай!

Очи небесной росой окропите;
Пусть онъ не зрѣтъ неважнѣнаго Стикса,
Быть да мечтаеть однимъ изъ боговъ!

Шумить, заблестала
Небесная влага,
Спокоилось сердце,
Провидѣли очи.

1817.

УТѢШЕНІЕ ВЪ СЛЕЗАХЪ. (изъ гетте).

Скажи, что такъ задумчивъ ты?
Все весело вокругъ;
Въ твоихъ глазахъ печали слѣды;
Ты, вѣрно, плакалъ, другъ?
«О чемъ грущу, то въ сердце мнѣ
«Запало глубоко;
«А слезы... слезы въ сладость намъ;
«Отъ нихъ душѣ легко».
Къ тебѣ ласкаются друзья,
Ихъ ласки не дичись;
И что бы ни утратить ты,
Утратой подѣлишь.
«Какъ вамъ счастливицамъ то понять,
«Что понять я тоской?
«О чемъ... но нѣтъ! оно мое,
«Хотя и не со мной».
Не унывай же, ободрись;
Еще ты въ цвѣтѣ жить;
Ищи—пайдешь; отважнымъ другъ,
Несбыточнаго нѣтъ.
«Увы! напрасныя слова!
«Найдешь—сказать легко;
«Мнѣ до него, какъ до звѣзды
«Небесной, далеко».

На что жъ некать далекихъ звѣздъ?
Для неба ихъ краса;
Любуясь ими въ ясну ночь,
Не мысля въ небеса.

«Ахъ! я люблюсь въ ясный день;
«Нѣтъ силъ и глазъ отвѣсть;
«А ночью... ночью плакать мнѣ,
«Покуда слезы есть».

КЪ МЪСЯЦУ. (изъ гетте).

Снова лѣсъ и доль покрываѣ
Блескъ туманный твой!

Онъ мнѣ душу растворилъ
Сладкой тишиной.

Ты блеснулъ... и просвѣтлѣлъ
Тихо темный лугъ:

Такъ улыбкой намъ удѣлъ
Озаряетъ другъ.

Скорбь и радость давнихъ лѣтъ
Отозвались мнѣ,

И минувшаго привѣтъ
Слышу въ тишинѣ.

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь ужъ отцвѣла;

Такъ надежды пропесанелъ;
Такъ любовь ушла.

Ахъ! то было и моимъ,
Чѣмъ такъ сладко жить;
То, чего, разставшись съ нимъ,
Вѣчно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
Съ одинокою моею
Лирой согласуй.

Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
Сердце охранялъ,

Кто безъ ненависти свѣтъ
Бросилъ и забылъ,

Кто дѣлантъ съ душой родной,
Втайнѣ отъ людей,

То, что презрѣно толпой,
Или чуждо ей.

ВЪ АЛЬБОМЪ

пѣла М. А. Щербатовой.

О грустномъ написать я долженъ въ
твой альбомъ.

Могу ль желанію такому покориться?

При мысли о тебѣ, невольно подъ перомъ
Одно веселое родится;

При мысли о тебѣ, невольно твой поэтъ
Воображеньемъ жизнь земную украшаетъ;

Жилищемъ радости онъ видитъ здѣшній
И ния грусти забываетъ. [свѣтъ

ВЪ ПОРТРЕТУ

великой княгини Александры Осодоровны.

Для насъ рука судьбы въ сей мѣрѣ свѣла;
Для насъ ея душа цвѣла и созрѣвала;

Какъ гений радости, она предъ нами стала,
И все прекрасное въ себѣ намъ отдала!
Съ веселой младостью мила, какъ ушование!
Въ ней духъ къ великому растетъ и
возрастетъ;
Она свой трудный путь съ достоинствомъ
пройдетъ:
Въ ней не обманется Россіи ожиданье!

ПРОТОКОЛЬ.

двадцатаго Арзамасскаго засѣданія.

Мѣсяцъ Травный, нахмурясь, престоль свой
отдалъ Изюку!

Пылкій Изюкъ появился, но пасмуренъ,
хладенъ, насупленъ.

Былъ онъ отцомъ посаженнымъ у мрачнаго
Грудня,—а Грудень, извѣстно,

Очень давно за Зимой волочился; теперь
ужъ они обвѣчались!

Съ свадьбы Изюкъ принесъ два дождя,
и пять дужъ, три тумана!

Радъ ли, не радъ ли, а надобно было
принять ихъ въ подарокъ—

Онъ разложилъ предъ собою подарки и
фырскать! Месяцъ тѣмъ собирался

Тихо на берегъ Карповки [славной рѣки,
гдѣ водятся карны;

Гдѣ, по преданію, Карлъ-богатырь кавар-
дакъ по субботамъ

Ѣлъ, отдыхая отъ славы], на берегъ
Карповки славной

Въ семь часовъ ввечеру Арзамасъ два-
десятиль. Подъ сводомъ

Новосозданнаго храма, на коемъ начер-
тано имя

Вѣщаго Штейна, породой германца, душой
арзамасца.

Сѣлъ Арзамасъ за столомъ съ величавостью
скромной и мудрой пасѣдки!

Сѣлъ Арзамасъ—и явилось въ тотъ мигъ
небывалое чудо:

Иѣчто пузобразное, пуломъ вѣччанное,
вздулось,

Громко взбурчало, и вдругъ гармоніей
Арфы стало бурчанье.

Члены смутились: Реппъ дернулъ за
кофту Старушку;

Съ страшной перхотой Старушка бро-
сила въ руки Варвику;

Журка клонувъ Пустынника; тотъ за
хвостъ Асмодея;
Началь бодать Асмодей Громобоя; а
этотъ обляпиль,
Сморщася, какъ дряхлый сморчокъ, Свѣт-
лапу. Одна лишь Кассандра
Тихо и ясно, какъ нень благородный, съ
своимъ протоколомъ,
Ушки сжавши и рыльце подыавъ къ мило-
сердому небу,
Въ креслахъ сидѣла. — «Уймись, Арзамась!
возгласила Кассандра:
Или гармонія пуза Эоловой Арфы тебя
изумила?
Тише ль бурчало оно въ часы пресыщенія,
когда имъ
Водка, селедка, конфекты, кометы, клюква
и брѣвва
Быстро, какъ вѣчностью годы и жизнь,
поглощались?
Знай же, что пылъ пузо бурчить и хле-
бещеть недаромъ!
Милъ Дельфійскій треножникъ оно. Про-
рицаю, внимайте!»
Взвѣла Кассандра на пузо, съла Кас-
сандра на пузѣ;
Стала съ пуза Кассандра, какъ древле
съ вершины Синая
Вождь Моисей ко евреямъ, громко вѣщать
къ арзамасцамъ:
«Братья-друзья, арзамасцы! Въ пузѣ Эоло-
вой Арфы
Много добра! Не одинъ въ немъ книжки
и желудокъ!
Вблизи пуза, я чувствую, бьется, ко-
пышется сердце!
Это сердце, какъ Весты лампада, горитъ,
не сгорая!
Бродитъ, я чувствую, въ темномъ Дедалѣ
по близости пуза
Честный отшельникъ—душа; она въ своемъ
заточеньи
Веѣ отразила прельщенія, бѣсовъ ноѣв-
дила! и душиста добротой!
[Такъ говоритъ объ ней Николай Карам-
зинъ, нашъ историкъ].
Слушайте жь, вотъ что она изъ пуза
никогнито шепчетъ:

«Полно тебѣ, Арзамась, слоняться бездѣль-
никомъ! Полно
Намъ, какъ портимымъ, сидѣть на каткѣ
и шить на халдеевъ,
Сторбяся, дурацкія шапки изъ нестрыхъ
лоскутьевъ Бесѣдныхъ;
Время проснуться! Я вамъ примѣръ! И
бурчу! забурчите жь,
Братцы, и вы! и съ такой же гармоніей
сладкой! Время,
Время летитъ! Насъ доселѣ сбирала без-
печная шутка;
Нѣсколько ясныхъ минутъ украла она у
безплодной
Жизни. Но что же? Она ужъ устала, или
скоро устанетъ!
Смѣхъ безъ веселости только кривлянье!
Старыя шутки—
Старыя дѣвки! Время прошло, когда по
слѣдамъ ихъ
Рой обожателей мчался; темеръ позабыты!
въ морщинахъ,
Зубы считаютъ, съ собою въ разладѣ,
мертвы не живши!
Бойся жь и ты, Арзамась, чтобъ не сѣв-
латься старою дѣвкой!
Слава — твой обожатель! Скорѣе бракомъ
законнымъ
Съ ней сочитайся! или будешь бездѣтень!
или, что еще хуже,
Будешь имѣть дѣтей незаконныхъ, не
признанныхъ ею,
Свѣтомъ отверженныхъ, жалкихъ, тебѣ
самому въ посрамленіе!
О, арзамасцы! веѣ мы судьбу испытали!
у веѣхъ насъ
Въ сердцѣ хранится добра и прекраснаго
тайна! но каждый,
Жизню своей охлажденный, къ сей тайнѣ
ужъ вѣру теряетъ!
Въ каждомъ душа, какъ свѣтлыиикъ
горящій въ пустынѣ,
Свѣтя одиноко, окрестныя млы не освѣ-
титъ! Напрасно
Намъ онъ горитъ—онъ лишь мрачность
для нашихъ очей озаряетъ.
Что за отрада намъ знать, что гдѣ-то, въ
такой же пустынѣ,

Также тускло и тѣтно братекій пылаетъ
 свѣтильникъ!
 Намъ отъ того не свѣтлѣе! Ближе, друзья!
 чтобъ другъ друга
 Видѣть въ лицо! и сливши пламень душъ
 — непрегуной
 Хладу убійственной жизни,—достоинство,
 первое благо
 [Если ужъ счастья нельзя] сохранить по-
 среди измѣненъ!
Вмѣстѣ великое слово! *Вмѣстѣ!* твер-
 дить унывая
 Сердце, жадное жизни, томяся безплоднымъ
 стремленьемъ.
Вмѣстѣ! Оно воскреситъ намъ наши
 младыя надежды!
 Что мы розно? Одинъ, увлесаемъ шумнымъ
 потокомъ
 Скучной толпы, въ мелочныхъ затерялся
 заботахъ, напрасно
 Нищетъ себя, но чуждъ и себѣ и другимъ,
 и хладѣеть,
 Къ мертвому рабству привыкнувъ, и, цѣни
 свои ненавидя,
 Ихъ и сорвать не стремится. Другой,
 потерявъ невозвратно
 Въ мигъ единый все, что было душою
 полжизни,
 Вдругъ межъ развалинъ одинъ очутился,
 и новаго зданья
 Строить не смѣетъ; а если бъ и смѣлъ,
 то гдѣ жъ ободритель,
 Дерзкій создатель-младость, сестра вдох-
 новенья? Надъ грудой развалинъ
 Молча стоитъ онъ и съ трепетомъ смо-
 трить, какъ геній, унывши,
 Свой погашаетъ свѣтильникъ... Иной, са-
 мому себѣ незнакомецъ,
 Полный жизни мертвецъ, и себя и свой
 даръ загвоздившій
 Въ гробъ, имъ самимъ сотворенный, бьется
 въ своемъ заточеньѣ:
 Сплень свой гробъ разломить, по силѣ не
 вѣрять—и гибнетъ.
 Тотъ, великимъ желаньемъ вознуженъ,
 силой богатый,
 Радъ бы разлитъ по вселенной, въ сіяньѣ ль,
 въ пожарѣ ль, свой пламень;

Къ смѣлому дѣлу сзываетъ дружину, но...
 голосъ въ пустынѣ,
 Отзыва нѣтъ!.. О, братья! предъ нами во
 дни упований
 Жизнь необъятная, полная блеска, вдали
 разгигалась!
 Близкимъ стало далекое! Что же? Предъ
 темной завѣсой,
 Вдругъ упавшей межъ нами и жизнью,
 каждый стоить безнадеженъ!
 Часто трепещетъ завѣса: что-то живое
 за нею!
 Но рука и поднять ужъ ее не стремится—
 нѣтъ вѣры!
 Будемъ ли жъ, братья, стоять предъ нею
 съ ничтожнымъ покорствомъ?
Вмѣстѣ, друзья—и она разорвется, и
 путь намъ свободенъ!
Вмѣстѣ — нашъ геній-хранитель! при
 немъ благодатная бодрость!
 Намъ безонасный онъ пріютъ отъ судьбы
 вѣроломной:
 Пусть налетятъ ея бури—оно для насъ
 уцѣлѣетъ!
 Съ нимъ и слава—не рабскій криковъ
 толны повторитель,
 Но свободный судья современныхъ, потом-
 ства наставникъ!
 Съ нимъ и награда—не шумная почесть,
 гремушка младенцевъ,
 Но священное чувство достоинства, внят-
 ный немногимъ
 Голосъ души, и съ голосомъ избранныхъ,
 лучшихъ согласный!
 Съ нимъ жизнедательный трудъ съ без-
 корыстною цѣлью—для пользы!
 Съ нимъ и великій геній: отечество!
 Такъ, арзамасцы!
 Тамъ, гдѣ во имя отечества двѣ руки
 во едицу
 Слиты, тамъ и оно соприсутственно! слейте
 же руки!
 Все минувшее—все, что въ честь ему нѣ-
 когда жило,
 Съ славнаго царскаго трона, изъ тихой
 обители есельской,
 Съ поля, гдѣ жатва па пшкѣ падшихъ
 полговъ расцвѣтаетъ,

Съ гроба цѣвцовъ, съ великанскихъ кургановъ, свидѣтелей чести—
 Все къ намъ голосъ знакомый вознесеть:
Мы никогда жили!
Вамъ мы готовили славу! въ пригостовьте потомкамъ!..—
Вамъ сть, друзья! чтобъ потомству нашъ
голосъ былъ слышенъ!»—
 Тагъ говорила Кассандра, хотя деспичею пузо.
 Вдругъ наморщилось пузо, Кассандра
 умолила, и члены,
 Ей поклонясь, пошли приложиться съ
 почтенельмъ
 къ пузу въ томъ мѣстѣ, гдѣ пулъ цѣв-
 тетъ лѣной сыровѣжкой.
 Тутъ осанистый Ренигъ, разгладивъ чело,
 отъ власовъ обнаженно,
 Важно жезломъ волшебнымъ махнулъ—и
 явился пѣчто,
 Пышнымъ вратамъ подобное, къ свѣтлomu
 зданью ведущимъ.—
 Звѣздная надпись сіяла на нихъ: *Журналъ*
Арзамасскій.
 Мощной рукою врата растворилъ онъ: за
 ними книгѣли
 Въ свѣтломъ хаосѣ призраки вѣковъ;
 какъ гиганты, смотрѣли
 Лики славныхъ изъ сей оживленныхъ
 тучи... Надъ нею
 Съ яркой звѣздой на главѣ гениемъ ти-
 химъ послось
 Въ свѣжемъ гражданскомъ вѣнкѣ боже-
 ство: *Провсвѣщенье*, давъ руку
 Грозной и мирной богинѣ *Свободѣ!*—И
 все арзамасцы,
 Пламень почуя въ душѣ, ко вратамъ по-
 бѣжали... Все скрылось!
 Ренигъ сказалъ: «Потерите, голубчики!
 Я не достроилъ!
 Будеть вамъ домъ, а теперь и воротъ
 однихъ съ васъ довольно!»
 Члены, зная, что Ренигъ искусный
 строитель, утихли,
 Сѣли опять по мѣстамъ—и явился, клю-
 кой подпираясь,
 Самъ Асмодей. Погонялъ онъ бичомъ ме-
 риносовъ «Бесѣды».

Важень предъ стадомъ тапился старый
 баранъ, волокуцій
 Тяжкій курдюкъ на скривящихся коле-
 сахъ — Шишковъ съдорушній!
 Рядомъ съ нимъ Шутовской, овца брохатал,
 охалъ!
 Важно везъ позади осель Голенищевъ-
 Кутузовъ
 Тяжкій со причитами везъ, а на козлахъ
 мартышка
 Въ буркѣ, графъ Дмитрій Хвостовъ, трясе-
 лась, и, качаясь на дышлѣ
 Скромно везѣлъ въ чмодаиъ домашній
 тушканчикъ Вадыхаловъ.
 Стадо загнавши, воткнулъ Асмодей на
 вылы Шишкова,
 Отдалъ честь Арзамасу, и началъ китай-
 скія тѣни
 Членамъ показывать. Въ первомъ явленъ
 предстала
 Съ книгой журналовъ политика, ротъ
 занимаа цензурѣ,
 Старой кокеткѣ, которую тоицій гофмей-
 стеръ Яценко
 Вѣжливо подъ руку велъ, неестеринный
Духъ издавая!
 Всгдѣ за политикой вышла словесность!
 Платье богини
 Радужнымъ цвѣтомъ сіяло, и сабдомъ за
 ней ея дѣти:
 Съ зпрой, въ вѣнскѣ изъ лавровъ и розъ,
 поэзия-дѣва
 Шла впереди; вокругъ нея, какъ крылатыи
 звѣзды, летали
 Свѣтлыи ичелы, медъ свой съ цвѣтовъ
 и чужихъ и домашнихъ
 Въ даръ ей собравши. Объ руку съ нею
 поступью важной
 Шла благородная проза, въ длинной
 одеждѣ; смиренно
 Хвостъ ей несла грамматика, старая
 няшка! [которой,
 Сѣвъ въ углу на словарь, Академія дѣ-
 лала розки].
 Свита ея была многочисленна; въ пей
 отличался
 Важный маляръ Демидаъ-арзамасецъ: онъ
 кнетью, какъ древе

Тростью Цирцея, махаль, и предъ нимъ,
какъ изъ дыма, творились
Лица, изъ видовъ засмныхъ въ свои
обращенныя виды!
Все покорилось его всемогуществу! даже
«Бесѣда»
Вѣжливой чушкой лѣзла пыхтя изъ-подъ
докторской ризы.
Третья дочь словесности: критика, съ
плетью, съ метелкой,
Шла, опираясь, на *окусъ* и на смѣлую
шутку; за пею
Князь Тюфякинъ несъ на закоркахъ
театръ, и нещадно
Кощиками съкли его Пьериды, твердя: *не
дурачься!*
Вышла послѣдняя смѣсь. Передъ нею музы
тащили
Чашу большую съ ботвиньей; тамъ все
переботано было:
Пушкина мысли, и вѣсти о курахъ съ ли-
цомъ челоуѣчливмъ,
Письма о бѣднхъ къ богатымъ, старое
заново съ новымъ!
Быстро тѣни мелькали предъ взорами
членовъ одна за другою!
Вдругъ все исчезло... Члены захлопали!
Вилы предъ ними
Важно склонилъ Асмодей, и стряхнувъ
съ нихъ Шишкова,
Въ уголь толкнулъ сего мерзосоа; онъ
комомъ свернулся,
Къ стѣнкѣ прижался, и молча глазами
вертѣлъ. — Совѣщанье
Начали члены. Пріятно было послушать,
какъ вмѣстѣ
Всѣ голоса слились въ одну безтолков-
нину. Вѣгло
Своимъ язычкомъ работала Кассандра.
Репнѣ
Громко шумѣлъ; Асмодей воевалъ на
Свѣтлану; Свѣтлапа
Бѣгала взадъ и впередъ съ протоколомъ;
впившись въ Старушну,
Крикомъ кричалъ Громобой, упрямясь ро-
дить анекдотецъ;
Арфа куриыкала пѣсни. Пустынникъ во-
зглясъ съ Варвикомъ...

Чѣмъ же сумятица кончилась? Дѣломъ:
Журналъ состоялся.

1818.

ОТРЫВОКЪ РЪЧИ

ВЪ ЗАСѢДАНІИ «АРЗАМАСА».

Братья-друзья арзамасцы! Вы протокола
послушать,
Вѣрно, надѣялись. Нѣтъ протокола! О чемъ
протоколяли!
Все позабылъ я, что было въ прошедшемъ
у насъ засѣданій!
Все! да и нечего помпнить! Съ тѣхъ поръ,
какъ за умъ мы взялися,
Умъ отъ насъ отступилъ! Мы перестали
смѣяться—
Смѣхъ заступила зѣвота, чума окаянной
«Бесѣды!»
Даромъ что эта «Бесѣда» давно околѣла—
зараза
Все еще въ книжкахъ «Бесѣды» осталась—
и нѣтъ карантиновъ!
Кто-нибудь, вѣрно, изъ насъ, не натершись
Опаснымъ сосѣдомъ,
Голой рукой прикоснулся къ «Чтеньямъ»
въ «Бесѣдѣ» нѣтъ вытеръ,
Должной не взявъ осторожности, свой
анфедропъ «Разсужденьемъ»
Дѣда съдого о слогахъ съдомъ—я не знаю!
а знаю
Только, что мы ошалѣли! что лѣнь, какъ
короста,
Насъ облѣпила! дѣло не любимъ! без-
дѣлья жъ бѣжимъ!
Мы написали законы; Зегельхейнъ ихъ
перенялъ и слушилъ
Восемь рублей и сорокъ копеекъ—и все
тутъ! Законы
Спать въ своемъ переплетѣ, какъ моци
въ окованной ракъ!
Мы отъ нихъ ожидаемъ чудесъ—но чудесъ
не дождемся.
Между тѣмъ Репнѣ усаствнй, насъ взба-
ламутивъ, далъ тягу
Въ Кіевъ и тамъ въ Дибірѣ утопилъ
любовь къ Арзамасу!

Рениъ давно замолчалъ, да и мы не очень
воркуем!
Я, Свѣтлана, въ графахъ таблицъ, какъ
будто въ тенетахъ,
Скорчась сажу; А смодей, распростившись
съ халатомъ свободы,
Льзеть въ польское платье, постъ мазурку
и учитъ
Польскую азбуку; Рѣзвѣй Котъ всѣхъ
умѣй: мурлычитъ
Нѣжно: «люблю», и просветя въ церковь
къ наюю; Кассандра,
Сочнымъ бифштекомъ нѣлся, коляску
ставиъ на сани,
Скачетъ отъ русскихъ метелей къ бри-
танскимъ туманамъ и гоить
Чолнъ Очарованный къ квакерамъ за
море; Чу въ Цареградѣ
Сталь не Чу, а чума, и молить; Ахилла,
по привычкѣ,
Рыцетъ и мѣста нигдѣ не согрѣтъ;
Сверчокъ, закопавшись
Въ щелку проказы, оттуда кричить,
какъ въ стихахъ: я лѣюся!
Арфа, всегда неизмѣнная Арфа, молча
жирѣтъ!
Только одинъ Вотъ я васъ! усердствуетъ
славѣ: къ безсмертью
Скачетъ овъ на рысяхъ; припрягъ въ
свою таратайку
Брата Кабуда къ Пегасу, и сей оселъ
вотъявасовъ
Скачетъ, свернувшись кольцомъ, какъ
будто въ *Опасномъ сосѣдѣ*...
Велѣдъ за Кабудомъ, друзья! Перестанемъ
лѣниться! Быть худу!
Быть бычку на веревочкѣ! быть Арамасу
«Бесѣдой»!
Вы же, почетный нашъ баснописецъ, вы,
намъ доселѣ
Бывшій прямымъ образцомъ и учителемъ
русскаго слога,
Вы, впервой засѣдающій съ нами подъ
знаменемъ гуся, —
О, помолитесь за насъ, погруженныхъ
безстыдно въ пакость «Бесѣды»!
Да спадетъ съ насъ «бесѣдная» пакость,
какъ съ гуся вода!.. Да воскреснемъ!..

ГОСУДАРЫНЬ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЬ
АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ.

НА РОЖДЕНІЕ

В. К. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

ПОСЛАНИЕ.

Изобразю ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный съ нимъ языкъ?
Что лирный гласъ, и что пѣвца искусство?..
Ты слышала сей милый, первый крикъ,
Младенческій привѣтъ существованью;
Ты зрѣла блескъ проглянувшихъ очей
И прелестъ устъ, открывшихся дыханью...
О! какъ дерзну я мыслію моею
Приблизиться къ симъ тайнамъ насла-
жденья?
Огъ пролетѣлъ, сей грозный часъ мученья;
Его смѣнилъ небесный гость—покой,
И тишина исполненной надежды;
И, первымъ сномъ сомкнувъ безпечны
вѣжды,
Какъ ангелъ, спать твой сынъ передъ
О, Матерь, кто, какою языкъ земной [тобой...
Изобразить сіе очарованье?
Что съ жизнію прекраснаго дано,
Что намъ судить въ грядущемъ упованье,
Чѣмъ прошлое для насъ озарено,
И темное къ безвѣстному стремленье,
И ясное для сердца Прозидѣнье,
И что душа небеснаго доселъ
Въ самой себѣ невѣдомо скрывала—
То все теперъ безъ словъ тебѣ сказала
Священная младенца колыбель.
Забуду ль мигъ, навѣки незабвенный,
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,
Что наступилъ рѣшительный твой часъ?..
Безвѣстности волненіемъ стѣспенный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ.
О! какъ сей взглядъ мнѣ душу умирять!
Безоблачны, надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ Благодать, лежали небеса;
Ихъ мирный блескъ, молодой зари краса,
Входящая, какъ новая надежда;
Туманная, какъ талиство, одежда
Надъ красотой воскреснувшей Москвы;
Безчисленны церквей ся главы,
Какъ алтари, зажженные востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекшимъ мимо рокомъ

Петронутый свидетель Божества,
 И всюду гласъ святого торжества,
 Какъ будто гласъ Москвы преображенной...
 Все, все душѣ являло ободренной
 Божественный спасенія залогъ.
 И съ вѣрою, что близко Провидѣнсе,
 Я устремаяя свой взоръ на тотъ чертогъ,
 Гдѣ матери священное мученье
 Свершалось, какъ жертва, въ оный часъ...
 Какъ выразить сей часъ невыразимый,
 Когда еще сокрыто все дая насъ,
 Сей часъ, когда два ангела незримы,
 Податели конца иль бытія,
 Свидѣтели страданія безвластны,
 Еще стоять въ неvědннѣ, безгласны,
 И робко ждуть, что скажетъ Судія,
 Кому изъ двухъ невозвратимымъ словомъ
 Иль жизнь пль смерть велитъ благовѣститъ?..
 О! что въ сей часъ сбывалось тамъ, подъ
 кровомъ
 Царей, гдѣ мигъ былъ долженъ разрѣшить
 Намъ Промысла намѣреніе тайно,
 Угадывать я мыслью не дерзалъ;
 Но сладкій гласъ мнѣ душу проникалъ:
 «Здѣсь Божій міръ; ничто здѣсь не
 И вѣрла безтременно душа. [случайно.]»
 Межъ тѣмъ, восходо спокойной соверша,
 Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славою;
 Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ;
 И тишины исполненъ величавой,
 Торжественно державный Кремль стоялъ...
 Казалось, все съ надеждой ожидало.
 И въ оный часъ предъ мыслию моею
 Минувшее безмолвно воскресало;
 Сія рѣка, свидетель давнихъ дней,
 Протекшая межъ столькихъ поколѣній,
 Спокойная межъ столькихъ измѣненій,
 Мнѣ славною блвстала старпной;
 И образы великихъ привидѣній
 Надъ ней, какъ дымъ, влетали предо мной;
 Мнѣ чудилось: развертывая знамя,
 На бой и честь сѣлкалъ полки Донской;
 Пожареній мчалъ, сквозъ ужасы и пламя,
 Свободу въ Кремль по трунамъ поляковъ;
 Среди дружинъ, хоругвей и крестовъ
 Романовъ бралъ могущество державы;
 Вводилъ полки безсмертія и Полтавы
 Чудесный Петръ въ столицу за собой;
 И праздновать звала Екатерина

Румянцова съ вождями предъ Москвой
 Ужасный пиръ Кагула и Эвксина.
 И, дальнія лѣта перелетѣвъ,
 Я мыслию ко близкимъ устремляю.
 Давно ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій
 глѣвъ?
 Давно ли Кремль разорванный дымился?
 Что зрѣли мы?.. Во прахѣ домъ царей;
 Безславіе разбитыхъ алтарей;
 Святинища, лишеныя святыни;
 И все Москва, какъ гробъ среди пустыни.
 И что жъ теперь?.. Стою на мѣстѣ томъ,
 Гдѣ сунотать ругался надъ Кремлемъ,
 Зажженною любуюся Москвою—
 И тишина святая надо мною;
 Москва жива; въ Кремлѣ семья царя;
 Народъ, тѣбясь къ ступенямъ алтаря,
 На праздникъ великомъ Воскресенія,
 Смирненно ждеть падежды совершенія,
 Ждетъ милого пришельца въ Божій свѣтъ...
 О! какъ у всѣхъ душа залпковала,
 Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
 Исполненный Создателя обѣтъ!
 О! сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ
 жданннй!
 Гради въ нашъ міръ, младенецъ, гость же-
 Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ, [ланнй!
 Младой отецъ предъ матерью спасенной,
 Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишень;
 Передъ твоей невинностью емпренной
 Безмольная прамагеръ слезы льетъ;
 Уже Москва *своимъ* тебя зоветъ...
 Но какъ понять, что въ часъ сей непо-
 нятнй
 Сбылось съ твоею, младая матъ, душой?
 О! для нея открылся міръ ипой.
 Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатнй,
 О лучшемъ ей сказало бытія;
 Чистѣйшія заглгивъ въ ней упованья;
 Не для тебя теперь твои желанья,
 Не о тебѣ днесъ радости твои;
 Младенчества обвитый пеленами,
 Еще безъ словъ, незрицими очами
 Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчасть ошь;
 Какъ тишина, его прекрасенъ сонъ;
 И жизни вѣсть къ нему не достигала...
 Но ужъ судьба свой судъ о немъ сказала:
 Уже въ ея святинищѣ стоитъ
 Ему испить назначенная чаша.

Что скрыто въ ней, того надежда наша
 Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ...
 Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
 На высотѣ воскреснаго Кремля;
 Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоуглавый;
 Кругомъ его и небо, и земли,
 Нитавшія Россію въ колыбели;
 Здѣсь жизнь отцовъ великая была;
 Здѣсь битвы пхъ за честь и Русь выигралъ,
 И здѣсь ихъ прахъ могилъ приняла—
 Обманеть ли сіе знаменованье?..
 Прекрасное Россія упованье
 Тебѣ въ твоёмъ младенцѣ отдастъ.
 Тебѣ его младенческія лѣта!
 Отъ пхъ пеленъ ко входу съ бури свѣта
 Пускай тебѣ вослѣдъ онъ перейдетъ
 Съ душой, на все прекрасное готовой;
 Наставленный: достойнымъ счастья быть.
 Великое съ величьемъ сносить,
 Не тренетать, встрѣчая рокъ суровой,
 И быть въ дѣлахъ времяя своихъ красой.
 Лѣта пройдутъ, подвижники молодой,
 Откинувши младенчества забавы,
 Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
 Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ!
 Да славнаго участника славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудетъ
 Святыишаго изъ званій: *человѣкъ*
 Жить для вѣковъ въ величій пародномъ,
 Для блага *всѣхъ*—свое позабывать,
 Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
 Съ смиреніемъ дѣла свои читать;—
 Вотъ правила царей великихъ внуку.
 Съ тобой ему пачать сію науку.
 Теперь, едва проснувшійся душой,
 Предъ матерью, какъ будто предъ судьбой,
 Безнечно онъ играетъ въ колыбели,
 И радости младыя пралетѣли
 Ея покой прекрасный оживлять;
 Житнейское отъ ней еще далеко...
 Храни ее, заботливая мать;
 Твоя любовь—всевидящее око;
 Въ твоей любви—святая благодать.

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

БАЛЛАДА.

[изъ Шиллера].

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
 Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ

Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
 Въ сияньѣ вѣнца и въ порфирѣ.

Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ раз-
 носилъ;

Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;

И семь избрателей, чинамъ

Устроенный древле свершая обрядъ,

Блестали, какъ звѣзды предъ солнцемъ
 блестятъ,

Предъ новымъ своимъ растелнномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
 Ликующимъ полнымъ народомъ;

И клики, со вѣхъ прилетая сторонъ,
 Подъ древнимъ слиялися сводомъ.

Былъ кончелъ раздоръ; перестала война;

Безцарственны грозны прошли времена;

Судья надъ землею былъ снова;

И воля губить у меча отнята;

Не брошены слабый, вдова, сирота

Могилимъ во власть безъ покровъ.

П кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
 Съ привѣтливимъ взоромъ вѣщаетъ:

«Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;

Все царскій мой духъ восхищается...

Но гдѣ жъ утѣшитель, илѣнитель сердецъ?

Придетъ ли мнѣ душу расстрогать пѣвецъ?

Игрой и благимъ поученьемъ?

Я илѣней былъ другомъ, какъ рыцарь

простой;

Ставъ кесаремъ, брошу ль обычай святой

Пиръ усаждать пѣснопѣьемъ?»

П вдругъ изъ среды величавыхъ гостей

Выходитъ, одѣтый таларомъ,

Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
 Младымъ преполненный жаромъ.

Въ струнахъ золотыхъ вдохновенне живетъ

Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,

О всемъ, что святого есть въ мірѣ,

Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...

«О чемъ же властитель воспѣтъ повелитъ

Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?»—

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой

(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель);

Онъ высшую силу призналъ надъ собой;

Минута ему повелитель;

По воздуху вихоръ свободно шумитъ;

Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?

Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣнь зарождаеть души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспринувъ, ныласть. —

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
«На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ—
Изъ чащи лѣной на сіяющей дугъ, [другъ
И бѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ:
Идетъ изъ кустовъ понамарь и зvonитъ;
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.

«И набожный графъ, умиленный душой,
Кольца свои преклоняеть,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, кто живить и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутивку пастырь Дары отдасть;
И обувь снимаетъ и смѣло идетъ
Съ священной ноплею въ воду.

«—Куда? — изумившійся графъ вопро-
Въ село, умирающей нищій [силъ. —
Ждетъ въ мучахъ, чтобъ пастырь его раз-
И алчетъ небесныя пищи. [рѣшилъ,
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Силетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мо-
Его разбросало водою; [стокъ —
Чтобъ душу святой благодатью снасти,
И здѣсь неглубокій потокъ перейти
Слѣшу обнаженной стопою. —

И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяшемъ слѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдо пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Двигается къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«—Дерзну ли помыслить я, — графъ возгла-
Почтительно взоръ склонивши. — [силъ,
Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,

Спасителю Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынь Тѣму, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила и честь,
Кому не помедлю на жертву принести
И силу, и честь, и дыханье. —

Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почититъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесъ Онъ почтеть былъ тобою;
Гельвеція славою сіяетъ твоей;
И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будутъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды.» —

Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устре-
И тапство словъ объяснилось: [милъ —
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
И слезы свои отъ толпы золотой
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ...
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

В А Л Л А Д А.
(изъ шиллера).

«Сладко мнѣ твоей сестрою,
«Милый рыцарь, быть;
«Но любовію мною
«Не могу любить:
«При разлукѣ, при свиданьи,
«Сердце въ тишинѣ —
«И любви твоей страдающе
«Непонятно мнѣ.»

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью —
Участь рѣшена;
Руку сжалъ ей; вѣрлгой сталью
Грудь обложена;
Звонкій рогъ созвалъ дружину;
Всѣ уязъ на коняхъ;
И помчались въ Палестину,
Крестъ на раменахъ.

Ужь въ толнѣ враговъ сверкають
 Грозно племы ихъ;
 Ужь отвагой изумляютъ
 Чуждыхъ и своихъ.
 Тогенбургъ лишь выйдеть къ бою,—
 Сарацинъ бѣжить...
 Но душа въ немъ все тоскою
 Прежнюю болить.
 Годъ прошелъ безъ утolenья...
 Нѣтъ ужъ силъ страдать;
 Не найти ему забвенья—
 И покинулъ рать.
 Зреть корабль—шумять вѣтрилы,
 Бьеть въ корму волна—
 Съль и поплыль въ край тотъ милый,
 Гдѣ цвѣтетъ она.
 Но стучится къ ней напрасно
 Въ двери пилигримъ;
 Ахъ, онѣ съ молвой ужасной
 Отгнались предъ нимъ:
 «Узы вѣчнаго обѣта
 «Приняла она;
 «И, погибшая для свѣта,
 «Богу отдана.»
 Пышны праотцевъ палаты
 Бросить онъ спѣшитъ;
 Навсегда покинулъ латы;
 Конь павѣкъ забыть;
 Власяной покрытъ одеждой,
 Инокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Неукрашенный надеждой,
 Онъ оставилъ свѣтъ.
 И въ убогой кельѣ скрылся
 Близъ долины той,
 Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
 Монастырь святой:
 Тамъ—сіяло ль утро ясно,
 Вечеръ ли темилъ—
 Въ ожиданьѣ, съ мукой страстной,
 Онъ одинъ сидѣлъ.
 И душѣ его унылой
 Счастье тамъ одно:
 Дождаться, чтобъ у милой
 Стукнуло окно,
 Чтобъ прекрасная явлася,
 Чтобъ отъ вышины

Въ тихій долъ лицомъ склонилася,
 Ангель тишины.
 И дождавшись, на ложе
 Простирался онъ;
 И надежда: *завтра то же!*
 Услаждала сонъ.
 Время годы вводило...
 Для него жъ одно:
 Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ умилей
 Стукнуло окно;
 Чтобъ прекрасная явлася;
 Чтобъ отъ вышины
 Въ тихій долъ лицомъ склонилася,
 Ангель тишины.
 Разъ—туманно утро было—
 Мертвъ онъ тамъ сидѣтъ,
 Блѣдещъ ликомъ, и уныло
 На окно глядѣтъ.

ВѢРНОСТЬ ДО ГРОБА.

(изъ КЕРМЕРА).

Младый Рогерь свой острый мечъ беретъ:
 За вѣру, честь и родню сразитъсь!
 Готовъ онъ въ бой... но къ милой онъ идетъ:
 Въ послѣдній разъ съ прекрасно проститься.
 «Не плачь: надъ нами щитъ Творца;
 «Еще насъ небо не забыло;
 «Я буду вѣренъ до конца
 «Свободѣ, мужеству и милой.»
 Сказалъ, свой шлемъ нагнувъ, поскакалъ;
 Дружина съ нимъ; князь сердца ихъ боемъ;
 И скоро строй неустрашимыхъ сталъ
 Передъ врагомъ необозримымъ строемъ.
 «Сей видъ не страшень для бойца;
 «И смерть ли небо мнѣ судило—
 «Остануеь вѣренъ до конца
 «Свободѣ, мужеству и милой.»

И, на врага взоръ мести бросивъ, онъ
 Влетѣлъ въ ряды, какъ пламень-пестрель;
 И вспыхнулъ бой и врагъ ужъ истребленъ;
 Но... побѣдивъ, сраженъ и побѣдитель.
 Онъ почестъ браннаго вѣнца
 Пріялъ съ безвременной могилой,
 И былъ онъ вѣренъ до конца
 Свободѣ, мужеству и милой.

Но гдѣ же ты, пѣвецъ великихъ дѣлъ?

Иль нѣснь твоя твоей судьбою стала?..
Его ужь нѣтъ; онъ въ край тотъ улетѣлъ,
Буда давно мечта его летала.

Онъ палъ въ бою—и гласъ пѣвца
Безсмертно дѣло освятило;
И онъ былъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

ГОРНАЯ ДОРОГА.

[изъ пиллера].

Надъ страшною бездною дорога бѣжитъ,
Межъ жизнью и смертію мчится;
Толпа великановъ ее сторожить;
Погибель надъ нею гнѣздится.
Страшнѣ пробужденія лавины ужасной:
Въ молчаніи пройди по дорогѣ опасной.

Тамъ *мостъ* черезъ бездну отважною дугой
Съ скалы на скалу перегнулся;
Не смертною былъ онъ поставленъ рукой—
Кто смертный къ нему бы коснулся?
Потокъ подъ него разъяренный бѣжитъ;
Сразить его рвется и вѣкъ не сразить.

Тамъ, грозно раздавшись, стоятъ *ворота*;
Мнишь: область гнѣней предъ тобою;
Пройди ихъ—долина, долинь красота,
Тамъ осень играетъ съ весною.
Приютъ сокровенный! желанный предѣлъ!
Туда бы отъ жизни ушелъ, улетѣлъ.

Четыре *потока* оттуда шумятъ—
Не зрѣли ихъ выхода очи.
Стремятся они на востокъ, на закатъ;
Стремятся къ полудню, къ полночи;
Рождаются вмѣстѣ; родясь, разегаются;
Бѣгутъ безъ возврата и вѣкъ не сольются.

Тамъ въ блескѣ небесъ два *утеса* стоятъ,
Превыше всего, что земное;
Кругомъ облака золотыя кипятъ,
Этира семейство младое;
Ведутъ хороводы въ странѣ голубой;
Тамъ не былъ, не будетъ свидѣтель земной.

Царица сидитъ высоко и свѣтло
На вѣчно-пезыблемомъ тронѣ;
Чудесной красой обвиняетъ чело
И блещетъ въ алмазной коронѣ;
Напрасно тамъ солнцу сѣять и горѣть:
Ее золотить, по не можетъ согрѣть.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

БАЛЛАДА.

[изъ гете].

Кто скачетъ, кто мчится нождъ хладною
мглою?
Бздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣбеть старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко при-
льнулъ?—
Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ
сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.
— О, нѣтъ, то бѣлѣтъ туманъ надъ водой.—

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
«Веселаго много въ моей сторонѣ:
«Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
«Изъ золота слиты чертоги мои.»

Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
— О, нѣтъ, мой младенецъ, слышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ
листы.—

«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
«Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
«При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
«Играя, летая, тебя усыплять.»

Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ пзъ темныхъ вѣтвей.
— О, нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдня стоятъ въ сторонѣ.—

«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
«Неволей иль волей, а будешь ты мой.»
Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжело
дышать.

Бздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Бздокъ погоняетъ, бздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

ЛИСТОКЪ.

Отъ дружной вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь?... «Не знаю самъ;

«Гроза разбила дубъ родимый;
 «Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ
 «По волѣ случая носимый,
 «Стремлюсь, куда велитъ мнѣ рокъ,
 «Куда на свѣтѣ все стремится,
 «Куда и листъ лавровый мчится,
 «И легкій розовый листокъ.»

М Е Ч Т А.

Ахъ! если бѣ мой милый былъ роза-цвѣтокъ,
 Его унесла бы я въ свой уголокъ;
 И тамъ украшалъ бы мое онъ окно;
 И съ нимъ я душой бы жила заодно.

Къ нему бы въ окно вѣтерокъ прилеталъ,
 И свѣжій мнѣ запахъ на грудь навѣвалъ;
 И я бѣ унывала, имъ сладко дыша,
 И съ милымъ бы, тая, сливалась душа.

Его бы и ранней и поздней порою
 Я, нѣжа, попла струей ключевой;
 Ко мнѣ прилиная, живые листы
 Шептали бѣ: я милѣй, а милая ты.

Не съла бы пчелка на милый мой цвѣтъ;
 Сказала бѣ я: меду для пчелки здѣсь нѣтъ;
 Для пчелки-летуньи есть шелковый лугъ;
 Моимъ безъ раздѣла останься мой другъ.

Сильфиды бы легкой слетѣлись толпой
 Къ нему любоваться его красотой;
 И мнѣ бы шепнули, цѣлуя листы:
 Мы любимъ, что мило, мы любимъ, какъ ты.

Тогда бѣ встрепенулся мой милый цвѣтокъ,
 Съ цвѣтка сорвался бы румяный листокъ,
 Къ моей бы щекѣ распаленной присталъ,
 И пурпурнымъ жаромъ на ней заигралъ.

Родная бѣ спросила: что, другъ мой, съ
 тобою?

Ты вся разгорѣлась, какъ день молодой.
 «Родная, родная,—сказала бы я,—
 «Мнѣ въ душу свой запахъ льетъ роза моя.»

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

[изъ гевеля].

Откуда, звѣздочка краса?
 Что рано такъ на небеса
 Въ одеждѣ праздничной твоей,
 Въ огнѣ блистающихъ кудрей,

Въ красѣ воздушно-голубой,
 Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
 Ань, нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
 Не счесть накиданныхъ сноповъ.
 Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
 Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
 Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать,
 Зато п утра не видать.

А жпець съ восточною звѣздой
 Всегда встаетъ передъ зарей.
 Работа рано по утру—
 Досугъ и пѣсни ввечеру.

А птички? Всѣ давно ужъ тутъ:
 Играютъ, свищутъ и поютъ;
 Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь;
 Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день.
 И томно горлинки журчатъ;
 Да чу! и къ заутренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась:
 «Небесный Царь, услыши насъ;
 «Твое владычество приди,
 «Насъ въ искушенье не введи;
 «На путь спасенія поставь
 «И отъ лукаваго избавь.»

Зачѣмъ же звѣздочка-краса
 Всегда такъ рано въ небеса?...
 Звѣзда-подружка тамъ горитъ.
 Пока родное солнце спитъ,
 Спѣшать увидѣться онѣ
 Въ уединенной вышинѣ.

Тайкомъ сквозъ дремлющій разсвѣтъ
 Она за милою востѣдъ
 Бѣжитъ, сіяя, на востокъ;
 И будитъ ранній вѣтерокъ;
 И тихо вѣя съ высоты,
 Онѣ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но что жъ? Увидѣться ли?... Нѣтъ.
 Спѣшать за ними солнце встѣдъ.
 Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,
 Свой алый завѣсъ подняло,
 Надѣло знойный свой уборъ
 И ярко смотреть изъ-за горъ.

А звѣздочка?... Ужъ не блещитъ;

Печально-блѣдная, бѣжить;
 Подружкѣ шенцеть: Богъ съ тобой!
 И скрылась въ безднѣ голубой.
 И солнце на небѣ одно,
 Великолѣпно и красно.

Идѣть по свѣтлой высотѣ
 Въ своей спокойной красотѣ;
 Затеплился на церкви крестъ;
 И тонкій паръ встаетъ окрестъ;
 И взглянуть лишь куда оно,
 Тамъ многомъ все оживлено.

На кровлѣ алетъ носъ острить,
 И въ небѣ ласточка кружить,
 И дымъ клубится изъ печи,
 И будить мельницу ручей,
 И тихо рѣбеть темный боръ,
 И звучно въ немъ стучить топоръ.

Но, кто тамъ, въ утреннихъ лучахъ.
 Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?
 Съ вѣтвей посыпалась роса.
 Не ты ли, дѣвица-краса,
 Душѣ сказала моей
 Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звѣздой,
 И будь на тверди голубой,
 Моя звѣзда-подружка, ты,
 И мнѣ сіяй изъ высоты—
 О, звѣздочка-душа моя,
 Не испугался бь солнца я.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

[изъ гевеля].

Знать, солнышко утомлено:
 За горы прячется оно;
 Лучъ погашаетъ за лучомъ
 И, алымъ тонкимъ облачкомъ
 Задержувъ ликъ усталый свой,
 Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
 Мы знаемъ,—лѣтній дологъ путь.
 Вездѣ жь работа: на горахъ,
 Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
 Того согрѣй; тѣмъ свѣту дай,
 И всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
 И имъ расписывай листы;

Потомъ медвяною росой
 Пчелу-работницу напои,
 И чистыхъ капель межъ листовъ
 Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи,
 И молодую изъ земли
 Былинку выведи на свѣтъ;
 Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
 Тѣхъ пріюти между вѣтвей;
 А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
 Не позабудь горячій свѣтъ
 Разсыпать на зеленый садъ,
 И золотистый виноградъ
 Отъ зноя листьями прикрыть,
 И колосъ зрѣлостью палить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
 Смири ихъ къ роцѣ въ холодокъ;
 И тучку темную скопи,
 И травку влагой окропи,
 И яркой радугой съ небесъ
 Соиди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подь острою косою
 Трава ложится полосой,
 Туда безоблачно сіяй
 И сѣно въ копны собирай,
 Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ.
 И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

Итакъ, совсѣмъ не мудрено,
 Что разгорѣлося оно,
 Что отдыхаетъ на горахъ
 Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
 И, намъ сходя за небосклонъ,
 Въ прохладѣ шенцеть: добрый сонъ.

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
 Одишь на башнѣ лишь пѣтухъ
 За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
 Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ
 Сейчасъ оно передъ тобой
 Задержнетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда:
 Пѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
 Оно лишь только въ глубину,
 А онъ какъ разъ на вышину;
 Того и жди, что заблеститъ;
 Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что жь такъ медлить онъ вставать?
 Все хочеть солнце переждать.
 Вставай, вставай, уже давно
 Заснуло въ сумеркахъ оно.
 И вотъ онъ всходитъ; въ доль глядитъ,
 И блѣдно зелень серебрить.

И почь ужь на небо взошла,
 И тихо на небѣ зажгла
 Гостепріимные огни;
 И все замолкнуло въ тѣни;
 И по долинамъ, по горамъ
 Все спитъ... Пора ко сну и намъ.

НЕВЫРАЗИМОЕ.

(отрывокъ).

Что нашъ языкъ земной предъ дивною
 природой?
 Съ какой небрежною и легкою свободой
 Она разсыпала повсюду красоту
 И разновидное съ единствомъ согласила!
 Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?
 Едва, едва одну ея черту
 Съ усилиемъ поймать удастся вдохновенью...
 Но лзя ли въ мертвое живое передать?
 Кто могъ созданіе въ словахъ пересоздать?
 Невыразимое подвластно ль выраженью?...
 Святыя таинства, лишь сердце знаетъ васъ.
 Не часто ли въ величественный часъ
 Вечерняго земли преображенья—
 Когда душа смятенная полна
 Пророчествомъ великаго видѣнья
 И въ безпредѣльное унесена—
 Спирается въ груди болѣзненное чувство,
 Хотимъ прекрасное въ полетѣ удержать,
 Неназреченному хотимъ названье дать,
 И обезсиленно безмолвствуетъ искусство?
 Что видимо очамъ—сей пламень облаковъ,
 По небу тихому летящихъ,
 Сіе дрожанье водъ блестящихъ,
 Сія картины береговъ
 Въ пожарѣ пышнаго заката,
 Сія столь яркія черты;—
 Легко ихъ ловить мысль крылата,
 И есть слова для ихъ блестящей красоты.
 Но то, что слито съ сей блестящей красою—
 Сіе столь смутное, волнующее насъ,
 Сей внемлемый одной душою

Обворожающаго гласъ,
 Сіе къ далекому стремленье,
 Сей мишовавшаго привѣтъ
 (Какъ прилетѣвшее внезапно дуновение
 Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то цвѣтъ
 Святая молодость, гдѣ жило упованье),
 Сіе, шепнувшее душѣ воспоминанье
 О миломъ радостномъ и скорбномъ старини,
 Сія сходящая святыня съ вышины,
 Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ,—
 Какой для нихъ языкъ?.. Горѣ душа летитъ,
 Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится,
 И лишь молчаніе понятно говоритъ.

У Т Ъ Ш Е Н І Е.

(изъ уланда).

Свѣтитъ мѣсяцъ; на кладбищѣ
 Дѣва въ черной власяницѣ
 Одинокая стоитъ,
 И слеза любви дрожитъ
 На густой ея рѣсницѣ.

«Нѣтъ его; на томъ онъ свѣтъ;
 «Сердцу смерть его утѣшна:
 «Онъ достался небесамъ,
 «Будетъ чистый ангелъ тамъ—
 «И любовь моя безгрѣшна.

Скорбь ее къ святому лику
 Богоматери подводитъ:
 Онъ стоитъ въ огнѣ лучей,
 И на дѣву изъ очей
 Милость тихая нисходитъ.

Пала дѣва предъ иконою
 И безмолвно упованья
 Отъ Пречистыя ждала...
 И душою перешла
 Непримѣтно въ міръ свиданья.

Р Ы Б А К Ъ.

(баллада).

Бѣжитъ волна, шумитъ волна!
 Задумчивъ, надъ рѣбой
 Сидитъ рыбакъ; душа полна
 Прохладной тишиной.
 Сидитъ онъ часъ, сидитъ другой;
 Вдругъ шумъ въ волнахъ притихъ...
 И влажною всплыла главою
 Красавица изъ нихъ.

Глядитъ она, поетъ она:

«Зачѣмъ ты мой народъ
Манишь, влечешь съ родного дна,
Въ кипячій жаръ изъ водъ?
Ахъ! если бѣ зналъ, какъ рыбкой жить
Привольно въ глубинѣ,
Не сталъ бы ты себя томить
На знойной вышинѣ.

«Не часто ль солнце образъ свой
Купаетъ въ лопѣ водъ?
Не свѣжей ли горитъ красой
Его изъ нихъ исходъ?
Не съ ними ли сводъ неба слить
Прохладно-голубой?
Не въ лоно ль ихъ тебя манить
И ликъ твой молодой?»

Бѣжитъ волна, шумитъ волна...
На берегъ валъ плеснулъ!
Въ немъ вся душа, тоски полна,
Какъ будто другъ шепнулъ!
Она поетъ, она манитъ—
Знать, часъ его насталь!
Къ нему она, онъ къ ней бѣжитъ...
И слѣдъ навѣкъ пропасть.

М И Н А.

(ПОДРАЖАНІЕ ГЕТЕ).

Я знаю край! тамъ нѣгой дышетъ лѣсъ,
Златой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ,
И вѣтерокъ жаръ неба холодить,
И тихо мнртъ и гордо завръ стоить...
Тамъ счастье, другъ! Туда!—туда
Мечта зоветъ! Тамъ сердцемъ я всегда!

Тамъ свѣтлый домъ! на мраморныхъ
столбахъ
Поставленъ сводъ; чертогъ горитъ въ лучахъ;
И ликовъ рядъ недвижимыхъ стоить;
И, мнитса, ихъ молчанье говорить...
Тамъ счастье, другъ! Туда!—туда
Мечта зоветъ! Тамъ сердцемъ я всегда!

Гора тамъ есть съ заоблачной тропой!
Въ туманахъ мулъ тамъ путь находить свой;
Драконы тамъ мутятъ ночную мглу;
Летитъ скала, и воды на скалу!..
О, другъ, пойдѣмъ! Туда!—туда
Мечта зоветъ... Но быть ли тамъ когда?

ЖАЛОБА ПАСТУХА.

На ту знакомую гору
Сто разъ я въ день прихожу;
Стою, склоняясь на посохъ,
И въ долъ съ вершины гляжу.

Вдохнувъ, медлительнымъ шагомъ
Иду вослѣдъ я овцамъ,
И часто, часто въ долину
Схожу, не чувствуя самъ.

Весь лугъ попрежнему полонъ
Младой цвѣтовъ красоты;
Я рву ихъ—самъ же не знаю,
Кому отдать мнѣ цвѣты.

Здѣсь часто въ дождикъ и въ грозу
Стою, къ землѣ пригвождѣнъ;
Все жду, чтобъ дверь отворилась...
Но то обманивый сонъ.

Надъ милой хижинкой свѣтитъ,
Видаю радуга мнѣ...
Къ чему? Она удалилась!
Она въ чужой сторонѣ!

Она все далѣ! все далѣ!
И скоро слухъ замолчитъ!
Бѣгите жъ, овцы, бѣгите!
Здѣсь горе душу томить!

НОВАЯ ЛЮБОВЬ—НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Что съ тобой вдругъ, сердце, стало?
Что ты поешь? Что опять
Заклибло, запылало?
Какъ тебя растолковать?
Все исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило!
Гдѣ безпечность? Гдѣ покой?..
Ахъ! что сдѣлалось съ тобой?
Распѣвающая ль младость,
Рѣчи ль, полныя душой,
Взора ль пламенная сладость,
Овлаждали такъ тобой?
Захоучу ли ободриться,
Огорваться, удалиться—
Бросить томный, томный взглядъ...
Ахъ! я къ ней лечу назадъ!

Я неволенъ, очарованъ!
Я къ неволѣ золотой,
Обезиленный, прикованъ
Шелковинкою одной!

И бѣжать очарованья
Нѣтъ ни силы, ни желанья!
Радъ тоскѣ! хочу любить!..
Видно, сердце, такъ и быть!

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. КАРАМЗИНОЙ.

Будь, милая, съ тобою любовь Небесъ святая;
Иди безъ трепета, въ тебѣ—открытый свѣтъ!
Прекрасная душа! цвѣти, не увядая;
Для свѣтлыя души въ сей жизни мрака нѣтъ!
Все для души, сказалъ отецъ твой не-
сравненный;

Въ сихъ двухъ словахъ открылъ намъ
ясно опъ

И тайну бытія и нашихъ дѣлъ законъ...
Они тебѣ—на жизнь завѣтъ священный.

24 ноября, 1818.

СМЕРТЬ ИСУСА.

[КАНТАТА КАРЛА ВІЛЬГЕЛЬМА РАМЛЕРА].

Хоръ.

Ты, лившій отъ печали
Потоки горькихъ слезъ,
Возрѣвъ на святотатный
И гибнущій Сіонъ,
Гдѣ сѣни, гдѣ пещера,
Сокрывшій Тебя?
Или уже губитель
Небеснаго сразилъ?

Речитативъ.

Святой пріютъ! гора Оливъ!
Кто подъ твоею сѣнью
Столь скорбенъ, столь покинутъ плачетъ?
Кто борется съ медлительнымъ концомъ?
Ужель Ісусъ мой?.. Лучшій! лучшій изъ
рожденныхъ,

Дрожишь, метешься, какъ преступникъ,
Внимая смертный приговоръ!
Увы! Онъ палъ, обременяемый грѣхами
Преступныя земли!
И грудь Его разорвана тоскою;
Кровавый потъ бѣжитъ
Съ Его лица. Речеть: «Прискорбна и пе-
Моя душа!» [чальпа]

Арія.

Герой, ты стрѣлы смерти
Везстрашно отразилъ;
Но смертью устрашеннымъ
Ты бодрость подаешь!

Ты былъ, ты будь всегда защита мнѣ!
Когда на краѣ смертной жизни
Узрю я бездны, и не будетъ
Отъ нихъ пріюта мнѣ;
Когда послышится Грядущій
Съ вѣсами, съ громомъ и природа
Встрепещетъ передъ нимъ...
О, кто тогда меня спасетъ?

Хоръ.

О, кто же? кто, когда не Ты,
Меня въ послѣдній, тяжкій часъ
Поставить, поддержитъ, утѣшитъ?
Кто силу дастъ моеи душѣ,
Когда безъ силы будетъ жизнь,
Когда въ борьбѣ съ ужасной смертью
Я буду крѣпости лишень?—
Не ты ли, Богъ, Спаситель мой?

Речитативъ.

О, мой Эмануэль! Терзаясь, опъ простергъ
Во прахѣ; видитъ ужасъ смерти; взоръ
Подъемаля, вопіеть: «Всевышній! страшенъ
Вели, да пройдетъ онъ! [часъ сей!
Прими, прими отъ устъ моихъ ужасну чашу!
Не впемлешь Ты?.. Отецъ! Твоя да будетъ
воля!»

И свѣтелъ возстаетъ съ земли Онъ изумлен-
Подхятыи ангела рукой! [ной,
И зрять: учениковъ сонъ тяжкій обуялъ!
Ложатъ; но смутенъ сонъ и лица ихъ не-
Задумчиво Небесный говорятъ, [чальны!
На нихъ склопя съ любовью свѣтлымъ,
скорбный ликъ:

«Духъ бодръ и крѣпокъ; но безсилна
плоть!..

«И ты, мой Петръ, заснулъ!
О, бодрствуйте! молитесь, братія!»

Арія.

Умиленная молитва
О свершенъ дѣлъ прекрасныхъ
Возлетаетъ къ небесамъ,
И Господь доступенъ ей!
Восхожу ль крутой дорогой
Къ добродѣтели святой—
О! на трудномъ семъ пути
Я, какъ странникъ утомленный,
Ожидая, уповаю
Скоро видѣть па вершинѣ
Благодатныя мѣста,
И полюю и гимнъ пою!

Речитативъ.

Раздался топотъ; копыя блещутъ при
 Полночныхъ; зрю толпу убійць; [огняхъ
 Идутъ убійцы!.. Ахъ! Его судьба сверши-
 лась!..

Но Онъ, неустрашимый, приступилъ
 Къ своимъ врагамъ; Онъ имъ вѣщаетъ:
 Моихъ друзей не троньте!» [«Я готовъ!
 Товарищи, смятены, съ словомъ симъ
 И въ ухахъ Онъ; влекутъ Его; [бѣгутъ...
 И Петръ за Нимъ, единственный изъ братій.
 Идетъ, безъ силъ спасти, вдали.

За другомъ влѣдъ къ Кайяфѣ онъ
 Идетъ въ слезахъ. Что слышу я? Какое слово?
 Ахъ! Петръ, ужели? Ты ль сказалъ:
 «Не знаю, кто сей человѣкъ!»

Какъ низко ты сей величія упалъ, несчаст-
 Онъ видить: кротко на него [ный!
 Иисусъ взглянулъ. Онъ понялъ взоръ;
 И прочь идетъ;

И плачетъ горько онъ!

Арія.

О, вы, незлобны души,
 Вашъ сонъ недолго длится!
 Во слухъ вашъ загремятъ
 Карающая совѣсть—
 И васъ предастъ слезамъ.
 А вы, злодѣи, трепещите!
 Змѣей изъ вашихъ розъ подыметъ
 Свою раскаянне главу
 И угрызенья острымъ жаломъ
 Изрѣжетъ душу вамъ.

Всѣ.

Скорбью сердце въ насъ объято; унываетъ!
 О горе! горе намъ, преступникамъ злымъ!

Хоръ.

Я душу къ Богу вознесу
 Съ покорнымъ покаяньемъ!
 Ты Самъ и помощь и совѣтъ
 Подашь мнѣ, Утѣшитель!
 И мощный благодати духъ,
 Въ насъ обновляющій сердца,
 Пребудетъ надо мною!

Речитативъ.

Иерусалимъ убійственно возопіялъ:
 «Будь кровь Его на насъ! на насъ и на-
 шихъ чадахъ!»
 Лкуй, Иерусалимъ! Его пролита кровь!
 Поставленъ въ пурпурѣ толпѣ на поруганье,

Чтобъ утѣшителя въ мученьяхъ не имѣть,
 Чтобъ духомъ пасть отъ посрамленья...
 И во Немъ одна любовь; незлобень, пред-
 стоитъ

Съ вѣнцомъ, вонзившимся въ чело. И
 Преступная рука Его разить [дерзновенно
 Жезломъ въ главу; и кровь стремится по
 «Се человѣкъ!» Напрасно жалость [лицу.

Тирана гласомъ говоритъ:
 «Се человѣкъ!» Иуда глухъ къ нему.
 Окровавленному на плечи возложили
 Уже тотъ крестъ, на коемъ въ мукахъ
 Онъ умретъ!

Онъ принялъ крестъ свой, но безсильный
 палъ!

И добрыя сердца своей не скрыли скорби;
 Давно таймы слезы льются;

А онъ, взглянувъ на плачущихъ, сказалъ:
 «Друзья, не плачьте обо мнѣ!»

Арія.

Тверда гора Господня!
 Стопой въ гремящей бурѣ,
 Главой въ небесной славѣ...

Таковъ герой твой, Ханаанъ!
 Пусть грозно смерть съ громами мчится,
 Пускай изъ пѣнной бездны воетъ,
 Пускай земную твердь ломаетъ—
 Но правый мужъ поколебимъ.

Всѣ.

Свѣтлый намъ Онъ Свой образъ оставилъ,
 Чтобъ мы имъ душу питали съ чистой
 любовью.

Хоръ.

На все дерзну я въ честь Твою и славу!
 Что мнѣ страдашь? Что мнѣ стыдъ и
 бѣдность?

Что мнѣ гоненье? Что мнѣ ужасъ смерти?
 Тронуть ли сердце?

Речитативъ.

Стоитъ погибельный, судьбами полный,
 крестъ!..

О, Праведный! Невинный! онъ ужъ насту-
 пилъ—

Сей неизбѣжный часъ для Тебя!.. Горе!
 Не цѣни вижу я! готовятъ [горе!
 Ужасы гвозди!.. Руки Онъ имъ подаетъ,
 Святыя руки, милость лившія на насъ!
 И страшно грянулъ тяжкій млатъ; прон-
 зилось

Святое тѣло жаднымъ остріемъ. Съ тер-
пѣньемъ
Онъ сносить все; Онъ ясенъ; се подыять
Поруганный, въ крови, въ терзаньяхъ
На страшный крестъ!.. [смерти,
Израиля сыны! воскликните къ страдальцу:
«Помилуй!» Мщенье смерть да усмирить!
Вотще! Ругаются падъ Нимъ
Съ холоднымъ смѣхомъ, съ дерзкимъ ли-
кованьемъ злобы.
И молить онъ: «Отецъ мой! Ахъ! прости
безумнымъ!
Они не знаютъ, что творять!»

Дуэть.

- А. Врагъ мой, утѣнитель мой,
Зри, сколь я люблю тебя:
Все простить—мое отмщенье!
В. Ты, ругающійся мнѣ,
Я молюся небесамъ,
Да пошлютъ тебѣ все блага!
А. В. Сей законъ намъ далъ Христосъ:
А. Царь, Иегова, триевятыи,
Ты вповинымъ отпускаешь
Ихъ вины!
В. Царь! Иегова! Богъ любви!
И порочнымъ и злодѣямъ
Ты любовь!
А. В. Счастливъ, кто тебѣ вослѣдъ!

Речитативъ.

О, кто сей праведный, висящій на крестѣ,
Межъ двухъ злодѣевъ, къ древу казни
пригвожденный!
Узнайте въ благостяхъ Его.
Стыдъ, муку, смертный часъ забылъ Онъ;
въ мысляхъ видя,
Марія, твой печальный жребій, завѣщать
Слѣшить Онъ другу сердца должность
драгоценну:
«О, братъ мой! здѣсь свою зришь мать!»
Вѣрный другъ
Идетъ учителя святой завѣтъ исполнить.
И зрить его Иусъ,—
И поля въ веселья Онъ, и ранъ своихъ не
слышитъ.
Еще Его душа отраду въ часъ кончины
Томному тоской преступнику даетъ:
Онъ, ликъ свой обративъ къ терзаемому
смертью,

Распятому злодѣю, благостно прорекъ:
«Вѣщаю Я! со Мною, другъ Мой,
Со Мной днешъ въ раѣ будешь ты!»

Арія.

Пой небеснаго пророка,
Утѣннемъ, упованьемъ
Возвышающаго душу,—
Пой въ восторгѣ, вся земля!
Ты, изъ праха улетѣвшій,
Ты, катящіяся звѣзды
Низко подъ собою зрящій,
Наслаждайся новой жизнью,
Мчися по лѣствицѣ твореній
Къ серафимамъ! выше! выше,
Духъ мой... Богъ будь иъсьнъ твоя!

Всѣ.

Радуйся, духомъ смиренный! Что Го-
сподь намъ рекъ, то свершится!
Что намъ онъ назначилъ, то намъ
онъ пошлетъ.

Хоръ.

Создатель, сколь прекрасенъ Твой
Обѣтованный добрымъ свѣтъ!
Но кто къ нему достигнетъ?
О, Примиритель! Богъ любви!
Твоя рука туда ведетъ...
Прости, прости мнѣ руку!
Дай, единымъ
Сладкимъ взглядомъ
Въ мѣръ прекрасный,
Облегчить мнѣ разетаванье
Съ жизнью здѣшней!

Речитативъ.

И силой вдругъ съ послѣдней мукой смерть
Въ святую душу ворвалась; всю грудь
Ему вздымаетъ боль; по жиламъ пролился
Огонь; и тѣло на крестѣ
Все извилось... Тоскуетъ
Онъ въ тяжкомъ трепетѣ кончины; цѣ-
ль адъ
Лежитъ на немъ—и Онъ, изнеможенный
Отъ мукъ, напавшихъ на Него,
Воззвалъ: «Отецъ! Отецъ! почто меня оста-
И се... утихнулъ. Страшный часъ [вилъ!»
Протель. Онъ возопилъ: «Я жажду!» Въ
поруганье
Несутъ вино, отравленное желчью.
Уже молчить страданье въ Немъ,
И, торжествуя, Онъ воззвалъ:

«Свершилось!.. Прими, Всевышній, въруцѣ
духъ мой!»

И, преклонивъ главу на грудь—отшелъ!
Со вѣхъ слѣбли звѣздъ смятенны сера-
И вопіють: «Его ужъ нѣтъ!» [фимы,
И въ безднахъ грянуло подземныхъ:
Его ужъ нѣтъ!

Голова, трепещи! Ты кровь Его пріяла!
Затмися, день! и міру въ часъ сей не свѣти!
Ты разорвись, земля, убійцъ носяща!
Тьма гроба, разступись! воздвигнитесь, отцы!
Земля, гдѣ скрыты вы,
Вся кровью облита!
Его ужъ нѣтъ! Повѣдай
Въ печали утро утра:
Его ужъ нѣтъ!
И вѣчность, трепетно отвѣтствуй:
Его ужъ нѣтъ!

Хоръ.

Скорби, душа!
Ужъ другъ людей
Земную жизнь покинулъ!
Намъ ужъ болѣ не слышать
Сладкихъ устъ ученья!

Соло.

Ободришь! Все ужъ ниспровергнулъ
Мощный левъ Іуды!

Хоръ.

Скорби, душа!
Гдѣ другъ людей?
Погибъ среди мученій!
Нѣжну грудь разорвала
Скорбь неодолима!

Соло.

Ободришь! и пр.

Хоръ.

Скорби душа!
Се другъ людей,
Смиранный, непорочный,
Въ поруганьѣ, въ униженъѣ,
Казнь рабовъ приеждеть!

Соло.

Ободришь! и пр.

Хоръ.

Простерты мы въ слезахъ, въ молитвахъ,
Спаситель, предъ Тобой!
И наши слезы въ прахъ люются,
Облитый кровію Твоей—
О, вѣчно славимъ будь!
Защитникъ, другъ и примиритель,
Ты вѣчные свои законы
Печалью смерти утвердилъ—
Прославленъ будь вѣвѣки!
Вѣвѣкъ боготворимъ!
Простерты и пр.

НАДГРОБІЕ

и. п. и а. и тургеневымъ.

Судьба на мѣстѣ семь разрознила нашъ
кругъ:

Здѣсь милый нашъ отецъ, здѣсь нашъ
любимый другъ;
Ихъ разлучила смерть, и смерть соединила;
А памъ въ святой завѣтъ святая ихъ могила:
«Ихъ неутраченной любви не измѣнить;
«Ту жизнь, гдѣ ихъ ужъ нѣтъ, какъ съ
ними, совершить—
«Чтобъ быть достойными о нихъ вос-
поминанья,
«Чтобъ встрѣтить съ торжествомъ великій
часъ свиданья»

ПРИМѢЧАНІЯ.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.

Напеч. въ первый разъ въ послѣдней книжкѣ „В. Евр.“ за 1812 г., № 23—24; въ слѣдующемъ, 1813 г., вышло двумя изданиями: первое помѣчено въ сентябрѣ 24 января, второе—12 мая. Второе издание было сдѣлано по желанію самой императрицы Маріи Феодоровны.

Въ первыхъ, болѣе раннихъ, изданіяхъ сочиненій Жуковского „Пѣвецъ“ помѣченъ 1812 годомъ; въ изд. 1849 г. отнесенъ къ 1811 году[...],—хотя здѣсь же, въ примѣчаніи, читается: „Авторъ писалъ сіи стихи послѣ отдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ...“ Сраженіе при Тарутинѣ происходило въ началѣ октября 1812 года.

Вождю побѣдителей.

Напеч. въ „В. Евр.“, 1812 г., № 21—22, п вслѣдъ затѣмъ въ „Сынѣ Отец.“ 1813 г.; въ 1813 же году вышло отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Клязю Смоленскому“ (СПБ., 1813). Въ первыхъ двухъ изданіяхъ помѣчено 1812 г.; въ изд. 1849 г. отнесенъ къ 1811 году (!),—хотя здѣсь же, въ самомъ заглавіи, удерживаются дополнительные слова заглавія: „писано послѣ сраженія подъ Краснымъ“. Сраженіе подъ Краснымъ происходило 6 ноября 1812 года.

Элизіумъ.

Маттиссонъ (F. Matthiesson, 1761—1831) принадлежалъ къ числу восторженнѣхъ, но пользовавшихся чрезвычайною популяренностію въ свое время нѣмецкихъ поэтовъ. Впрочемъ, о стихотвореніяхъ Маттиссона былъ очень высокаго мнѣнія и Шиллеръ, которому нравилась въ его поэзіи тихая меланхолія и мечтательность, соединявшаяся съ красивыми описаніями природы и плавностію языка. По общему своему міровоззрѣнію, Маттиссонъ принадлежалъ къ Руссо. Лучшимъ произведеніемъ Маттиссона была его *Elegie in den Ruinen eines alten Bergschlosses*,—переведенная Батюшковымъ (На развалинахъ замка въ Швеціи). Въ одномъ изъ своихъ писемъ Батюшковъ приводитъ характеристику, сдѣланную Шиллеромъ Маттиссоновской поэзіи: „Тѣсною обращеніе съ природою и съ классическими образцами напитало его духъ, очистило его вкусъ и сохранило его нравственную грацію; пламенная и чистѣйшая любовь къ человечеству одушевляеть его произведенія, и всѣ явленія природы отражаются въ душѣ его со всѣми отбѣнками, какъ въ тихомъ зеркалѣ воды“ („Соч.“, II, 83—84).

Пиршество Александра, или сила гармоніи.

Англійскаго поэта Джона Драйдена (J. Dryden, 1631—1700) Шерръ называетъ „знаменитѣйшей одой англійской литературы“. Во всякомъ случаѣ, ода эта, написанная въ самые послѣдніе годы жизни поэта, обладаетъ несравненно болѣе высокимъ поэтическимъ огнемъ, чѣмъ другія, болѣе раннія, его произведенія. Д. Драйденъ принадлежалъ къ старому

периоду англійской литературы и былъ однимъ изъ величайшихъ англійскихъ поэтовъ такъ-наз. классической эпохи.

Пустынный.

Оливеръ Гольдсмитъ (O. Goldsmith, 1728—1774), знаменитый англійскій романистъ, авторъ столь извѣстнаго во всѣхъ европейскихъ литературахъ *Векфильдскаго Священника* (Wicgar of Wakefield, 1766), былъ замѣчательнымъ писателемъ также въ области пѣсни, баллады и описательной поэзіи.

Посланіе къ Плещееву въ день Свѣтлага Воскресенья.

Посланіе это до сихъ поръ не было напечатано сполна.—лишь первая, сравнительно меньшая, часть его читается въ послѣд. изданіи г. Ефремова (СПБ., 1901); вторая, болѣешая, часть стихотворенія, осталась ненапечатанной... Полный текстъ посланія читается въ автографѣ, въ альбомѣ М. А. Протасовой. (№ 14).

Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ, страстный любитель музыки и театра, отчасти и самъ композиторъ, мастерски писавшій французскіе стихи, хорошо знакомый съ русской литературой (род. ок. 1775 г.; ум. въ 1827), родственникъ Карамзина, который родителямъ этого Плещеева писалъ свои знаменитыя *Письма русского путешественника*,—сначала служилъ въ гвардіи, потомъ, женившись на гр. А. И. Чернышевой, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Черни. верстахъ въ 40 отъ Муратова и Бѣлева, гдѣ жили Е. Ав. Протасова съ своимъ семействомъ и Жуковский. Чернь скоро сдѣлалась центромъ веселья на всю округу;—со всего уѣзда сюда съѣзжались гости,—сюрпризамъ, домашнимъ театрамъ, маскарадамъ и т. п. конца не было. Самъ хозяинъ былъ, по словамъ Жуковского, „неисчерпаемымъ источникомъ веселья“. Выше, по другому поводу, приводилось отношеніе сюда свидѣтельство кн. Вяземскаго. На домашнемъ театрѣ Плещеева представлялись комедіи и оперы, имъ самимъ сочиненныя и положенныя на музыку. Плещеевъ, облада прѣкраснымъ талантомъ читать и играть драматическія сочиненія, руководилъ театральными представленіями съ рѣдкимъ искусствомъ... По смерти своей жены, Плещеевъ перѣхалъ въ 1817 г. въ Петербургъ, и при посредствѣ Жуковского, имѣя славу отличнаго декламатора и вообще чтеца,—Плещеевъ вскорѣ былъ назначенъ чтецомъ при императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

Пѣсня матери надъ колыбелью сына.

(Изъ Беркена.)

Арно Беркенъ (Arnaud Berquin, 1749—1791), пріобрѣтшій особенную извѣстность своимъ сборникомъ дѣтскихъ разсказовъ (*L'ami des enfans*, 1784), за который получилъ премію отъ Французской Академіи,—принадлежалъ къ представителямъ французской сентиментально-буколической поэзіи; его назы-

вади французскимъ Гесснеромъ. Переведенное Жуковскимъ стихотвореніе Беркея: *Plaintes d'une femme, abandonnée par son amant* пользовалося большою извѣстностью у современниковъ.

Къ И. И. Дмитріеву. (Итакъ, ея ужъ нѣтъ.)

Напеч. въ „Москвитинѣ“, 1852. № 21. Стихотвореніе относится, повидимому, къ 1813 г.; изъ арміи въ Муратово Жуковский вернулся 6 января 1813 г. Печатаемъ по тексту названнаго журнала, гдѣ стихотвореніе сопровождается слѣдующими примѣчаніемъ редакціи: „Редакторъ получаетъ этотъ подарокъ отъ М. А. Дмитріева при слѣдующей запискѣ: „Вотъ стихи В. А. Жуковского, нигдѣ не напечатанные и никому неизвѣстные. Они написаны имъ были въ письмѣ къ моему дядѣ И. И. Дмитріеву, послѣ пожара Москвы 1812 года, въ которомъ сгорѣлъ его московскій домъ, бывшій у Хариотія, въ Огородникахъ. Посылаю къ вамъ Москвитинѣ“, „Москвитянинъ“, 1832, т. VI, № 21, отд. 1, стр. 6.—*И. И. Дмитріевъ*, другъ Карамзина, извѣстный русскій писатель (род. въ 1760 г.; ум. 3 окт. 1837). Съ Дмитріевымъ, „второю ипостасью“ Карамзина, Жуковский сближается уже на самыхъ первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности.

Свѣтланѣ.

Въ семейномъ кружкѣ „Свѣтланой“ называлась вторая дочь Е. А. Протасовой. *Александра Андреевна*, вышедшая потомъ замужъ за *Воейкова*.

Къ А. П. Кирѣевской, въ день ронденія Маши.

Авдотья Петровна Кирѣевская, урожденная Юшкова, вторая дочь Варвары Аванасьевны Юшковой, племянница и сверстница Жуковского, оставшая навсегда однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей,—въ первомъ замужествѣ была за докторомъ Василемъ Ивановичемъ Кирѣевскимъ; во второмъ—за А. А. Елагинымъ. В. И. Кирѣевскій скончался въ ноябрѣ 1812 года, заразившись тифомъ въ больницѣ, которую ояъ заведывалъ и гдѣ выказалъ необыкновенную самоотверженность. Кромѣ двухъ сыновей, столь извѣстныхъ поэтамъ, Ивана и Петра, Авдотья Петровна отъ брака съ Кирѣевскимъ имѣла еще дочь Марію, родившуюся 8 августа 1811 г. Скоропостижная смерть мужа на первыхъ порахъ страшно поразила Авд. П-ву; тѣ же мысли, которыя развиваетъ Жуковский въ этомъ стихотвореніи, встречаемъ и въ письмахъ его къ Кирѣевской за это время... Какъ уже замѣчено нами выше, въ биографіи поэта, Авд. П-на была одною изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ своего времени, и въ 30-хъ годахъ, когда она была замужемъ уже за А. А. Елагинымъ и жила въ Москвѣ, домъ ея служилъ однимъ изъ центровъ умственной жизни тогдашней Москвы. А. П. Кирѣевская скончалась въ Дерптѣ, въ 1878 г., перевживъ всѣхъ своихъ близкихъ родныхъ.

Нѣ доктору Фору.

Д-ръ Форъ былъ взятъ въ плѣнъ подъ Маламъ Ярославцемъ и жилъ у Плецевыхъ въ Черни. Въ началѣ 1813 г., когда М. А. Протасова, узнавши, что Жуковский просилъ ея руки и поучить отъ матери ея рѣшительный отказъ, сильно заболѣла. — Д-ръ Форъ лечилъ ее. Стихотвореніе написано въ связи съ этими обстоятельствами.

Кто бъ ни былъ ты—зефиръ, пѣвецъ,
иль чародѣй...

Стихотвореніе до сихъ поръ не было напечатано.

Къ Воейкову. (Добро пожаловать, пѣвецъ!)

Въ примѣчаніи къ стихотворенію читаемъ: „А. Ѳ. Воейковъ, извѣстный намъ стихотворецъ, объѣздивъ иркутскія южныя провинціи Россіи, посѣтилъ автора, жившаго въ деревнѣ (въ концѣ 1813). Онъ написалъ нѣсколько стиховъ въ похвалу поэмы его *Владиміръ*, существующей въ одномъ только воображеніи“.

А. Ѳ. Воейковъ (1778—1839), безызвѣстный въ свое время сатирикъ, поэтъ, критикъ и журналистъ, одно время занимавшій въ Дерптѣ кафедру русской литературы (1815—1820 гг.), авторъ знаменитой въ свое время сатиры *Домъ Сумасшедшихъ* (написанной

первоначально въ 1814 г. и потомъ, почти до самой смерти автора, постоянно имъ передѣлывавшейся и дополнявшейся).—былъ соавторомъ Жуковского по Моск. Благород. пансіону. Въ концѣ 1813 г. Воейковъ, пользовавшійся уже нѣкоторой извѣстностью, по приглашенію Жуковского прѣхалъ къ нему въ Муратово, познакомился съ семействомъ Протасовыхъ и въ слѣдующемъ же, 1814 г., женился на второй дочери Ек. Аевны, Александрѣ Андреевнѣ. Воейковъ очень скоро узналъ тайну Жуковского, любовь его къ М. А.-нѣ, какъ-то проникнувъ тайно въ „Девичьи“ Жуковского, въ „книгу съ бѣлыми листами“, и написалъ въ немъ нѣсколько стиховъ, касавшихся отношеній Жуковского къ его старшей племянницѣ. На это обстоятельство и указываетъ въ послѣднемъ изъ сейчасъ приведенныхъ примѣчаній... Жуковский самымъ дружескимъ образомъ относился въ это время къ Воейкову, но послѣдній очень скоро заплатилъ за это гнусной неблагодарностью: втерпясь въ довѣренность Ек. Аевны Протасовой, а потомъ и женившись на ея дочери, Воейковъ уже очень скоро съ надменностью началъ преслѣдовать Жуковского, такъ что тотъ должнъ былъ даже покинуть Муратово, удалиться на время въ Чернь, къ своимъ друзьямъ Плецевымъ... Замужество Аевны Андреевны было крайне несчастливо, и Жуковский поэтиче совершенно разошелся съ Воейковымъ.

Добрый совѣтъ. Въ альбомѣ В. А. Азбукинъ.

В. А. Азбукинъ приходился родственникомъ Протасовымъ и былъ женатъ на младшей дочери Варвары Аванасьевны Юшковой, Екатериѣ Петровнѣ. Въ 1812 г. Азбукинъ былъ начальникомъ Жуковского по ополченію. † ок. 1837 г. Въ собраніи бумагъ поэта, находящемся въ И. П. Библиотекѣ (въ папкѣ по опис. С. Выхова, № 77, л. 25), имѣется особый, составленный самимъ поэтомъ и собственноручно имъ писанный перечень стихотвореній его, написанныхъ въ теченіе октября, ноября и декабря 1814 г. Въ этомъ „перечнѣ“ разсматриваемое стихотвореніе помѣчено *2 октября*. Какъ указывается г. Ефремовымъ, поводомъ къ составленію стихотворенія послужило слѣдующее четверостишіе самого Азбукина:

Жизнь безъ страха межъ людей,
Мой кровъ—святое Провидіе,
А спутникъ грядущихъ дней—
Любовь, надежда и терпѣнье.

(„Соч.“ Жуковского, I, СПб., 1878, стр. 508). Къ браку Азбукина на Е. П. Юшковую относится печатаемое нами ниже шуточное стихотвореніе Жуковского: *Любовная Карусель... Тульская баллада*.

Библия.

Л. Фонтанъ (L. Fontanes. 1757—1821) принадлежалъ къ самымъ послѣднимъ представителямъ французскаго классицизма, хотя отъ природы обладалъ значительнымъ поэтическимъ чутьемъ; убѣжденный, что послѣ Расина поэзія не можетъ уже произвести ничего высокаго, Фонтанъ тѣмъ не менѣе съ восторгомъ отнесся къ произведеніямъ Шатобриана... Однимъ изъ удачнѣйшихъ стихотвореній было *Le jour des morts*; въ черновыхъ бумагахъ Жуковского мы находимъ указаніе, что онъ имѣлъ въ виду между прочимъ перевести и это стихотвореніе.

Безподобная записка къ тремъ сестрицамъ въ Москву.

Упомянутая здѣсь „три сестрицы“—кажется, баронесса М. А. Черкасова, жившая съ мужемъ въ своемъ имѣніи Володьковѣ, находящемся невдалекѣ отъ Долбины, и ея двѣ сестры.

Росписка Маши Кирѣевской.

Маша Кирѣевская—дочь упоминавшейся нами выше Авд. П. Кирѣевской, родившаяся 8 авг. 1811 г. († въ 1859 г., въ двѣдцать). Стихотвореніе въ концѣ, вѣроятно, шуточно намекаетъ на какую-нибудь дѣтскую подробность, связанную съ этимъ ребенкомъ, которому было въ это время около 3-хъ лѣтъ. Въ одномъ письмѣ 1814 года къ А. П. Кирѣевской Жуковский, жалуясь на жестокость къ нему Е. А. Протасовой и съ горечью указывая, какъ легко могло бы быть

для него осуществленнымъ счастье,—приводить слова той же малютки Кирвевской: „О, люди! люди! О, мода! мода!“

Къ ин. Вяземскому.

(Намъ славить древность Амфіона.)

Амфіонъ—сынъ Зевса и Антиопы, дочери вивскаго царя,—славился своею игрою на лиръ. Выбѣтъ съ братомъ своимъ, близнецомъ Зефомъ, Амфіонъ во многихъ мѣстахъ Греціи является основателемъ городовъ. Говорятъ, при постройкѣ городовъ камни сами собой складывались, какъ нужно, подъ неотразимымъ вліяніемъ игры на лиръ Амфіона...

Къ ин. Вяземскому и В. Л. Пушкину.

По указанію самого кн. Вяземскаго, три эти стихотворенія Жуковскаго стоятъ въ связи съ незадолго написанными передъ тѣмъ *Посланіемъ* къ кн. Вяземскому В. Л. Пушкина. [Соч. В. Л. Пушкина, подъ ред. В. И. Саптова, СПб., 1893, стр. 80—82] и отвѣтнымъ *Посланіемъ* Пушкину кн. Вяземскаго [„Соч.“ кн. Вяземскаго, т. III, СПб., 1880, стр. 73—74]. Въ своемъ посланіи Пушкинъ говоритъ о злѣбѣ критиковъ и невѣжествѣ завистниковъ,—и какъ трудно „во всемъ правиться, всегдѣ угодить“... Пушкинъ, между прочимъ, указываетъ на печальную участь Озерова († 1816), известнаго нашего драматурга, который незадолго передъ тѣмъ, послѣ блестящаго успѣха своихъ трагедій, скоро долженъ былъ [вълѣдствіе не вполнѣ разъясненныхъ обстоятельствъ] оставить службу и удалиться въ свою казанскую деревню:

Давно ли, шестуя Корнею вѣсдѣтъ,
Поэтъ чувствительный, питомецъ Мельниомены,
Творецъ Дмитрія, Фингала, Полкиены,
На Сѣверѣ блисталь? И Озерова нѣтъ!
Завистниковъ-невѣждъ оны училися жертвой;
Въ уединеніи стѣнацій, полумертвой,
Успѣхи оны свои и лиру позабылъ!...

Вяземскій въ отвѣтномъ посланіи, соглашаясь съ Пушкинымъ, что „съ людьми ужиться въ свѣтѣ трудно, у каждаго свой вкусъ, свой судъ и голосъ свой“,—даетъ ему совѣтъ:

Ты смѣйся и молчи... Роптанье безразсудно!...

И дайте:

Грудистыхъ крикуновъ, въ которыхъ разумъ скуднаго
Знаестъ дразноты съ избыткомъ замѣненъ.
Перекричатъ нельзя: языкъ ихъ—брань, искусство—
Пристрастьемъ заглушить священной правды чувство.
А демонъ зависти—ихъ мрачный Аполлонъ!
Но ихъ безвредно, смѣшно вѣроломство
Въ борьбѣ съ талантами не можетъ устоять;
Какъ волны отъ скалы, оно несетъ внять!
Что вѣкъ звила? днѣ! Вѣкъ гени? потомство.
Учись! Забѣс Карамзинъ—честъ крася своего...
Пускай дурачатся! Гордись рукописаньемъ
Сотрудниковъ своихъ!...

Въ разсматриваемыхъ стихотвореніяхъ Жуковскій высказываетъ свой принципиальный взглядъ на подвѣяныя друзьями вопросъ,—какъ относиться поэту къ „славѣ“ и „хуль“ современниковъ,—и мимоходомъ подвергаетъ оба произведенія своихъ друзей стилистической критикѣ.

Къ Плещееву. (Ну, какъ же вздумалъ ты, дуракъ...)

Гриневъ, Іванъ Никифоровичъ,—управляющій въ Долбинѣ, имѣніи Юшковыхъ, въ аилѣ Жуковскій. Раньше Гриневъ былъ учителемъ въ уѣздномъ училищѣ въ Бѣлевѣ и одно время давалъ уроки дочерямъ Ек. Ав. Протасовой.

Губаревъ былъ сотоварищемъ и сверстникомъ Жуковскаго и Тургенева по московскому Благородному пансіону; въ это время проживалъ въ Долбинѣ,—занимался, между прочимъ, перепишкой сочиненій Жуковскаго.

Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди.

Баллада эта первоначально носила заглавіе: *Старушки*. „Балладу *Старушки* въ Москвѣ не пропусти-

ли“,—пишетъ въ апрѣлѣ 1813 г. Жуковскій Тургеневу:—„постарайся, чтобъ того же не сдѣлалось въ Петербургѣ...“ [Письма и пр., стр. 143]. Но то же „сдѣлалось“ и въ Петербургѣ: петербургская цензура также балладу не пропустила... Баллада эта не могла войти ни въ первое (1815—1816 гг.), ни во второе (1818), ни въ третье (1824) изданія сочиненій,—долго ходила по рукамъ въ рукописи и была напечатана лишь въ 1831 г.

Алина и Альсимиъ. [Баллада].

Монкриффъ [Fr. de Moncriff. 1687—1770], французскій поэтъ и академикъ, чтецъ королевы Маріи, сурруги Людовика XV пользовался большою популярностію въ придворныхъ кружкахъ „какъ стихотворецъ, музыкантъ, актеръ и искусный боецъ на шпагахъ“... Какъ писатель, онъ былъ очень плодовитъ, писалъ романы, комедіи, балеты, и вообще былъ представителемъ такъ-назыв. „легкой поэзіи“ (*poésies fugitives*); болѣе удачными были его пьесы и романы. Подражателемъ Монкрифа въ нѣмцкой литературѣ былъ Глемъ (1719—1803).

Ахиллъ. [Баллада].

Стихотвореніе сопровождается здѣсь слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Ахиллу дано было на выборъ: или жить долго безъ славы, или умереть въ молодости со славою—онъ избралъ послѣднее и полетѣлъ къ стѣнамъ Илиона. Онъ зналъ, что конецъ его вскорѣ послѣдуетъ за смертью Гектора—и умертвилъ Гектора, мстя за Патрокла. Сія мысль о близкой смерти слѣдовала за нимъ повсюду,—и въ шумный бой, и въ уединенный шатеръ; вслѣдъ отъ поминъ объ ней; наконецъ, онъ слышалъ и пророческій голосъ копей своихъ, возвѣстившій ему побѣду.“

Виденъ въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Агамъ.

Пріамъ приходилъ однагъ ночью въ греческій станъ
Молить Ахилла о возвращеніи Гекторова тѣла. Мольба сего старца тронула душу грознаго героя: онъ возвратилъ Пріаму обезображенный трупъ его сына, и старецъ невредимо возвратился въ Трою.

И скринять врата Аида.

Аидомъ назывался у грековъ адъ; Плутонъ былъ проименованъ Айдомъ.

Ты не жли, Менецій, сына.

Менецій отецъ Патрокла.

Отъ Скироса, вдалъ влекомый,

Понявшегъ Неоптолемъ.

Лиръ сынъ Ахилла и Деидамія, прозванный Неоптолемомъ. Въ то время, когда Ахиллъ ратовалъ подъ стѣнами Илиона, онъ находился въ Скиросѣ у дѣда своего, царя Ликолада.—[Стихотворенія В. Жуковскаго, т. III, СПб., 1849 г.]

Къ этому прибавимъ еще слѣдующія:

Отуманилася Подъ...

Ида—горный хребетъ въ сѣверо-западной части Малой Азіи (въ Мизіи или Троадѣ); во времена Гомера былъ очень лѣсистъ и богатъ источниками.

Путь къ Тенару проложихъ...

Тенаръ, Тенаронъ (*Taenarum*)—древнее названіе мыса въ Лаконіи въ Пелопонесѣ (нынѣ Матапанъ). Здѣсь, у подошвы мыса, находится шецера, считавшаяся въ древности входомъ въ подземное царство, въ тартаръ. По греческимъ мнѣніямъ, Гераклъ вывелъ изъ ада Церберъ черезъ эту шецеру; здѣсь же дельфинъ высидѣлъ на берегъ поэта Ариона...

Императору Александру.

Въ сентябрѣ 1814 г. поэтъ Долбина Жуковскій пишетъ А. И. Тургеневу: „...Между нами: я хочу писать *Посланіе къ Государю*. Принято ли это будетъ и не поздно ли? Оно давно было бы написано, но... Музѣ надобенъ покой! А у меня его не было...“ Мнѣсяцъ снуста, 20 октября, изъ Бѣлева, ему же: „Хочу примыяться за *Посланіе къ Государю*; плавъ сдѣланъ, кажется, хорошо, а это для меня всего важнѣе. Онъ написанъ,—сдѣловательно, не могу боиться, чтобы мысли, записанныя въ минуту горячую, пропали изъ

головой въ минуту холодную. Мнѣ весело было писать этотъ планъ, и признаюсь, много общаю себя наслажденію отъ самаго сочиненія"... И 1-го декабря того же года: „Ты ждешь отъ меня плана моего *Послания къ Государю*, а я посылаю тебѣ его совѣмъ написанное.“ И датель: „Первое условіе: прочитавъ вместе съ Батюнковымъ, съ Блудовымъ, съ Уваровымъ и, если оны состоятъ надѣлю, съ Дашковымъ. Что найдете необходимымъ поправить, поправляйте: на меня въ этомъ случаѣ уже не надѣйтесь, Лучше написать новое, нежели поправлять. Пока пишу, по тѣхъ поръ мараю, сколько душъ угодно, и могу мараы; написалъ — всему концы! Судьбу этого посланія предаю въ руки твои, Тургеневъ. Ты долженъ его переписать и оставить къ Государыи Императрицѣ, и, если можно, скорѣе. Прошу цензуровать со всевозможной строгостію приложенное *письмо*, переписать его, подписать за меня и подать. Признаюсь, я боюсь, чтобы не вздумалось меня за это Посланіе подарить тѣмъ-нибудь. Старайся, чтобы этого не было. Пошлины съ любви и съ выражения любви къ нашему славному Царю собирать не должно. Я многое писалъ съ восхищеніемъ, и за это счастливое чувство нечѣмъ награждать. Я такъ этого боюсь, что даже намекнулъ объ этомъ и въ своемъ *посвященіи*, но прилично ли? Суди самъ и сдѣлай, какъ посудишь. Изданіе поручаю тебѣ...“ (Письма къ А. Н. Тургеневу, стр. 125, 126, 127, 130—131).

И чуждый вожды...

...Узнавъ тебя, на смерть онъ не ропталъ...

Разумѣется извѣстный французскій генералъ Моро, убитый подъ Дрезденомъ 15 августа 1813 г. И звучно грянуло: *воскринилъ Искупитель!*

„Извѣстно, что торжественное молебствіе россійской арміи совершенно было въ день Свѣтлаго Воскресенія на той площади, гдѣ погибъ Людовикъ XVI“.

Нъ Вукильону.—Мансимъ.

Букильонъ былъ управляющимъ А. А. Пшечеева: *Мансимъ*—слуга Жуковского. Въ бумагахъ г. Ефремова имѣется еще небольшой набросокъ Жуковского, относящійся къ тому же Вукильону и изданный г. Ефремовымъ въ Собр. Сочиненій; помѣщаемъ его здѣсь по этому тексту:

Былъ на свѣтъ Букильонъ
И поэтъ Жуковский,
Вукильону снился сонъ
Про пожаръ московскій;
Видѣлъ также онъ во снѣ,
Что Пожарскій на конѣ
Ъхалъ по Покровской.

О, ужасный, грозный сонъ.
Знать, передъ кручиной.
Вотъ проснулся Букильонъ,
Чистить зубы хной.
Пробудился и востъ
И скорехонку одѣтъ
Онъ въ тулупъ овчинной..

Нъ Кавелину. (Кавелинъ, другъ, поэтъ, директоръ).

Д. А. Кавелинъ (1779—1851) былъ товарищемъ Жуковского по москов. Благор. пансіону, хотя былъ значительно его старше; изъ пансіона вышелъ въ сколькими годами ранѣе Жуковского. Въ небольшомъ стихотвореніи поэтъ хлопочетъ передъ своимъ старымъ сотоварищемъ за какого-то орловскаго доктора. — Гаспари: почему тотъ до сихъ поръ „не подучилъ креста“. Кавелинъ въ это время былъ директоромъ Медицинскаго департамента; позднѣе Кавелинъ былъ директоромъ Главнаго педагогическаго Института въ Петербургѣ.

Въ альбомъ барону П. Ив. Черкасову.

Баронъ *Петръ Ивановичъ Черкасовъ* (1797—1867) былъ ласынкомъ бар. М. А. Черкасовой, жившей въ Володиноѣ, сыномъ Ив. П. Черкасова отъ перваго брака. Въпоследствии онъ былъ замѣнанъ въ дѣло декабристовъ и сосланъ въ Якутскъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ Жуковский воспоминаетъ о немъ:

„Черкасова я зналъ ребенкомъ; его погубила молодость.“ (Письмо къ Императрицѣ Александрѣ Бедоровнѣ, отъ 24 юня 1837 г.).

Нъ Воейкову.

Упомянутый въ посланіи Жуковского *изъ* — названіе славянской буквы *Ѣ*, въ нашихъ алфавитахъ XVII вѣка этимъ словомъ называлась также буква *И*.

*И пустились голубня
Мельпомена съ Купидономъ...*

Голубецъ — народная пляска, хороходная игра, въ которой изображаетъ разломка и примиреніе двухъ влюбленныхъ.

На заклею оконъ Грея...
Зрѣлъ недавно, какъ Пиндаръ...
Зрѣлъ, какъ Сафу билъ толкъ...

Повидимому разумѣются бездарные переводы и подражанія изъ Грея, Пиндара и Сафо — Голенищевъ-Кутузова, выходившіе въ 1803—1805 гг. отдельными изданіями.

Мукъ тамъ бездна! Вотъ Хлыстовъ...
Вотъ Груздокичъ—трагюлюбъ...

„Хлыстовъ“—гр. Д. Н. Хвостовъ; подъ „Груздокичымъ“ едва ли не разумѣется А. Н. Грузинцевъ, одинъ изъ бездарныхъ, хотя очень трудолюбивыхъ нашихъ писателей начала XIX в. Изъ его твореній, помимо трагедій *Электра* и *Орестъ*, болѣе значительными были: *Эмиль-царь*, представленная въ первый разъ въ Петербургѣ въ октябрѣ 1811 г., поэма *Петриада*, шестилѣтній трудъ, вышедшій въ 1812 г. и доставившій автору отъ императора Александра 2000 р. и брилліантовый перстень. *Спасенная и побѣдоносная Россія* (1813), трагедія *Практиды или Спасенная Аомы* (1814) много др.

Трудно сказать, кто разумѣется изъ тогдашнихъ дѣятелей нашей литературы подъ именемъ Фирса... Было высказано предположеніе, не разумѣется ли здѣсь одинъ изъ наиболее рынкихъ дѣятелей „Восстѣль“—Ф. П. Львовъ. (Соч. Батюшкова I, 337). Это названіе встрѣчается также въ эпиграммѣ Батюшкова: *Истинный патриотъ*.

Въ альбомъ А. А. Протасовой.

Въ 1814 г. А. А. Протасова вышла замужъ за Воейкову; едва ли стихи не были написаны по этому поводу.

Любовная карусель. Тульская баллада.

Стихотвореніе до сихъ поръ не было напечатано. Выведенныя здѣсь лица, Катюша—Ек. П. Юшкова, вышедшая замужъ за В. А. Азбукина; Агата—ея старшая сестра, Аня Петровна Юшкова, въ замужествѣ Зонтагъ; Авдотья—другая ея сестра, А. П. Крѣвская-Елагина. О В. А. Азбукинѣ мы упоминали выше. О той нравственной атмосферѣ, въ которой жилъ Азбукинъ, находясь на службѣ (что, можетъ-быть, косвенно и послужило поводомъ къ настоящему шутиланному изображенію его семейнаго времяпрепровожденія. — М. А. Протасова-Мойеръ въ одномъ изъ своихъ болѣе позднихъ писемъ замѣчаетъ: „Мой дѣятельный Мойеръ не можетъ понять, какъ могутъ люди жить такъ... Цѣлый день они на охотѣ, ночи за картами, а утромъ спать. Шампанское тануть, какъ квасъ, — а по дорогамъ валяются вши...“ (Zelditz, W. A. Joukowsky, 120. Загаринъ, 327). По времени происхожденія, произведеніе относится, кажется, къ числу такъ-наз. „долбнскихъ“ стихотвореній Жуковского 1814—1815 гг., когда онъ подолгу живалъ въ Долбнѣ, имѣньѣ Юшковыхъ, селѣ калужской губерніи, находящемся невдалекѣ отъ Бѣлева, а по своему характеру — къ разряду тѣхъ шутиланыхъ произведеній нашего писателя, которыхъ вообще у Жуковского было не мало, хотя они и вращались исключительно въ дружескомъ, семейномъ кружкѣ автора...

Не сомнѣемъ понятное упоминаніе въ заглавіи о „*карусели*“, можетъ-быть, просто случайно вызвано было происходившимъ въ Москвѣ въ 1811 г. въ юнѣ каруселемъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ этого года

(1811 года, въ іюльской книжкѣ, стр. 62—63), мы находимъ слѣдующее описаніе этого праздника:

„Въ послѣдней половинѣ минувшаго іюня въ Москвѣ, у Калужской заставы, посреди нарочно устроеннаго обширнаго амфитеатра, два раза дано было прекрасное и великолѣпнѣйшее зрѣлище карусели. По Высочайшему дозволенію Государя Императора составилось здѣсь благородное карусельное собраніе подъ главнымъ распоряженіемъ его высокопревосходительства Стенана Степановича Апраксина, который наименованъ главнымъ учредителемъ всего каруселя. Стеченіе зрителей было чрезвычайно: въ первый разъ, іюня 20-го, для входа въ ложи и амфитеатръ розданы были зрителямъ билеты; а 25-го числа, для дня рожденія Его Императорскаго Высочества великаго князя Николая Павловича, данъ была подобный первому карусель въ пользу бѣдныхъ. Благородные рыцари показывали искусство свое въ верховой ѣздѣ, мѣткость рукъ и умѣнье управлять оружіемъ. Богатыи уборъ церемоніймейстеровъ и кавалеровъ, устройство кадрили, порядокъ шествія, самыя игры, восхитительныя звуки четырехъ хоровъ военной музыки, все это выше всякаго описанія, все достойно общности, многорядства и пышности древней столицы величайшей въ мірѣ Имперіи... Пышный праздникъ данъ походъ В. Л. Пушкину къ изданію особой брошюры: *О каруселяхъ. Благородному московскому обою пола собранію посвящаетъ кавалерскаго карусельнаго собранія членъ Василій Пущинъ* (Москва, 1811 года. іюня 20 дня). Въ брошюрѣ сообщаются историческія свѣдѣнія о каруселяхъ и турнирахъ, — причѣмъ къ числу послѣднихъ отнесенъ и поединокъ Яна Усмошвеца съ печенѣжскимъ богатыремъ; далѣе описываются карусель, бывшій въ Петербургѣ въ 1766 году, московскіе карусели 1784 и 1803 гг.; наконецъ, представляется списокъ членовъ „карусельнаго собранія“ 1811 года, въ которомъ находимъ фамиліи многихъ представителей высшаго тогдашняго московскаго общества. Въ „запискахъ“ С. Н. Глинки („Русскій Вѣстникъ“, 1866 года, № 5, стр. 212) есть также свѣдѣнія объ этомъ карусель, — кажется, къ ренетицямъ того же каруселя относится и слѣдующая замѣтка Ватюшкова: въ письмѣ къ Гвидичу (отъ 6 мая 1811 года): „У насъ карусель, — всякій день кому нось на сторону, кому зубъ вонъ...“ (Соч. Ватюшкова, II, 391—392).

Нъ генералъ-маіору Б. В. Полутену на выступленіе въ походъ 1815 года 17 февраля.

Б. Вл. Полукетоев († 1843) — одинъ изъ генераловъ, отличившихся въ отечественную войну 1812 года.

Отичи, вырѣзанные на гробѣ А. Д. Полторацкой.

Аг. Дм. Полторацкая — дочь Дм. Марк. Полторацкаго († 1818), „любезнаго пріятели“ Карамзина, владѣльца обширной бібліотеки, † 24 марта 1815 г., 18-ти лѣтъ. Фурману.

Фурманъ — лицо очень мало известное. Съ нимъ познакомился Жуковскій, очевидно, въ періодъ своей дерптской жизни; къ этому времени, какъ видимъ, относится и посвященное ему стихотвореніе. Съ какимъ-то Фурманомъ Жуковскій поздѣе, въ 1820 г., видится за границей, въ Берлинѣ.

Къ Т. Е. Бону.

Т. Е. Бонъ, лифляндскій дворянинъ, былъ пріятедь Жуковскаго. Онъ участвовалъ въ военныхъ походахъ 1805, 1807 и 1813—1815 гг., — отличался выдающимися качествами ума и сердца, — и среди дерптскихъ пріятели Жуковскаго былъ однимъ изъ выдающихся представителей новыхъ романтическихъ стремленій, распространявшихся тогда изъ Германіи...

Старцу Эверсу.

„Старецъ-Эверсъ“ — Лоренцъ Эверсъ (1742—1830), павѣтный профессоръ богословія въ дерптскомъ университетѣ. Обстоятельства, вызвавшія это стихотвореніе, указываютъ самимъ Жуковскимъ въ одномъ изъ писемъ его къ А. П. Кірсевской: „Эверсъ, осьмидесятилѣтній старикъ, есть человѣкъ единствен-

ный въ своемъ родѣ: онъ живетъ для добра, и со всемъ этимъ — простота младенца. Онъ профессоръ. На праздникѣ студентовъ, на который былъ приглашенъ и я, онъ вздумалъ съ мной пить братство. Это меня тронуло до глубины души и... я отъ всей души поцѣловалъ братскую руку. — На другой день послѣ студенческаго праздника отправился я вечеру... за городъ. Солнце заходило самымъ прекраснымъ образомъ, и я вспомнилъ объ Эверсѣ и о завѣщаніи Эверса. Я часто любовался этимъ старикомъ, который всякій вечеръ ходилъ на гору смѣрять на заходженіе солнца. Заходящее солнце въ присутствіи старца, котораго жизнь была свѣтая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрѣлище на свѣтѣ. Мой добрый шептунъ принялъ образъ добродѣтельнаго старика и утѣшилъ меня въ этомъ видѣ. Я написалъ стихи къ старцу Эверсу... они должны быть дерптскія повторенія моего Теона и Эсхина. Въ обоихъ много для меня добра“...

Здравствуй, новый гость земной...

Стихотвореніе написано на рожденіе старшей дочери Александры Андреевны Воейковой, *Екатерины* († 1844). Въ послѣднихъ числахъ іюня или первыхъ числахъ іюля 1815 г. изъ Дерпта Жуковскій пишетъ Тургеневу: „...Радость!.. Моя крестница родила мнѣ крестинду... Любо смѣрять на счастье матери...“

Нъ ин. Вяземскому.

По указанію Вяземскаго, стихотвореніе написано по поводу его стихотворенія „Вечеръ на Волгѣ“ („Рус. Арх.“ 1866, стр. 869). Стихотвореніе это принадлежить къ довольно раннимъ произведеніямъ Вяземскаго, хотя напечатано было лишь въ 1821 году.

Ю. А. Нелединскому-Мелечкому.

Ю. А. Нелединскому-Мелечкому (род. въ 1752 г.; † 1828), безызвѣстному въ свое время поэту и вообще принадлежавшему къ лучшимъ представителямъ нашего образованія и литературы конца XVIII и нач. XIX в. Нелединскій-Мелечкій не былъ пріятымъ литераторомъ, но былъ человѣкъ даровитый и образованный, но лишенный къ тому же оригинальнаго поэтическаго дарованія; его разнообразныя произведенія, особенно „вдохновенныя страсть“ (по выраженію Ватюшкова) пѣсни въ народномъ духѣ многими цѣнились очень высоко и доставили автору широкую извѣстность. По свидѣтельству современниковъ, его пѣсни: *Выйдю ль я на рѣчку* — „пѣли и красавицы высшаго общества, и поселкии среди полевыхъ трудовъ...“ Ватюшковъ называетъ Нелединскаго-Мелечкаго „русскимъ Шолье“, а Пущинъ ставилъ его выше Дмитріева...

Славянка.

Стихотвореніе сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Славянка — рѣка въ Павловскѣ. Здѣсь описываются яткорные виды ея береговъ и въ особенности два памятника, произведенія знаменитаго Матросса. Первый изъ нихъ воздвигнутъ государынею вдовствующею императрицею въ честь покойнаго императора Павла. Въ удѣленномъ храмѣ, окруженномъ густымъ лѣсомъ, стоитъ пирамида: на ней медальонъ съ изображеніемъ Павла; передъ нимъ гробовая урна, къ которой преклоняется величественная женщина въ коронѣ и порфирѣ царской; на pedestalѣ изображено въ барельефѣ Семейство Императорское: Государь Александръ представляется сидящимъ; голова его склонилась на правую руку и лѣвая рука опирается на щитъ, на коемъ изображенъ двуглавый орелъ; въ облакахъ видны двѣ тѣни: одна летитъ на небеса, другая летитъ съ небесъ, навстрѣчу царю. — Спускается къ рѣкѣ Славянкѣ (вливающейся передъ самымъ дворцомъ въ небольшое озеро), находимъ молодую березовую рощу: эта роща называется семейственною, ибо въ ней каждое дерево означаетъ какое-нибудь радостное происшествіе въ Высокомъ Семействѣ Царскомъ. Посреди рощи стоитъ удѣленная урна Судьбы. Далѣе, на самомъ берегу Славянки, подъ тѣнью деревьевъ, воздвигнутъ прекрасный памятникъ великой княгини Александрѣ Павловнѣ. Художникъ умѣлъ въ одно время изобразить и прелестный характеръ, и безвременный ко-

нецъ ея: вы видите молодую женщину, существо болѣе небесное, нежели земное; она готова скинуть міръ сей; она еще не улетѣла, но душа ея смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взоры, и рука ея, поднятые къ небесамъ, какъ будто говорятъ: „да будетъ воля Твоя“. Жизнь, въ видѣ юнаго гения, простирается у ея ногъ и хочетъ удержать летящую; но она ея не замѣчаетъ; она повинуется одному небу—и уже надъ головою ея сияетъ звѣзда новой жизни“.

Пѣвецъ въ Кремлѣ.

Стихотворение издано въ альбюмной брошюрѣ въ 1816 году съ такой замѣткой отъ издателей: „Сін стихи написаны въ концѣ 1814 года“. Авторъ представляетъ пѣвца русскихъ воиновъ, возвратившагося на родину и поющаго пѣснь освобожденія на Кремлѣ, среди гражданъ московскихъ, въ виду жертвы, принесенной за отчизну, и въ тотъ самый день (25 декабря), когда торжествующая Россія преклоняется съ благодарностью колыба предъ Промисломъ, спасающимъ черезъ нея всѣ народы Европы и всѣ блага свободы и просвѣщенія“.

Овсяный кисель.

Стихотворение сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Опытъ перевода съ аллеманскаго нарѣчія. „Гёбель“—говоритъ Гете объ авторѣ *Аллеманскихъ Стихотвореній*:—изображая свѣжими, яркими красками неодоленную природу, умѣетъ оживотворить ее милыми аллегоріями. Древние поэты и новѣйшіе ихъ подражатели наполняли ее существами идеальными: нимфы, дриады, орeadы жили въ утесахъ, деревьяхъ и потокахъ. Гёбель, напротивъ, видитъ во всѣхъ сихъ предметахъ однихъ знакомцевъ своихъ, *полейца*, и всѣ его стихотворные вымыслы самымъ приятнымъ образомъ напоминаютъ намъ о сельской жизни, о судьбѣ смиреннаго земледѣльца и пастуха. Онъ выбралъ для мирной своей Музы прекрасный уголокъ природы, котораго никогда съ нею не покидаетъ: она живетъ и скитается въ окрестностяхъ Базеля, на берегу Рейна, тамъ, гдѣ онъ, перемѣнивъ свое направление, обращается къ сѣверу. Ясность неба, плодородіе земли, разнообразіе мѣстоположеній, живость воды, веселость жителей и милая простота нарѣчія, избраннаго поэтомъ, весьма благоприятны его прекрасному, оригинальному таланту. Во всемъ,—и на землѣ, и на небесахъ,—онъ видитъ своего сельского жителя; съ дѣлнтельными простосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, его семейственные радости и печали; особенно удаются ему изображенія временъ дня и года: онъ даетъ душу растениямъ; привлекательно изображаетъ все чистое, нравственное, и радуетъ сердце картинами ясно-беззаботной жизни. Но такъ же просто и разительно изображаетъ онъ и ужасное и нерѣдко съ тою же любовною простотою говорить о предметахъ болѣе высокихъ, о смерти, о тлнности земного, о неизмѣнности небснаго, о жизни за гробомъ—и языкъ его, не переставая по на минутоу быть неукоснительнымъ языкомъ поселянна, безъ всякаго усилія возмывается вмѣстѣ съ предметами, выражая равно и важное, и высокое, и меланхолическое. Нарѣчье, избранное Гёбелемъ, есть такъ-называемое *аллеманское*, употребляемое въ окрестностяхъ Базеля“.

Весеннее чувство.

Въ одномъ изъ дополнительныхъ томовъ къ изд. 1849 г. (т. XII, 1857) стихотворение это напечатано подъ заглавіемъ: *Вольное подражаніе романсу Шатобриана: Combien j'ai douce souvenance* (XII, стр. 115—116).

Въ альбюмъ гг. М. А. Щербатовой.

Марья Андреевна Поликартова была въ то время, когда эти стихи были къ ней написаны (ок. 1817 г.), еще княжикою *Щербатовой* и, будучи фрейлиной при покойной государынѣ Маріи Феодоровнѣ, имѣла часто случай видаться съ Жуковскимъ...“ („Москвит.“, 1852, стр. 21).

Протоколъ двадцатаго Арзамаскаго засѣданія.
20-е засѣданіе „Арзамаса“ происходило въ іюнѣ 1817 года.

Мѣсяцъ Травный... Пылкій Изокъ... у Мрачнаго Грудня...

Травный (Травень), *Изокъ*, *Грудень* (Грудень)—славянскія названія мѣсяцевъ мая, іюня и ноября; арзамасцы нерѣдко употребляли славянскія слова, выраженія, названія—пародіями любовь въ славянщизнѣ члеовъ „Бесѣды“.

На березѣ Картоши саенной...

Подъ соводемъ

Новосозданныа храма, на коемъ начертано имя Вѣщаго Штейна...

Разумѣется дача С. С. Уварова, въблизи Петербурга, „Новосозданный храмъ“—особый павильонъ, который здѣсь былъ построенъ въ память пребыванія барона Штейна († 1831), знаменитаго полптического дѣятеля Германіи, бывшаго на русской службѣ, въ это время сближавшагося съ Уваровымъ и потомъ находившагося съ нимъ въ нерпнствѣ.

Упоминаемые далѣе члены „Арзамаса“:

Рейнъ—М. Ѡ. Орловъ.

Старушка—С. С. Уваровъ.

Варвѣк—Н. И. Тургеневъ.

Журка (сокращ. изъ *Лысковъ журвалъ*)—Ф. Ф. Вигель.

Пустынный—Д. А. Кавелинъ.

Асждей—кн. П. А. Вяземскій.

Громбой—С. П. Жихаревъ.

Светлана—Жуковский.

Кассандра—Д. Н. Блудовъ.

Эолова арфа—А. И. Тургеневъ.

Ничто пубообразно, ничто смнчанное, вздулось, Громко азбурчало, и вдругъ гармоніей Арфы стало бурчанье...

Арзамаское прозваніе Эолова Арфа дано было А. И. Тургеневу въслѣдствіе постоянного бурчанія въ его животѣ. Тургеневъ отличался тучностью и неузмѣренностю въ ѣдѣ. По словамъ его пріятели, кн. Вяземскаго, „Тургеневъ былъ не гастрономъ, не лакомка, а просто обжорливъ. Въмѣстности его желудка была изумительна“... („Полн. собр. соч.“, VIII, 284).

Тутъ осанитъ Рейнъ разгладилъ чело...

Звонкая надпись сіяла... Журналь Арзамасскій...

М. Ѡ. Орловъ († 1842), блестящій аристократъ, извѣстный въ свое время генераль, членъ „Союза Благоденствія“, былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ кружку „Арзамаса“,—членомъ котораго онъ сдѣлался въ 1817 г., принявъ имя „Рейна“. Орловъ не былъ доволенъ полушутливыми, полусерьезными перебранками съ „Бесѣдой“ и вообще всѣмъ характеромъ арзамасскихъ засѣданій,—и при первомъ же вступленіи своемъ сюда сдѣлалъ попытку обратить занятія кружка къ болѣе серьезнымъ цѣлямъ и предметамъ... „Вмѣсто того, чтобы, по принятому обычаю, произнести пародію надгробнаго слова какому-нибудь живому академику, онъ пропнхъ серьезную рѣчь, въ которой указывалъ обществу, какъ недостойно умныхъ людей заниматье пустяками и литературными перебранками, тогда какъ положіе отечества представляло такое обширное поприще уму всякаго человѣка, предавая обществу своему благу. Онъ заключилъ своихъ новыхъ собратій оставить ихъ ребяческія забавы и обратиться къ предметамъ высокимъ и серьезнымъ. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе: всѣ почувствовали справедливость и упрековъ и совѣтовъ новоприятнаго. Но если густого и неразумнаго стало потомъ меньше въ этомъ обществѣ, то полезнаго и разумнаго все-таки не прибавилось“ (Н. Тургенева, *La Russie*, 173. А. Н. Пыпина, *Очерки общественнаго движенія въ Россіи при Александрѣ I*, СПб., 1883, стр. 405).

Рядомъ съ нимъ Шутовской...

„Шутовской“—кн. А. А. Шаховской (1777—1846), въ свое время весьма извѣстной и чрезвычайно плодовитой драматической писатель. Прозвище это

дано было Шаховскому въ эпиграммахъ на него кн. Вяземскаго, — и навсегда осталось за нимъ въ кружкѣ „Арзамаса“. Позднѣе, въ своихъ комедіяхъ, драмахъ, трагедіяхъ — Шаховской перешелъ къ „романтическимъ“ сюжетамъ, — но на первыхъ порахъ, въ болѣе раннихъ произведеніяхъ, былъ строгимъ „классикомъ“, ближайшимъ послѣдователемъ теорій Шинкова и „Бесѣды“.

Тяжелій съ притчами возъ, а на козлахъ...

Въ буркѣ, графъ Дмитрій Хвостовъ...

Разумѣются *избранныя притчи* (СПБ., 1802) гр. Д. И. Хвостова, знаменитаго въ своемъ родѣ метромапа... „Эта книга, замѣчаетъ кн. Вяземскій, была нашою настольною и потѣшною книгою въ „Арзамасѣ“. Жуковский всегда держалъ ее при себѣ и черпалъ въ ней нерѣдко свои арзамасскія вдохновенія. Она послужила ему и темою для вступительной „рѣчи“, при назначеніи его членомъ арзамасскаго общества. Жуковский имѣлъ особый даръ отыскивать книги подобнаго рода и наслаждаться ими. Онѣ служили ему врачбнымъ пособіемъ для возбужденія здороваго смѣха...“ („Рус. Арх.“, 1866, стр. 431).

...Тушканчикъ Вдымаловъ...

Разумѣется — Е. И. Станевичъ (1775—1835), членъ „Бесѣды“, дѣятельный сотрудникъ ей чтеній, бездарный поэтъ („Собраніе сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ“, СПБ., 1804), сторонникъ Шинкова и противникъ „карамзинистовъ“... Ничтожная книга его: *Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души* — какъ извѣстно, благодаря особымъ обстоятельствамъ времени, нѣсколько позднѣе вызвала цѣлую бурю...

Тюфякинъ, кн. Петръ Ивановичъ († 1845), съ конца 1814 г. былъ вице-директоромъ Императорскихъ театровъ. Последними онъ, впрочемъ, занимался мало, такъ какъ, по свидѣтельству Вигеля — „вечеромъ никогда не бывалъ въ театровъ видѣ“... По свидѣтельству того же современника — „Тюфякинъ былъ скученъ, несносенъ, своенравенъ и зналъ одинъ только чувственные наслажденія“... (Вигель, Воспоминанія, ч. V, М., 1892, стр. 35—36).

Гр. М. Яценко былъ цензоромъ въ то же время

издателемъ журнала, выходившаго въ 1815—1820 гг. подъ заглавіемъ: *Духъ Журналовъ*, или собраніе всего, что есть лучшаго и любопытнѣйшаго во всѣхъ другихъ журналахъ, по части исторіи, политики, государственнаго хозяйства, литературы, разныхъ искусствъ, сельскаго домоводства и пр. Журналъ выходилъ сначала ежемѣсячно, два послѣдніе года — два раза въ мѣсяцъ, въ Петербургѣ. Вопреки сдѣланному здѣсь насмѣшливому отзыву, „Духъ Журналовъ“ былъ однимъ изъ лучшихъ, наиболее замѣтныхъ тогдашнихъ у насъ періодическихъ изданій — но строго опредѣленному и довольно удачно составленному плану, а равно общей серьезности содержанія. Несмотря на то, что издатель былъ самъ цензоромъ — журналу приходилось вести безполезныя пререканія съ цензурой. Въ борьбѣ съ цензурой журналъ и палъ...

Піеридами въ древности назывались то настоящія музы, то — дочери вѣокаго Эмотійскаго царя Піероса, который своими девяти дочерямъ далъ имена девяти музъ. Дочери затѣяли состязаніе съ музами въ пѣніи и остались побѣжденными, — за что въ наказаніе были превращены въ сорокъ... По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, почитаніе музъ первоначально явилось у древняго племени еракійскихъ пѣвцовъ, которые жили въ Піеріи, у Олимпа, и потомъ переселились въ Беотію, на Геликонъ. Изъ Беотіи культъ музъ мало-по-малу распространился по всей Греціи... — Мимоходомъ замѣтимъ, что въ 1802 г., въ Петербургѣ выходилъ беллетристическій сборникъ *Піериды*, издававшийся студентомъ Горнаго Института П. Яковлевымъ (вышло 2 книжки).

...Вѣсти о куражѣ съ лицомъ человѣческимъ...

Разумѣется незадолго передъ тѣмъ вышедшая книжка: *Описаніе курицы, имплицей въ профиль фигуру человека*, изд. Фишеромъ (М., 1815).

Рѣчь въ засѣданіи „Арзамаса“.

Въ „Рѣчи“ изображается печальное положеніе „Арзамаса“ въ послѣднее время его существованія; едва ли „рѣчь“ Жуковского не была послѣдней „арзамасской рѣчью“. По замѣчанію современника, къ концу 1818 года „Арзамасъ“ оказался уже „на боку“, — и „тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ“...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.	стр.	
1812.			
Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.	3	Къ Воейкову (Добро пожаловать, пѣвецъ).	38
Вождо побѣдителей.	10	Къ самому себѣ (Ты унываешь о дняхъ, невозвратно протекшихъ).	41
Къ Н. Н. при посылкѣ портрета.	11	Къ Тургеневу, въ отвѣтъ на стихи, присланные имъ вмѣсто письма (Въ день счастья).	—
Элизіумъ. Пѣсни. <i>Изъ Маттиссона.</i>	12	Добрый совѣтъ. Въ альбомѣ В. А. Азбукину.	—
Паршество Александра, или сила гармоніи. <i>Изъ Дрейдена.</i>	—	Библия. <i>Изъ Фонтана.</i>	42
Мечты. Пѣсни. <i>Изъ Шиллера.</i>	14	Безподобная записка къ тремъ сестрицамъ въ Москву.	43
Пустышникъ. Баллада. <i>Изъ Гольдсмита.</i>	15	Росписка Маши Кирѣвской.	—
«Хорошо, что ваше письмо коротко!»	17	Мотылекъ.	44
**Посланіе къ Плещееву въ день Свѣтлаго Воскресенія.	18	Эпитафіи—молу, хромоту, пьяницѣ, грамотью, толстому эгоисту, завоевателямъ.	—
Стихи на портретѣ А. П. Плещеевой.	21	Желаніе и наслажденіе.	—
1813.			
Узникъ къ мотылку, влѣтъшему въ его темницу. Пѣсни. <i>Изъ Местра.</i>	—	Къ кн. Вяземскому (Намъ славить древность Амфіона).	—
Адельстанъ. Баллада. <i>Изъ Саути.</i>	22	Къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину.	—
Государыни императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.	24	I. «Друзья, тотъ стихотворецъ горе...»	45
Къ Филону. <i>Изъ Маттиссона.</i>	25	II. «Вотъ прямо одолжили...»	47
Ивиковы журавли. Баллада. <i>Изъ Шиллера.</i>	—	III. «На этой почтѣ все въ стихахъ...»	49
Эпимесидъ. <i>Изъ Парни.</i>	27	Къ кн. Вяземскому. Отвѣтъ на его посланіе къ друзьямъ (Ты, Вяземскій, хитрецъ, хотя ты и поэтъ).	50
Тургеневу, въ отвѣтъ на его письмо (Другъ, отчего печаленъ голосъ твой).	28	Въ альбомѣ [баронессѣ Е. И. Черкасовой].	51
Сиротка. Романсъ.	30	Записка къ баронессѣ [М. А. Черкасовой].	52
Пѣсня матери надъ колыбелью сына. <i>Изъ Беркена.</i>	—	Къ Плещееву (Ну, какъ же вздумалъ ты).	—
Къ П. И. Дмитріеву.	31	Записка къ Коложскимъ.	53
Нина къ сунругу въ день его рожденія.	32	Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди. <i>Подражаніе Саути.</i>	—
Рай.	—	Варвикъ. Баллада. <i>Изъ Саути.</i>	56
Къ Плещееву (Напрасно я, другъ милый).	33	Алина и Альсимъ. Баллада. <i>Изъ Монкрифа.</i>	57
Свѣтланѣ.	—	Эльвина и Эдвинъ. Баллада.	60
Къ А. П. Кирѣвской, въ день рожденія Маши.	—	Ахиллъ. Баллада.	61
Обѣтъ.	34	Эолова арфа. Баллада.	63
«Вспомни, вспомни...»	—	Аббадона. <i>Изъ Клопштока.</i>	66
Путешествіе жизни.	—	Императору Александру.	70
Надпись на картинкѣ, изображающей «три радости».	—	Молитва русскаго народа.	77
Молитва дѣтей.	35	Совѣтъ.	78
Къ доктору Фору.	—	Смерть.	—
Уединеніе. Отрывокъ.	36	Что такое законъ?	—
1814.			
Письмо къ *** (Я самъ, мой другъ, не понимаю).	—	Безполезная скромность.	—
**«Кто бъ ни былъ ты...»	37	«De Vouquillon...»	—
«Прелестный день, не обмани...»	—	Максимъ.	79
«Когда бъ родиться въ свѣтъ и жить...»	—	Къ Кавелину.	—
Къ А. П. (Кирѣвской).	—		

	стр.		стр.
Теонъ и Эсхинъ	80	Красный карбункулъ. Сказка. <i>Изъ Гебеля.</i>	109
Въ альбомъ барону П. П. Черкасову	81	Деревенскій сторожъ въ полночь. <i>Изъ Гебеля</i>	113
Амуръ и Мудрость	—	Тѣлность. <i>Изъ Гебеля.</i>	114
«Счастливыи путь на берега Фокиды!»	82	Весеннее чувство.	116
Плачь о Индифъ. Быль	—	«Тамъ небеса и воды ясны...»	—
Къ Воейкову (О, Воейковъ! видно, намъ).	84	Стихи, на случай перваго отреченія Бонапарта, пѣтые на праздникѣ, данномъ англійскимъ посломъ лордомъ Каткартомъ	117
Въ альбомъ А. А. Протасовой	84	Воспоминаніе (Прошли, прошли вы, дни очарованья)	—
«Что дѣлаешь, Сандрокъ?»	85	«Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ...»	—
Отвѣты на вопросы въ игрѣ «секретарь».	—	Пѣсня (Кольцо души дѣвицы).	118
«Ноябрь, зима посолъ...»	—	Явленіе боговъ	—
Фениксъ и голубка	—		
Къ арфѣ	86	1817.	
Записка къ Свѣчину	—	Утѣшеніе въ слезахъ. <i>Изъ Гете.</i>	—
**Любовная карусель. Тульская баллада.	—	Къ мѣсяцу. <i>Изъ Гете</i>	—
1815.		Въ альбомъ кн. М. А. Щербатовой	119
Ареонагу	87	Къ портрету в. кн. Александры Оеодоровны	—
«Предъ судилище Миноса...»	89	1818.	
Прощаніе	—	Протоколъ двадцатаго Арзамаскаго за-сѣданія	—
Къ генералъ-маіору В. В. Подуектову	90	Отрывокъ рѣчи въ засѣданіи «Арзамаса»	123
Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Д. Полторацкой.	—	Государынѣ в. кн. Александрѣ Оеодоровнѣ. На рожденіе вел. кн. Александра Николаевича. Посланіе	124
Фурману	—	Графъ Габсбургскій. Баллада. <i>Изъ Шиллера</i>	126
Къ Т. Е. Боку	91	Рыцарь Тогенбургъ. Баллада. <i>Изъ Шиллера</i>	127
Старцу Эверсу	92	Вѣрность до гроба. <i>Изъ Кернера.</i>	128
«Здравствуй, новый гость земной!»	—	Горная дорога. <i>Изъ Шиллера</i>	129
Къ кн. Вяземскому (Благодарю, мой другъ).	93	Лѣсной царь. Баллада. <i>Изъ Гете</i>	—
Ю. А. Нелединскому-Мелецкому (Друзья, стаканъ къ стакану).	95	Листокъ	—
Голосъ съ того свѣта. <i>Изъ Шиллера.</i>	—	Мечта	130
Ночь	—	Утренняя звѣзда. <i>Изъ Гебеля</i>	—
Пѣсня (Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ).	—	Лѣтній вечеръ. <i>Изъ Гебеля</i>	131
Пѣсня (Птичкой пѣвицею).	96	Невыразимое. Отрывокъ	132
Пѣсь русскому царю отъ его воиновъ.	—	Утѣшеніе. <i>Изъ Уланда</i>	—
Славянка. Элегія.	97	Рыбакъ. Баллада. <i>Подражаніе Гете.</i>	133
Стансы	99	Жалоба пастуха	—
Къ неизвѣстной дамѣ, въ отвѣтъ на лестную отъ нея похвалу	—	Новая любовь—новая жизнь	—
Ир. Д. Полторацкой, при посылкѣ стихотвореній въ первомъ изданіи.	—	Въ альбомъ Е. Н. Карамзиной	134
1814—1816.		Смерть Иисуса. <i>Кантата К. В. Раммера.</i>	—
Пѣвецъ въ Кремлѣ	100	Надробіе П. П. и А. И. Тургеневымъ (Судьба на мѣстѣ семъ)	137
1816.		Примѣчанія	138
Сонъ. <i>Изъ Уланда</i>	105		
Пѣсня бѣдника. <i>Изъ Уланда.</i>	—		
Счастіе во снѣ. <i>Изъ Уланда</i>	—		
Мнѣніе. Баллада. <i>Изъ Уланда</i>	—		
Гаральдъ. Баллада. <i>Изъ Уланда</i>	106		
Три пѣсни. Баллада. <i>Изъ Уланда</i>	—		
Пѣсня (Минувшихъ дней очарованье)	—		
Овсяный кисель. <i>Изъ Гебеля.</i>	107		

24.157/1.6